

ТАНЦЫ НА БЫКАХ

Танцы на быках

Год 1125 от сошествия яркого пламени

— Миледи Бранвен, извольте слезть с окна! — приказала Матильда, на правах старшей служанки в замке. — Что скажет милорд Освальд, если увидит вас?

Улыбка Бранвен стала особенно нежной и мечтательной:

— Я думаю, Тильда, он скажет: «О, как скучает обо мне моя невеста! Она не отрывает взгляда от дороги, дожидаясь жениха».

— Нет! — отрезала Матильда. — Он скажет: «Как неприлично, что взрослая девица, здоровенная, как кобыла, расселась на подоконнике и болтает ногами!»

— Глупая, глупая Тильда! Освальд не знает таких слов! — прокричал наследный лорд Роренброк, галопируя по комнате на палочке. Ему только-только исполнилось девять лет, и он еще не привык во всем соблюдать серьезность и достоинство, как полагается отпрыску славного рода.

— Не топай и не кричи, Найси, — попросила Бранвен, слезая с подоконника и разглаживая юбку. — Матушка еще не встала, ты потревожишь ее сон. И не смейся над нашей милой Тильдой.

Она обняла старушку и поцеловала ее в морщинистую щеку.

У третьей барышни Роренброк нрав был кроткий, как у голубки, и внешность была под стать нраву — ничего яркого и буйного, что отличало Роренброков среди дворян Вудшира, иначе — Лесного Угла. Бранвен больше походила на мать, уроженку севера, и унаследовала от нее русые волосы и серые глаза. Зато и черты лица у нее были тонкие, и кожа молочно-белая, как опал. И хотя леди Бранвен не слыла первой красавицей в округе, ее считали миловидной и воспитанной девицей, которая будет идеальной женой любому благородному лорду. Менестрели слагали баллады в ее честь, и говорили, что даже сам король напевал иногда песенку о белой голубке из Вудшира. Кто знает, не эта ли песенка заставила лорда Освальда, герцога Аллемада, пересечь пустыню и прибыть в Роренброк, чтобы просить в жены леди Бранвен? Так или иначе, а предложение было сделано, принято, и теперь готовилась свадьба. Жених отбыл в столицу, чтобы испросить у короля позволения на брак, а в замке невесты готовились к торжественному приему.

Невеста была освобождена от всех хлопот по дому, чтобы иметь в день свадьбы вид отдохнувший и свежий. Ее даже разрешили от ежедневных обязанностей благородной дамы — прядения и вышивания, чтобы кожа на руках стала гладкая, как самый лучший шелк. Ведь жених в день венчания наденет на палец невесте кольцо, и вовсе не нужно, чтобы на этом пальце были мозоли или наколы.

— К чему такие предосторожности? — недоумевала Бранвен. Она брала мать за руки и поворачивала их ладонями вверх, разглядывая желтоватые кружки мозолей на подушечках пальцев. — Ведь выйдя замуж, я все равно буду прясть и ткать. И муж увидит мозоли, раны и царапины. Не лучше ли оставить все, как есть? Вдруг милорд Освальд решит, что я белоручка и ничего не смыслю домашних работах?

— Глупышка! — нежно упрекала ее мать, Бранвен была ее любимицей среди пятерых дочерей. — До свадьбы мужчины никогда не думают, хорошую ли хозяйку они приводят в

дом, и мозолистые ладони могут их оттолкнуть. А уж когда женятся — делай, что хочешь. Тогда мужу придется терпеть и мозоли на руках, и мозоли на пятках.

Говоря так, леди Роренброк весело смеялась. Бранвен тоже смеялась, но только чтобы не обидеть матушку. На самом деле, ей не казался смешным подобный обман. Но она была послушной дочерью, и уже видела милорда Освальда, поэтому желала свадьбы всем сердцем. Девушки из благородных семей редко встречаются с женихами до свадьбы. Сколько легенд о том, как невеста падала в обморок у алтаря, узнав, кого приготовили ей в супруги заботливые родители. Бранвен повезло — Освальд Аллемада был молод, но не юнец, хорош собой, но не щеголеватый красавец, которого заботят напомаженные усы и новомодные длинноносые туфли. Настоящий мужчина, отважный воин и брат самого короля! О чем еще мечтать?

Но она все равно мечтала. Мечтала о далекой стране, куда ей предстояло уехать, мечтала о той жизни, что ждала ее в неведомых краях. Сказать по правде, Роренброк, да и весь Лесной Угол — место скучное. Рыцарские турниры объявляются по случаю приезда короля, а приезжает он так редко... На памяти Бранвен было всего два рыцарских турнира. А в Аллемаде турниры проводят четыре раза в год. Да еще устраивают тавромахии — на них рыцари пешими бьются с разъяренными быками. Представляя себе картины этих битв, Бранвен трепетала, и кровь прилиwała к щекам. Там начнется совсем другая жизнь во всем отличная от нынешней. Бранвен примерит высокий генин — головной убор замужней дамы, станет одеваться в бархат и носить украшения из ярких камней, а не один лишь жемчуг, который приличен юным девицам. И рядом будет любящий супруг — красивый, добрый, богатый, как в балладах.

Об этом ей и грезилось, когда она днями напролет сидела у окна, глядя в небо, а вовсе не на дорогу, где должен был показаться караван жениха. И хотя матушка иногда упрекала любимую дочь в излишней мечтательности, но никогда ее не неволила, считая, что семейная жизнь вернет пташку с небес на землю.

Теперь, когда у Бранвен было много свободного времени, она подолгу гуляла по замку, прощаясь с залами и комнатами, с укромными местечками в нишах и под лестницами, где пряталась в детстве, играя с сестрами. Поднималась она и на крышу, чтобы оглядеть Роренброк на три мили окрест и насладиться чудесной осенью. Ведь рябины никогда не пылали так ярко, а березы никогда еще не щеголяли в такой золотистой листве, как в этот год.

Приезда милорда Освальда ожидали со дня на день, и слуга, приставленный к голубятне, даже спал там, чтобы сразу же сообщить радостную весть.

В тот день Бранвен поднялась на галерею третьего этажа, где висели портреты Роренброков. Она знала предков наперечет — Драго Роренброк, который прославился убийством последнего дракона в Эстландии; Арна Роренброк, урожденная Сомарец, королева по рождению, выбравшая в мужа безземельного рыцаря; Брайан Роренброк, путешественник и писатель, исходивший королевство вдоль и поперек, и не побоявшийся заглянуть в западные леса, откуда принес Погибель Роренброков, уничтожившую северную башню замка и Родри Роренброка, правнука Брайана, единственного наследника по мужской линии, не успевшего оставить потомства. После этого случая наследницей была объявлена сестра Родри — Дейдра Мильфлер. Король повелел ее старшему сыну взять фамилию Роренброков и возродить династию.

Бранвен задержалась возле портрета Брайана. С картины на нее смотрел мужчина с

старомодной квадратной бородкой, в богатом костюме, расшитом золотом, но с простым дорожным посохом в руках. Глаза прапрапрадедушки были выписаны с большим мастерством — взгляд казался живым и пронзительным. В семейных летописях о милорде Брайане было написано на удивление мало, и все — сухим, лаконичным языком. «Чернокнижник», — так называла его бабушка. Детям строго-настрого запрещалось посещать развалины Северной башни. Ее так и не восстановили, и слуги боялись ходить мимо развалин ночью, утверждая, что из-под камней доносятся стоны и просьбы о помощи. Бранвен считала это глупостью простолюдинов. Втайне от старших, она и сестры излазали все камни, лестницы и закоулки злополучной башни, и никаких стонов не слышали. В башне особенно хорошо было играть в прятки или в спасение принцессы. Обычно роль плененной принцессы отводилась Бранвен. Старшая сестра Айфа изображала дракона или колдуна, похитившего красавицу. Она так рычала и гримасничала, вживаясь в роль злодея, что пугала сестер до слез. Вторая по старшинству сестра — Эмер, обязательно становилась благородной спасительницей или храбрым рыцарем. Она была самой рослой и сильной, до безумия любила лошадиные скачки и очень сожалела, что не родилась мальчиком. А близняшки Тигриша и Киарана принимались в игру в качестве оруженосцев или помощников колдуна, роли более важные им не доверяли в силу малолетства.

Выглянув из окна галереи, Бранвен посмотрела на Северную башню, вспоминая старших сестер. Пришло время, и Айфа уехала из родительского дома, выйдя замуж. Потом наступила очередь Эмер, хотя она клялась, что переоденется менестрелем и убежит странствовать по свету. Теперь должна была уехать Бранвен. В Роренброке оставались близнецы, но и они в следующем году достигнут брачного возраста, и матушка станет подыскивать им мужей. Тогда замок опустеет, и бедняге Найси не с кем будет играть в шатрандж. Но он вырастет и приведет жену, снова родятся дети — новые Айфа, Бранвен, Найси, и они так же будут играть на камнях Северной башни.

От таких мыслей Бранвен загрустила. Она скучала по Айфе и Эмер, а письма от них приходили нечасто. Теплое осеннее солнце ласково коснулось ее макушки, и Бранвен покинула сырую и промозглую галерею, спустилась по лестнице для слуг и вышла во внутренний двор.

Из окон кухни слышались крики стряпухи и взвизгивания поварят, подвернувшихся под горячую руку. Сегодня начали готовить праздничное угощение — печь белый хлеб, печенье и свадебные вафли, мариновать уток, чтобы быстро поджарить их в день приезда милорда Освальда. На кухню тащили огромные корзины с ягодами, рыбой и курами. Поздняя зелень, связанная в пучки и вымытая в родниковой воде, сушилась на деревянных решетках. Ее истолкут с солью и будут добавлять в качестве приправы к жирному мясу.

В конюшнях, наоборот, было тихо. Все мужчины отправились на осеннюю охоту — запастись достаточным количеством дичи для пиршества.

Поднимая юбку повыше, чтобы не испачкать подол, Бранвен обошла двор и примостилась на камнях Северной башни. Отсюда ей был виден Маг Риг — Королевский Луг, который уже скосили, и изгиб реки Эн Фиор, весь в острых волнах. Предзакатное солнце окрасило воду в золотистые и оранжевые цвета, и небо пылало еще ярче рябин на берегах. Бранвен наслаждалась красотой родного края, стараясь сохранить в памяти все до последнего листочка. Может быть, это последняя осень, которую она встречает в Роренброке.

— Почему вы так печальны, леди? — участливо спросила Алейна, горничная графини

Роренброк, пробегая мимо с кипой свежевystиpанных полотенец. — Скорее улыбнитесь и поспешите к госпоже. Она искала вас, время прогулки.

Каждый вечер леди Дерборгиль прохаживалась по замковой стене — от Южной башни до ворот и обратно ровно десять раз. Графиня считала подобные прогулки полезными для здоровья и соблюдала этот ритуал и в дождь, и в мороз, а Бранвен одолжна была сопровождать ее. Матушка рассказывала какую-нибудь историю времен своей юности, которую Бранвен слышала раз триста, или сетовала на то, что граф рано покинул ее, а жизнь вдовы не очень-то весела. Обычно Бранвен покорно следовала за матерью, внимательно слушая, какое кольцо было преподнесено графине покойным графом по случаю помолвки, и как однажды в Роренброке принимали короля Этельреда. Но сегодня прогулка помешала бы. Она хотела вдосталь намечтаться в одиночестве.

Притворившись, что идет к воротам, Бранвен юркнула в узкую щель в стене и оказалась в Северной башне. Отсюда полуразрушенные ступени вели до самой крыши, хотя подниматься по ним было опасно — они крошились под ногами, как стекло. Но до третьего этажа можно было добраться без риска, что Бранвен и сделала. Здесь у нее был любимый уголок, в котором она успешно пряталась прежде, и где затаилась сейчас. Раньше тут находилась спальня — под рухнувшей потолочной балкой виднелась широкая дубовая кровать с резными спинками, а в углу стояло потускневшее зеркало, чудом пережившее разрушение и отделавшееся одной продольной трещиной. Все ценные вещи были давным-давно вытащены из башни, но зеркало никому не приглянулось. Рама у него была простая, деревянная, даже без позолоты, и хотя его можно было отдать в ремесленную — пустить на мелкие поделки, никто не озаботился и этим.

Присев на вывороченный камень, Бранвен взглянула в зеркало, как делала это много раз, когда изображала похищенную принцессу. Мутная поверхность заиграла бликами и показала ей миловидную девушку в розовом платье с малиновым шелковым кушаком. Русые волосы, свободно ниспадающие до пояса, были украшены тонкой серебряной диадемой с тремя крупными жемчужинами, величиной с лесной орех каждая. Бранвен встала и подошла ближе, разглядывая отражение и поглаживая кончиками пальцев по щекам и лбу. Конечно, она не так красива, как Айфа, и не обладает таким высоким ростом и горделивой осанкой, как Эмер, но многие считали ее хорошенькой, а некоторые — даже красавицей. Бранвен поворачивала лицо то в одну сторону, то в другую, пытаясь предположить, что же почувствовал лорд Освальд, когда впервые увидел ее. Она нашла себя весьма привлекательной. Нос у нее матушкин — тонкий и прямой, а не курносый, как у близнецов. И щеки немного впалые. Это красиво, когда у девицы немного впалые щеки — придает облику утонченность. Глаза у нее большие, с длинными ресницами. Жаль, что она не унаследовала синих глаз Роренбровов, но хорошо, что ресницы и брови темные. Противно быть белобрысой, как леди Меб — лицо, как тесто, и глаза черными кружочками.

Застенчиво улыбнувшись Бранвен-в-зеркале, Бранвен-настоящая продолжила изучать собственную внешность. Она осталась довольна ртом (лорд Арчибальд сказал, что губы ее нежные и розовые, как лепестки роз, а формой похожи на натянутый лук), и ровными белыми зубами (послала в зеркало не менее десяти улыбок), шея длинная и прямая, и ключицы не выпирают. Выпирающие ключицы — что может быть безобразнее?! Девица должна быть мягкой, как сдобная бриошь. Да, мягкой, но иметь тонкую талию. Бранвен завертелась, пытаясь, глядя через плечо, оценить гибкость и стройность стана. Очень даже неплохо, а если затянуть корсет потуже, то получится не талия, а рюмочка. Потом наступил

черед ушей. Ведь замужней даме придется прятать волосы, и уши будут выставлены на всеобщее обозрение. Посмотрев на одно ухо, а потом на другое, Бранвен не нашла в них изъяна — маленькие, похожие на морские раковины, с бархатистыми мочками, которые еще не прокалывали для серег, они были прижаты к голове плотно и не оттопыривались. Девушка хихикнула, вспомнив жену лорда Теофода, у которой уши торчали, как ручки у кастрюли.

Желая убедиться, что ей сравнение с таким неизящным предметом не грозит, Бранвен подняла волосы двумя руками, но сделала это так стремительно, что толкнула локтем ветхую раму зеркала. Для пережившего Проклятье Роренброков предмета это оказалось роковым событием. Что-то щелкнуло, и зеркало развалилось на две половинки, одна из которых немедленно рухнула на каменный пол, разлетевшись тысячью осколков. Бранвен застыла, забыв опустить волосы и все еще слыша жалобный звон. Семь лет несчастий! Страшное суеверие! И это перед свадьбой! Она даже всхлипнула от жалости к себе. И зачем только нужно было смотреться в это противное зеркало! Бранвен с обидой уставилась на оставшуюся в раме половинку, и мгновенно позабыла обо всем. За зеркалом находился тайник. Да-да, настоящий тайник — ниша в каменной стене. Хлопья пыли и паутины висели на камнях и толстым слоем покрывали нечто большое, прямоугольное, завернутое в полуистлевшую ткань.

«Ларец с драгоценностями!» — решила Бранвен, и радостно захлопала в ладоши. Вот бы найти какие-нибудь давно утраченные и позабытые фамильные украшения!

Она подобрала палочку и как могла счистила с найденного ларца пыль. Потом вытащила его из ниши, стараясь не запачкать платье, и водрузила на камень, на котором недавно сидела. Ларец был из темного дерева, тяжелый, но не запертый, Бранвен открыла его без труда. К ее огромному огорчению в ларце не оказалось драгоценностей. Там лежала книга, обернутая в кусок навощенного шелка. Вот так находка. Она бы обрадовала Айфу, которая облазила всю Северную башню в поисках колдовских книг Брайана Роренброка, но не нашла ничего, даже самого крохотного амулетика. А вот она, Бранвен, нашла. То, что книга была колдовская, девушка не сомневалась. Какие еще книги будут прятать за зеркалом? Всем известно, что зеркала отпугивают демонов. И неспроста тайник устроили именно здесь.

Поколебавшись немного, Бранвен одним пальцем подцепила кожаный переплет и приоткрыла книгу на фут. Ничего не произошло, и Проклятье Роренброков не разбросало остатки Северной башни по округе. Ободренная этим, охваченная любопытством, подобно кошке королевы Фридегит, Бранвен смело раскрыла книгу. Как и ожидалось, она была полна заклинаний. На пожелтевшем от времени пергаменте разными почерками были вписаны заклинания — короткие и длинные, на эстландском языке и какими-то странными письменами. Страницы были засалены, кое-где заломаны на уголках и заляпаны воском. На некоторых виднелись пометки — пояснения к магическим формулам или перевод их на общее наречие. Возле отдельных заклинаний изображались всякие разности — молния, туча, тонущий корабль... Бранвен рассудила, что это для вызова молнии, дождя и бури. Какая бесполезная книга. Кому нужно вызывать бурю? Не лучше ли вызвать сапфировое ожерелье?

Но всем известно, что магия — это обман, иллюзия. И магическое сапфировое ожерелье не будет таковым на самом деле. Все равно, что нацепить фальшивку на шею. Только избранные обладают силой воплощать мысленные образы в вещественные. За последние несколько сот лет таким даром обладала лишь Верховная Патронесса. Припомнить бы, как

ее звали?..

Бранвен переворачивала страницу за страницей, постепенно теряя интерес к книге. Надо будет отправить фолиант Айфе. Она помешана на всем, что касается колдовства. Вот пусть и вызывает молнии, когда супруг провинится. Бранвен уже готова была захлопнуть книгу, когда та сама собой раскрылась на двести тринадцатой странице. Сначала это показалось Бранвен невероятным, и она успела испугаться древнего волшебства, но потом разгадала причину: прежние владельцы книги так часто открывали именно эту страницу, что переплет треснул. Что же тут такого интересного?

Прочитав названия, она невольно остановилась на одном из них. «Призывающий любовь заговор». Заклинание было написано на непонятном языке змеистыми знаками, но чья-то заботливая рука аккуратно перевела его на эстландский. Призывающий любовь...

К заклинанию прилагался рисунок — мужчина и женщина, сплетенные в страстном объятии. Бранвен покраснела. Рисунок одновременно пугал и притягивал, ведь она еще не видела ничего подобного. Благородные девицы изучают науку любви в постели супруга и под его руководством. Внебрачные связи — позорны, и убереги яркое пламя от них! Перед свадьбой мать, тетка, старшая сестра или другая уважаемая и опытная в семейной жизни дама объясняла новобрачной ее супружеские обязанности, а девицам оставалось придумывать небылицы и читать запрещенные романы, контрабандой привозившиеся с юга.

Бранвен исполнилось восемнадцать, и лорд Арчибальд однажды поцеловал ее, когда они смотрели фейерверк на празднике Осени. Но Бранвен так и не поняла — правдивы ли рассказы о сладости науки страсти. Она испугалась и мало что запомнила, да и сам поцелуй длился всего несколько мгновений. Попробуй, разберись.

Проследив строки пальцем, Бранвен вдруг поняла, почему некоторые буквы стерлись и были обведены явно другой рукой — люди, ушедшие в вечность, читали заклинание так же, как и она, ведя пальцем по строкам. И читали много, много раз.

Она вдруг вспомнила свою первую встречу с лордом Освальдом. Тогда она вошла в зал, опустив глаза на кончики туфель и чувствуя, как краска смущения заливает лицо. Мать представила ее гостю и назвала его имя — Освальд Аллемада. И только после этого Бранвен осмелилась поднять взгляд.

Лорд Освальд стоял совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. У него было задумчивое умное лицо, и он даже не улыбнулся в ответ, когда Бранвен улыбнулась, произнося заученное приветствие.

Она не смогла понять, понравилась ли жениху, и боялась лишний раз посмотреть на него. Их посадили рядом, и лорд Освальд, согласно этикету, подливал невесте вина и подкладывал на тарелку самые лакомые кушанья.

Он сказал пару слов о Роренброке, похвалил умение графини вести хозяйство — даже после смерти графа замок не пришел в упадок, прекрасно возделывались поля в округе, и конюшня была в полном порядке.

— Только почему вы не уберете эти развалины? — жених кивнул в сторону Северной башни, которая виднелась в распахнутом окне. — У вас освободилась бы половина двора, которую можно использовать под посевы или построить склады для зерна.

— Что вы, — возразила Бранвен, — никто не посмеет прикоснуться к этим камням. Северная башня была разрушена Проклятьем Роренброков и считается заколдованной... — она кратко рассказала ему историю предка-путешественника, и была рада, когда по окончании рассказа лорд Освальд рассмеялся.

— Как глупы люди, — сказал он. — В моих краях на подобные суеверия уже никто не обращает внимания. Думаю, и ваш покойный отец не верил в эти сказки, а развалины были дороги ему, как память предков.

Бранвен поспешила согласиться, чтобы не выглядеть девицей из провинции, которая верит и в сон, и в чох, и в черный глаз. Но не вопросы хозяйства занимали ее сейчас, и она набралась смелости призвать жениха к ответу.

— Как вы находите свою невесту, милорд? Не разочаровала ли я вас? — спросила она, скромно потупясь.

Лорд Освальд некоторое время молчал, и Бранвен успела передумать сотню одинаково пугающих мыслей: «Он шокирован моей невоспитанностью!.. он посчитает меня глупым ребенком!.. он скажет, что женщине следует быть скромнее!.. он расторгнет помолвку!..»

— У вас очень тонкая душа и ранимое сердце, если вы волнуетесь об этом, — сказал лорд Освальд. — Вы молоды и прекрасны — как вы можете не понравиться? Это мне следует бояться разочаровать вас. Я старше на восемь лет и не так хорош собой, чтобы девицы млели от одного вида. Но вы ведь не считаете, что красота для мужчины — это главное?

Бранвен тут же согласилась с ним, хотя была разочарована. Наверное, ей хотелось услышать нечто другое, а не то, что она не может не нравиться, поскольку молода и красива. «А когда я стану старше? А если потеряю даже ту миловидность, что свойственна в юности?» — волновалась она после встречи.

Свои страхи она доверила матушке, и та ее успокоила — мол, не все мужчины страстно влюблены в своих жен, порой заводят и любовниц, но к супруге относятся уважительно и любят детей.

Такое объяснение успокоило Бранвен ненадолго. И вот теперь, после обнаружения колдовской книги, сомнения начали терзать ее с новыми силами. Она еще раз посмотрела на страницу — всего-то пять строк... и женщинам не возбраняется заниматься магией. Когда-то давно, лет сто или двести назад, магия была привилегией мужчин. Но потом все изменилось, и теперь знахарка или бродячая магиня не вызывали удивления, и никто не требовал отправить нарушительницу закона на костер. Почему бы и ей не попробовать применить магию? Ведь нет ничего плохого в том, чтобы заставить мужа любить жену страстно и нежно. А не просто уважать за родовитость, красоту, молодость и богатое приданое.

— Это небольшое колдовство, совсем даже крохотное, — прошептала Бранвен, утешая себя. — Если бы оно было сложным или опасным, то требовался бы ритуал с кровью или возжиганием свечей. Здесь только и нужно, что прочитать пять строчек...

Вызвав в памяти образ жениха, Бранвен медленно и внятно прочитала любовный заговор.

glaoch air affectionately air
call s ridh agus is leat fidir
glaoch iznyvae ag paisean nuair
beidh s ag teacht agus a quench do paisean
agus disappears ars go dt nach thoghairm ansin

Смешные слова, похожи на эстландские, но и не похожи. Будто говоришь во сне —

говоришь, а смысла речей не понимаешь.

Это и вправду было крохотное колдовство, потому что после прочтения не ударила молния, солнце не померкло, и земля не дрогнула. Действуют ли они еще, эти древние заклинания?

Бранвен со вздохом захлопнула книгу, раздумывая, что с ней сделать. Караван на север отправится не раньше октября. Где хранить книгу до этого времени? Положить ли обратно в тайник или забрать с собой и спрятать на дне сундука, чтобы близняшки не добрались? И еще интересно — подействовал ли заговор на лорда Освальда? Как теперь он посмотрит на нее при встрече?

Вопросов было много, а ответов — ни одного. Еще раз вздохнув, Бранвен обернула книгу в вощеную ткань, чтобы унести в свою комнату, и тут на плечи ей легли чьи-то руки. Кто-то бережно, но властно развернул ее к себе, кто-то наклонился и поцеловал ее в губы. И этот поцелуй не шел ни в какое сравнение с поцелуем лорда Арчибальда. Сравнить эти два поцелуя было все равно, что сравнивать молнию с пламенем свечи.

Сердце подпрыгнуло и замерло, а колени подогнулись, как тряпичные. Бранвен упала бы, но человек, поцеловавший ее, схватил за талию и прижал к себе.

— Ты такая красивая, — услышала она низкий хриловатый голос. — В этот раз мне удивительно повезло.

От звука чужого голоса Бранвен очнулась. Перед ней стоял вовсе не лорд Освальд, о котором она только что грезилась, и даже не лорд Арчибальд, и не кто-то из прочих знакомых лордов и джентри. Это был совсем незнакомый мужчина. Высокий — чтобы поцеловать Бранвен ему пришлось наклониться, а теперь она глядела ему в лицо снизу вверх. Черноволосый — в Эстландии такие черноволосые живут только на юге, но мужчина не был похож на южанина. У него было худощавое лицо и бледная смуглая кожа, не такая темная, как у южан. Брови разлетались от переносицы к вискам вороньими крыльями, а глаза были большие и черные, в них почти невозможно было разглядеть зрачков. Эти глаза смотрели на Бранвен так жарко и с таким откровенным восхищением, как никто и никогда еще не смотрел. Длинные волосы спадали на плечи, а сам мужчина был абсолютно гол. То есть, на нем не было ничего — даже подштанников. И прижимался он слишком уж тесно и очень... недвусмысленно.

Бранвен завизжала пронзительно и дико, совсем неподобающе статуса благородной девицы. Оттолкнув незнакомца, она бросилась вон из башни, спотыкаясь на неровных ступенях и путаясь в подоле. Два раза она едва не слетела с лестницы, рискуя сломать шею, но у выхода остановилась, как вкопанная — дорогу из башни ей преграждал все тот же голый мужчина. Бранвен попятилась, пытаясь понять, как ему удалось так быстро спуститься. Не провалился же через потолки с третьего этажа?

— Почему бежишь, прекраснейшая из женщин? — молвил он. — Остановись, мне не терпится познать твою сладость и нежность.

Говорил он на староэстландском наречии, очень правильно и напевно. Так еще говорят на островах, где живут древними обычаями и чтут прежних богов, а не яркое пламя. Но вот он сделал шаг вперед, и Бранвен мигом позабыла и об островах, и о богах.

— Не подходи! — завопила она. — Если посмеешь приблизиться, тебя заперют до смерти! Я — дочь графа Роренброка! Немедленно дай пройти!

Она пыталась одновременно держать его в поле зрения, и в то же время воспитание заставляло брезгливо отворачиваться, хотя сложен он был, как отец всех мужчин, чье изображение однажды она краем глаза увидела в молитвеннике матери.

Незнакомец вскинул брови и казался удивленным, но Бранвен не было дела до того, чему он там удивлялся. Снаружи послышался топот и в башню ворвались слуги во главе со старшим конюхом Шеймасом. Он держал в руках деревянные вилы и едва не пырнул ими голого наглеца, который ничуть не смутился и только отступил в сторону, даже не пытаясь прикрыться.

— Что случилось, леди Бранвен? — Шеймас тяжело дышал от быстрого бега.

— Еще спрашиваешь, что случилось?! — Бранвен ткнула пальцем в сторону, где стоял безумец, осмелившийся покуситься на нее.

Слуги уставились туда, куда она показала, но не двинулись с места, а принялись шептаться, переминаясь с ноги на ногу. Шеймас почесал затылок и поставил вилы рогульками вниз.

— Вас, верно, крыса напугала? Их много тут шныряет, не надо бы вам заходить в башню. Пойдемте-ка отсюда поскорее, пока госпожа графиня не прознала.

Бранвен потеряла дар речи и позволила увести себя, оглядываясь на черноволосого. Он широко ей улыбнулся и помахал рукой на прощанье.

«Безумна! Я сошла с ума!» — с ужасом подумала Бранвен. К ней спешила Матильда, которой доложили, что ее пташечке стало плохо в Северной башне.

— Разве можно, миледи! — пеняла кормилица, забирая Бранвен у Шеймаса и энергично подталкивая ее к замку. — Сколько говорилось, чтобы вы не шастали в эту проклятую башню! Всегда были такой послушненькой, а теперь что?! Велю заколотить туда двери. И священника приглашу, чтобы отслужил молебен против колдовства.

«Подожди, Тильда, там ведь человек», — хотела сказать Бранвен, но промолчала. Если этого развратника замуруют в башне заживо — туда ему и дорога. А не нравится — пусть прыгает в окно с третьего этажа.

Она почти пришла в себя, и теперь, стесняясь до слез, припоминала, каким предстал перед ней нахальный незнакомец. Вспомнила, как он поцеловал ее, залилась краской и невольно коснулась губ — они до сих пор горели. Ничего похожего на поцелуй лорда Арчибальда. Но надо признать, что лорд был не так красив, и не говорил красивые слова на староэстландском.

— Что вас так напугало, миледи? — вопрошала Матильда, пока они поднимались по лестнице в спальню Бранвен. — Надеюсь, это не призрак Черной Аннис?! Если она появляется перед невестой, это дурное предзнаменование — супружеская жизнь не сложится!

— О чем ты, Тильда? — с трудом выговорила Бранвен. — Охрани меня яркое пламя от такой беды! — она осенила себя священным знаком, сложив вместе четыре пальца и подогнув большой. Четыре пальца означали четыре добродетели, дарованные посредством небесного огня — веру, целомудрие, милосердие и терпение. — И прекрати болтать ерунду. Те, кто поклоняются яркому пламени, не должны быть суеверными.

— Верно, милочка, только от того, что в них перестанут верить, ни Черная Аннис, ни Черный Бык из подземья не перестанут существовать. Уж можете мне поверить, я повидала на своем веку гораздо больше вашего.

Спорить с кормилицей не было смысла, и Бранвен замолчала. Матильда отвела девушку в спальню, умыла и причесала. Она настаивала, чтобы миледи надела ночную рубашку и немедленно улеглась в постель, но Бранвен не хотела ложиться до вечерней молитвы, и кормилице пришлось уступить.

— Тогда сядьте вот тут, где воздух посвежее, — служанка подтащила к окну кресло и насильно усадила в него Бранвен, — и вздремните маленько. А я скажу, чтобы на ужин подали ореховое печенье. Вы же его любите, а сегодня как раз начали печь. И печеньице, скажу вам, удалось отменное.

Оставшись одна, Бранвен прислонилась затылком к плетеной спинке кресла и закрыла глаза. Что за странные события произошли сегодня? Неужели, она и правда помешалась? Или это было какое-то злое колдовство, скрытое в книге?

— Наконец-то мы одни, — раздался у самого ее уха знакомый хриловатый голос.

Бранвен приморозило к креслу от ужаса. Мужчина из башни каким-то непостижимым образом оказался в ее комнате и теперь сидел на подлокотнике, едва не касаясь Бранвен голым бедром.

— Что тебе нужно? — спросила Бранвен с придыханием. — Почему преследуешь меня? Сейчас сюда придут мои служанки и...

— Ни к чему нам служанки. Мы прекрасно справимся и без них, — он склонился над девушкой и потянул вязки шнуровки на ее блию.

— Оставь меня! Или закричу!

Мужчина тут же отстранился и нахмурился:

— Ты уже кричала. И ничего хорошего не вышло. Только переполошила людей и себя выставила в дурном свете. Но зачем кричать? Я не нравлюсь тебе? Обычно, женщины млеют от одного моего вида.

— Какое самомнение! Повторяю: немедленно убирайся!

— Вот так новость. А ведь это — та еще заморочка, маленькая леди. Прости, что я — не блондин из твоих снов, но если закроешь глаза, обещаю вести себя, как блондин. Ты даже не заметишь разницы, — и он снова поцеловал девушку в губы.

Дыхание его было легким и сладким, как яблочный дух, и Бранвен, чувствуя слабость и истому во всем теле, унеслась в какую-то сказочную страну, едва не позабыв об Эстландии, ее жителях и собственной чести. Но воспитание, а паче всего — горячая кровь Роренброков сделали свое дело, и в следующее мгновение оскорбитель получил пощечину, а Бранвен истошно заголосила на весь замок, призывая на помощь.

— Ты дикая, что ли?! — воскликнул мужчина, держась за щеку.

Ногти Бранвен оставили три глубоких царапины, он вытер кровь, ругаясь сквозь зубы на непонятном языке. Бранвен нашла в себе силы спрятаться за спинку кресла. Каждый шаг давался с трудом, но сладкий дурман, которым окутал ее незнакомец, постепенно рассеивался. «Яркое пламя! — подумалось Бранвен. — Он — колдун! Поцеловал — и я готова растаять!»

— Не смей приближаться! — пригрозила она, выглядывая из-за кресла одним глазом. — У меня при себе ладанка с мощами преподобной Голейдухи! Мне не страшно никакое колдовство!

— Ну да, — пробормотал мужчина, разглядывая ее, как диковинку из сокровищницы короля.

Двери распахнулись, и на пороге возникла Матильда в сопровождении дюжины солдат.

— Я здесь, моя деточка! Кто посмел вас обидеть? — старуха заметалась по спальне, близоруко озираясь в поисках Бранвен, а стражники вытягивали шеи, заглядывая в спальню графской дочки. Войти посмел только капитан.

— Меня зарежут, а вы знать не будете! — крикнула Бранвен, выскакивая из укрытия. — Немедленно уведите его! В тюрьму и под суд наглеца!

К ее удивлению, этот самый наглец не выказал страха, а преспокойно уселся на кровать, облокотившись на подушки и развалив ляжки. Он еще и принялся почесываться, чем вновь вызвал краску на щеках Бранвен.

— Забрать кого? — после некоторого молчания спросил капитан. Он кашлянул в кулак и затеребил усы. — Миледи что-то привиделось?

— Вы ослепли? — Бранвен раздраженно топнула. — Вон он, сидит на моей постели!.. Уберите его! А ты, Тильда, смени белье, я не лягу, пока не будут постланы чистые простыни.

Воцарилось молчание. Матильда тихо ахнула и затеребила четки, которые извлекла из кармана передника, а капитан кивнул солдатам, давая знак уйти, и сам направился прочь.

— Лекаря бы... — сказал он Матильде вполголоса. — И графине сообщить...

Старуха растерянно кивнула, провожая стражников, а потом принялась доставать белье из сундука, не выпуская четки.

— Сейчас мы все перестелем, моя ягодка, — заговорила она с преувеличенной добротой. — Конечно, только свежие простыни... Чтобы вам спалось сладко, и никаких страшных снов.

Незнакомец засмеялся, но старуха и ухом не повела. Потрясенная Бранвен застыла посреди спальни и смотрела, как нарушитель ее спокойствия поднимается с постели перед самым носом Матильды, а та начинает менять простыни и взбивать подушки, как ни в чем не бывало.

— Ну, позабавила народ? — нарочито вежливо спросил мужчина, подходя к Бранвен, но все же держась на безопасном расстоянии. Он поглядывал из-под полуопущенных ресниц на девушку, и царапины на щеке не вязались с его взглядом и улыбкой соблазнителя.

— Что это? — прошептала Бранвен одними губам.

— А как ты думаешь? — ответил он вопросом на вопрос, и Матильда опять ничего не слышала.

— Очистительное пламя, сохрани! — Бранвен всплеснула руками, и слезы сами покатались по щекам.

Матильда тут же подскочила к ней и начала утешать:

— Ничего страшного, деточка. Это от волнения перед свадьбой. Пусть ее, эту вечерю молитву. Я скажу леди Дерборгиль, что вы слишком устали и не спуститесь к ужину, а покушать велю принести сюда. Только сейчас же прилягте, не упрямытесь, моя ласточка. Я заварю мяты и шалфея, выпьете, уснете, а завтра все забудется.

— Да, завтра... — повторила Бранвен, цепляясь за служанку, как утопающий за воздух. — Завтра все станет, как обычно.... Все пройдет... Это просто... видение.

Черноволосый громко хмыкнул.

— Конечно, пройдет, миледи. Давайте я шнуровочку распушу, — Матильда принялась снимать с госпожи платье.

Бранвен инстинктивно прикрылась, но вовремя вспомнила, что посторонний в спальне — лишь ее больное воображение, и отвернулась, чтобы видеть масляный светильник, в котором трепетал золотистый язычок пламени — жертва яркому огню. Огонь очищает душу и разум, пусть же сейчас он прогонит морок, который Бранвен навлекла на себя то ли тем, что прикоснулась к заклинательной книге, то ли тем, что разбила зеркало.

— Я бы раздел тебя быстрее. И с большей приятностью. А ты такая красавица, что даже смотреть — редкое удовольствие... — сказал мужчина-призрак, неслышно подступив сзади и приближаясь губами к ее виску. Голос у него был сладкий и тягучий, как патока. Голос лишал сил и поработал одним своим звучанием.

И девушка против воли склонила голову к нему на плечо, не в силах противостоять неведомым чарам, пугаясь и желая власти над собой.

— Взгляни, что твоя красота делает со мной, маленькая леди...

Его мужское естество гордо выпятилось и нацелилось в потолок, и вид сей части мужского тела подействовал на Бранвен, словно пригоршня холодной воды в лицо.

Испуганно ахнув, она нырнула под одеяло, прячась с головой. Какое-то странное видение! Странное и страшное! Высунув нос, Бранвен попросила:

— Няня, не уходи, посиди со мной. И спи сегодня здесь.

— Ах, голубушка вы моя, — Матильда захлопотала вокруг, поправляя подушки и опуская полог. — Кто же тогда с вашей матушкой поговорит и насчет покушать распорядится? Да у меня столько дел еще перед вашей свадьбой. Кто их переделает? И где

мне лечь здесь, старой? Сделаем вот как. Я пришлю Ллинет. Для работы она все равно бестолковая, а поговорить — куда как хороша. Девчонка она молоденькая, мясистая, что ваш поросенок на откорме — прекрасно выпится возле камина. И поболтаете с ней в свое удовольствие.

Едва дверь за старой служанкой закрылась, незванный гость присел на край кровати и потянул за одеяло, принуждая Бранвен открыться. Лихорадочно нашарив на груди ладанку, она выставила ее перед собой.

— Так это — твое грозное оружие? — мужчина с улыбкой посмотрел на ладанку.

— Святая Голейдуха защитит меня от любого колдовства.

— Но я не колдун, дитя. Смотри, нахожусь рядом, прикасаюсь к твоему талисману, и ничего не происходит. Я не дергаюсь в конвульсиях и не бьюсь в припадке... — говоря так, он медленно протянул руку и погладил девушку по голове.

Пытаясь уклониться, Бранвен вжалась в стенку, натягивая одеяло до подбородка.

— Если закончила изображать испуганную девственницу, давай перейдем к более приятным занятиям, — сказал он вкрадчиво. — Между прочим, я незаслуженно получил оплеуху.

— Незаслуженно?!

— Совершенно незаслуженно. Ведь если ты не хочешь поцелуев, могла просто сказать. Мы бы пропустили их.

— Пропустили?

— Да, пропустили поцелуи.

— Поцелуи? — девушка невольно облизнула губы и обозлилась на себя за это. Но разум и самообладание попросту улетучивались, когда рядом сидел голый мужчина и медленно, но верно стягивал одеяло.

Напрасно Бранвен прислушивалась, в надежде уловить шаги слуг в коридоре — в этой части замка было тихо, и лентяйка Ллинет не слишком-то торопилась услужить миледи невесте.

Зато черноволосый подбирался к ней медленно, но верно.

— Не смей прикасаться ко мне! — велела Бранвен, не выпуская края одеяла, будто играя в игру «кто кого перетянет». — Сейчас придет моя служанка и...

— Я слышал. Та, с которой хочешь поболтать. А со мной поболтать не хочешь, маленькая леди? И с моим младшим братом?

— Ты еще и родню привел?! — возмутилась Бранвен.

Он засмеялся, и Бранвен поспешила перетянуть одеяло на свою сторону, как будто оно могло защитить.

— Почему ты боишься? — спросил мужчина.

— Зачем тебя бояться? Ты всего лишь видение. Я слишком волновалась, плохо спала и...

— Не бойся, — повторил он, — я не причиню тебе зла. Наоборот, доставлю наслаждение.

— Ничего не слышу! Не желаю с тобой разговаривать! — заявила Бранвен затыкая уши. — Я перевозилась, — забормотала она, утешая саму себя, — мне чудятся ужасные вещи... Чего боятся невинные девушки перед свадьбой? Первой брачной ночи. И вот, пожалуйста — чудовище, которое меня преследует.

Мужчина привлек ее к себе, заставляя опустить руки, и объятия его вовсе не были

призрачными. Он взял ее за подбородок, чтобы посмотреть в глаза, и поинтересовался:

— Что скажешь теперь? Я все еще видение или чудовище?

Вместо ответа он получил вторую пощечину и вынужден был отступить.

— Это слишком смахивает на реальность, не так ли, девочка? — сердито спросил он. —

Но все же драться тебе не стоило.

Теория с видениями-привидениями рассыпалась в пыль, и Бранвен сидела красная от негодования.

— Держись подальше, развратник! — велела она.

— Что за бред! Зачем ты тогда меня вызвала?

— Я вызвала?

— Ты.

— Я?!

— Да, ты, — он начал терять терпение. — Ты, и никто кроме тебя. Ведь именно ты прочитала призывающее заклинание.

— Заклинание?

— Заклинание.

— Я?!

— Клянусь серебряной лапой моего папы!.. — протянул он, потирая щеку. — Мне опять не везет. На этот раз красotka — но полоумная!

— Не забывайся! — одернула его Бранвен. — Помни, с кем говоришь.

— С кем же? Ах, простите, забыл, что у прекрасной госпожи Рори... как тебя там?.. королевская кровь и королевское достоинство! — было похоже, что вторая пощечина сбила с него староэстландский лоск и напевность. Он злился и не скрывал этого, и именно это преобразование придало Бранвен сил бороться с опасным очарованием.

Несколько минут они с призраком обменивались гневными взглядами, а потом, наконец-то, появилась Линет — рослая краснощекая девица. Она держала поднос, заставленный тарелками с едой, и глиняную чашку с травяным напитком. Запахло пожаренным хлебом, мятой и разогретым вином.

— Я принесла ужин и еще питье для успокоения нервов, миледи, — сказала Линет, ставя поднос на маленький столик с тремя резными ножками. — Матильда велела, чтобы вы все скушали и все до капли выпили, поэтому извольте слушаться.

Она придвинула столик к кровати и поднесла Бранвен чашку, не обратив внимания на мужчину, сидевшего на постели, хотя чуть не наступила ему на ногу.

— Благодарю, Линет, — сказала Бранвен. — От одного запаха стало лучше. Я выпью все, но не голодна. Съем немного печенья, а остальное унеси. Постой! Оставь! Унесешь завтра.

— Конечно, миледи. Оставлю, миледи, — служанка кивнула, но выглядела озадаченной.

— Правильно решила насчет ужина, я ужасно голоден, — мужчина прихлопнул ладонями по ляжкам, глядя на поднос. — Отошли девицу, чтобы не мешала.

Бранвен молча взяла с блюдечка печенье и откусила кусочек. Руки ее дрожали, как в лихорадке.

— Я принесу матрас и подушку, миледи, — сказала Линет.

— Нет, не уходи, — велела Бранвен, страшась остаться наедине со странным гостем.

— Но где же мне спать, миледи? Не беспокойтесь, я вернусь быстро, вы спохватиться не успеете, что меня нет, — и служанка выскользнула за дверь, напевая песенку про кудрявую

Кейтлин, ждущую моряка.

Бранвен откусила еще кусочек печенья, жуя его с преувеличенным усердием.

— Если не голодна, тогда я съем? — спросил черноволосый и не дожидаясь ответа зачерпнул ложку овсянки с рыбными потрохами, откусил сразу половину фальшивого яйца из лососевой икры и зажевал все куском пшеничного хлеба.

— Для призрака ты удивительно прожорлив, — заметила Бранвен.

— Наверное, потому что я — не призрак, — ответил тот с набитым ртом.

— Кто же ты? — очарование пропало, и теперь Бранвен взирала на мужчину без приязни. Яркое пламя, он даже пальцы облизывал! Никакой куртуазности!

Тарелки пустели на глазах, но трапеза была прервана появлением Ллинет, притащившей матрас и подушку. Она увидела полную чашку травяного настоя, о котором Бранвен совсем позабыла, и расстроилась:

— Как же так, миледи? Матильда сказала, непременно надо выпить. Это подарит вам крепкий и спокойный сон.

Бранвен подчинилась и допила успевший остыть напиток. Выплюнув попавший в рот листочек мяты, она обратилась к служанке с самым невинным видом:

— Никак не могу уснуть. Помассируй мне ноги, душечка?

— Слушаюсь, миледи, — и Ллинет всем своим дородным телом уселась на колени черноволосому, который вскочил с проклятиями, пройдя через служанку, как ветер через редкую ткань.

Ллинет поежилась:

— Сквозит где-то, миледи. Наверное, ставни разохлись. Завтра позову плотника.

Она начала массировать ступни Бранвен, напевая вполголоса. Сейчас она пела песню про красавицу Мол-Меха — нежно-медовую, которая танцевала под боярышником и была похищена волшебным крылатым народцем.

— Ты это умышленно подстроила? — возмущался тем временем мужчина. — Решила поиздеваться?

Но Бранвен была слишком поражена увиденным, чтобы ответить, каковы были ее намерения. Зажав ладонью рот, она пыталась вернуть здравость мысли, и это ей никак не удавалось. Да еще черноволосый развратник крутился рядом, размахивая своим достоинством, как герольд жезлом на турнире — где уж тут обрести спокойствие?

— Ты все-таки призрак, — тихо сказала она, стуча зубами.

— Вам тоже холодно, миледи? — Ллинет все еще зябко поводила плечами. — Сквозняк, верно? Камин разжигать не станем, а вот жаровню я принесу.

Она отправилась за жаровней, а Бранвен обратилась к видению, которое оказалось очень непонятным видением. Она сказала, стараясь смотреть в сторону:

— Прощу, отойди подальше, ты смущаешь меня. Я никогда не видела мужчин вот так... И мне не по себе.

— Подальше? Я не ослышался? — призрак недовольно скривился, но от кровати отошел и сел в кресло, забросив ноги на стол. Так его чресла не выставлялись напоказ, и если немного пофантазировать, можно было представить, что он вполне себе одет.

— Хорошо, что ты такой сговорчивый. А теперь — исчезни. Уходи туда, откуда пришел.

— Поверите ли, госпожа, только об этом и мечтаю.

— Так уходи!

— И мгновения бы не задержался. Но когда я тебя обнимаю, ты начинаешь реветь, как

корова на сносях, и дерешься, как кухарка.

Бранвен вспылила:

— Потому что ты ведешь себя, как невежа из конюшни!

— Неправда, сначала я был до слащавости мил. И поучил плюху.

— Ты получил ее по делам своим! Зачем домогаешься меня, негодный?

Он посмотрел насмешливо:

— А как, по-твоему, я должен вернуться?

— Как?

— Ты и вправду глупа или притворяешься? — спросил он без обиняков.

— Прекрати оскорбления! — Бранвен стукнула кулаком по подушке. И куда только подевались ее манеры, которыми она так гордилась? Ей стало стыдно за собственную несдержанность. Но стыдно не перед гостем, а перед собой. Призвав себя к спокойствию, она несколько раз глубоко вздохнула и надменно осведомилась:

— Как твое имя, развратник?

Мужчина хмыкнул, но назвался:

— Эфриэл.

На древнем наречии это означало «Бычья сила», и подразумевалась вовсе не сила рук или ног. Бранвен снова покраснела, и готова была саму себя отхлестать по щекам. Никто не вгонял ее в краску чаще, чем этот невоспитанный мужлан.

— Тебя не могут так звать, — сказала она. — Я требую, чтобы ты назвался по-настоящему.

— Послушай, красотка, что тебе не нравится в моем имени? Вот тебя зовут Бранвен, верно? И я тоже мог бы заявить, что это невозможно. Как маленькая глупая девственница может зваться «Благостное лоно»?

— Неправда! — крикнула Бранвен, но тут же опомнилась и заговорила тише. — Мое имя означает «Мудрая дева».

— Да ну, — ухмыльнулся Эфриэл.

— Кто ты такой? Откуда явился? И причем здесь призывающее заклинание?

— Ты же не разговариваешь с чудовищами, — поддразнил он.

— Ответишь или нет?

— Отвечу. Хочешь узнать, кто я? Я — сид. В вашем мире еще помнят о нас?

— Сид? — Бранвен несколько секунд осознавала услышанное. — Крошка со стрекозиными крылышками из детских сказок? Умнее ничего не придумал?

— Крошек с крылышками придумали вы, люди, — презрительно заявил Эфриэл. — Вы никогда не отличались особым умом, поэтому дурацкие сказки — по вашей части.

— И чего ради ты явился к нам, глупым и презренным смертным? — спросила Бранвен, не зная — верить ему или принять за сумасшедшего, или посчитать сумасшедшей себя.

— Я оставил? Да сколько раз повторять: это ты вызвала меня заклинанием. Ты прочитала заклинание — я появился. И теперь жду, когда ты отправишь меня обратно.

— Я?!

— Мы опять возвращаемся к бессмысленным разговорам, — вздохнул сид. — Ты, дитя, ты.

— Постой, кажется, начинаю понимать... — Бранвен переплела пальцы и наморщила лоб. — Та книга, которую я нашла... Я прочитала заклинание на призвание любви...

— Радуешь меня необыкновенно, — сид вежливо похлопал. — Поклон за

сообразительность.

— Я призывала любовь, а не тебя.

— Красотка, ты хотела любви, и я пришел, чтобы ее дать.

— Нет, — Бранвен покачала головой, — я хотела вовсе не твоей любви. Я читала заклинание на любовь моего жениха, лорда Освальда.

— Какая милая наивность. А тебя не смутило, что в заклинании не упоминалось имени твоего жениха?

Бранвен захлопала ресницами, охваченная неподдельным ужасом:

— Ты говоришь... то есть... — бормотала она.

— Мы начинаем прозревать, правда? Объясню еще проще. Это заклинание читают девицы и не совсем девицы, которые хотят крепких мужских объятий. Они читают, я появляюсь, люблю их до умопомрачения — и исчезаю, сделав свое дело. Но я не могу исчезнуть, если та, которая меня вызвала, не получит плотского удовольствия. Так что прекрати ломаться и получи от меня удовольствие, — он приглашающе раскинул руки и встал навстречу Бранвен, показывая себя во всей красе.

Краснеть дальше было попросту некуда, но Бранвен умудрилась это сделать. Теперь она сидела пунцовая, словно спелая вишня. Три раза она пыталась заговорить, и три раза у нее ничего не получалось. Все это время сид наблюдал за ней с вежливым вниманием, но во взгляде было столько иронии, что Бранвен не сомневалась — в душе он потешается над ней, над ее глупостью и над ее смущением.

— Я вынуждена извиниться, — выдавила она, опуская голову, чтобы не видеть насмешливых глаз. — Произошла досадная ошибка, я не нуждаюсь в твоих услугах.

— Мне от этого ничуть не легче. Хотелось бы вернуться, — ледяным тоном заявил сид.

— Тебе придется отыскать другой способ. Я просватана и храню верность моему жениху, лорду Освальду, — возразила Бранвен.

— Серьезное заявление. Ты верна жениху, а мне-то что прикажешь?

— Я уже сказала, поищи другой способ...

— Другого способа нет, красотка, — сказал сид зловеще, и в следующий миг Бранвен оказалась на лопатках, утонув в перине, а сверху пристроился Эфриэл. — Да ты сама этого хочешь, глупышка, — мурлыкнул он, ловя губы девушки, которая только и могла, что отворачивать лицо то вправо, то влево. — Хотя я готов поиграть в твою игру, ведь приз обещает быть таким сладким...

Бранвен забилась под ним, пытаясь освободиться, но ее держали крепко, как стальными оковами.

— Ты же не возьмешь меня силой?! — пискнула она, тараща глаза.

— Это и не потребуется, ты сама согласишься с радостью.

— Никогда-никогда-никогда! Мне это так противно, так противно... как съесть дождевого червя!

Сравнение рассмешило Эфриэла, и он даже позабыл о поцелуях, вдосталь насмеявшись.

— Девичьи капризы и глупости, — заявил он безоговорочно, располагаясь рядом с Бранвен и закидывая на нее ногу, чтобы не вырвалась. — Не бойся, я быстро управлюсь. Вот помню, как-то меня вызвали двенадцать монахинь из монастыря святой Вуны, что в Мерингии, тогда — да, мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы оказаться дома...

Бранвен ахнула, а он закончил, глядя насмешливо:

— ...а такую нежную гусочку, как ты, я бы вознес на небеса за четверть часа.

— Сколько тебе повторять! Я не желаю этого! Если ты ведешь себя, как животное, то я — благородная леди. И знаю, что хорошо, а что нет.

— Ты в этом уверена? — спросил он приглушенно.

Бранвен зажмурилась, чтобы не видеть красивого смуглого лица, склонившегося над нею.

— Прошу, не принуждай меня к тому, что мне неприятно, — пробормотала она, заикаясь на каждом слове.

И сид вдруг отпустил ее. Он даже встал с кровати и отошел к окну, словно ему стало страсть как интересно посмотреть на звездочки небесные. Бранвен несмело поднялась, приглаживая растрепавшиеся волосы.

— Все же, ты настоящий рыцарь и не обидишь даму, — сказала она. — Зачем же ведешь себя, как варвар?

— Не обольщайся, — Эфриэл ответил ей, не поворачивая головы. — Просто я не могу не подчиниться женщине в ее желаниях. Это одно из условий призывающего заклинания. Я обязан делать то, что ей приятно, и не делать того, чего она не хочет.

— О! — Бранвен приободрилась. — Значит ли это, что ты не тронешь меня, пока я сама не захочу?

— Значит.

— Так я никогда не захочу, — обрадовала она его.

Возвратилась Ллинет, пыхтя под тяжелой ношей — жаровней и вязанкой щепок из фруктовых деревьев. За ней следовали дамы Роренброк — близняшки и леди Дерборгиль. В спальне сразу стало шумно и тесно. Тигриша полезла шарить по ящикам стола, ей срочно понадобилось павлинье перо для написания новой баллады, Ллинет поставила жаровню на пол и принялась разжигать огонь, чиркая кресалом, а леди Дерборгиль и Киарана нависли над Бранвен, которая куталась в одеяло, краснела, бледнела и не могла толково ответить ни на один вопрос.

— Ты нездорова? Что у тебя болит? — волновалась вдовствующая графиня. — Может, послать за мэтром Мэлвиром?

— Матушка, не надо лекаря, — убеждала Киарана, — я сама заварю настой из рябины с медом для сестры. Посмотрите, ее лихорадит, ей нужны тепло и много сладкого питья, а мэтр Мэлвир пустить кровь и только.

— Ах, не строй из себя знахарку, — отмахнулась от младшей дочери леди Дерборгиль. — Пустить кровь пойдет ей на пользу. У нее такие красные щеки! А вдруг это переизбыток крови?! Это очень, очень опасно!

— Переизбыток крови случается только у пожилых людей, — терпеливо объяснила Киарана. — С Бранвен такого точно не произойдет.

— Много ты понимаешь! — леди Дерборгиль начала сердиться.

Бранвен смотрела на родных — таких разных, но одинаково горячо любимых. Как они волновались из-за нее. Все, даже Тигриша, которая нашла заветное павлинье перо и теперь щекотала им пятки Бранвен, чтобы рассмешить. Они добрые, милые и красивые. Бранвен была уверена, что Роренброки — самый красивый род в Эстландии и за ее пределами. Рыжие кудри близнецов горели в свете свечей начищенной медью, а головку леди Дерборгиль украшал квадратный алый генин, расшитый золотом. Легкая вуаль — последнее веянье моды — спускалась до самого пола, и графиня то и дело заворачивалась в нее, чтобы продемонстрировать прозрачность ткани. Правда, чаще всего вуаль цеплялась за резьбу

кровати, скамеечку для ног или угол комода.

— Все хорошо, матушка... Не надо никаких настоев, Киарана. После твоего последнего, из бузины, у меня ужасно болел живот... Тигриша, ты ломаешь перо, а оно ужасно дорогое... — но никто не слушал бедную Бранвен. Да еще Ллинет разожгла после долгих стараний жаровню, и спальня наполнилась тяжелым маслянистым дымом.

Леди Дерборгиль закрыла рот и нос платочком, одновременно ругая служанку за глупость — зачем понадобилось топить жаровню, когда теплее, чем летом; близнецы надсадно кашляли; сама Бранвен уткнулась в одеяло, пытаясь дышать как можно реже. В довершение всего в спальню нагрянул Найси, пришел в восторг от увиденного и принялся скакать по комнате, распевая деревенские песни на местном наречии, едва не отправив мать в обморок.

— Настоящий курятник, — презрительно сказал Эфриэл, наблюдавший от окна.

Бранвен услышала его и чуть не сгорела от стыда, но вместе с тем и возмутилась. Выплеснуть справедливый гнев она смогла, когда семейство Роренброков соизволило удалиться, а Ллинет поволокла злополучную жаровню прочь.

— Хорош ты, подглядывая со стороны! — выпалила Бранвен. — Если бы люди знали, что за ними наблюдают, то вели бы себя по-другому!

— То есть, лицемерили бы? — уточнил сид, подбирая с подноса остатки еды. Откушав, он посмотрел на кровать, но Бранвен яростно помотала головой, и сид со вздохом отправился устраиваться на лавке. Бранвен только поджала губы, пожалев о сумке для ниток, которую он запихнул под голову вместо подушки

— Я бы не назвала это лицемерием.

— А я бы назвал. А чтение заклинаний, если ничего не смыслишь в колдовстве, я назвал бы несусветной дуростью,

— Но я же извинилась...

— Дитя, от твоих извинений мне не легче. Повторяю, я не намерен скитаться в твоём мире вечность. Поэтому разрешаю тебе немного поломаться, раз благородные леди не могут без кривлянья, а потом...

— Поговорим обо всем завтра, — шепнула Бранвен, заслышав шаги Ллинет в коридоре. — Мне надо подумать.

— Думай, — великодушно разрешил сид. — Только не слишком долго.

Завтра. Как всегда перед сном Бранвен сложила ладони, прося яркий огонь прогнать демонов и ниспослать светлые сновидения, но как ни пыталась, не смогла вспомнить ни единого слова из молитвы на ночь грядущим. Ллинет погасила свечи кроме одной, тихонько напевая, разложила у камина матрас и стала снимать чепец, доставая из толстых кос многочисленные булавки.

Бранвен боялась, что после сегодняшних переживаний она не сможет уснуть до утра, но сонотяжелил ресницы почти сразу.

«Завтра! — подумала Бранвен, погружаясь в дремоту. — Завтра все само решится. Я проснусь, а этого... этого уже не будет. Он исчезнет, как исчезает любой морок по утрам, как демоны исчезают от лица огня».

Она закрыла глаза, и вскоре ее дыхание стало тихим и ровным. Уснула и служанка, которой не мешали ни жесткий пол, ни тощий матрас.

Одному Эфриэлу не спалось. Он долго смотрел на язычок свечи, размышляя о превратностях судьбы, которая отдала его в руки несмышленной девственницы со странными

принципами и понятиями о чести. Он перевернулся на бок, чтобы видеть изголовье кровати. Тонкий девичий профиль притягивал взгляд, личико светилось в темноте полога, подобно льдинке. Все же, она странная, эта барышня Рорен... как ее там? Какой-то жених, какие-то обязательства. Как будто он просит нечто запредельное. Потирая место пониже живота, Эфриэл еще долго ворочался на неудобной лавке, где ему было тесно, пока и его не одолел сон.

Проснувшись, Бранвен некоторое время нежилась в постели, наслаждаясь теплом и покоем. Потом открыла глаза и увидела солнечный луч. Он всегда проникал в щелку ставня и устраивался на подушке. Только в зимние дни предпочитал сидеть на каминной полке. Когда Бранвен была маленькая, она думала, что луч подбирается ближе к камину, чтобы согреться, ведь ему приходилось бежать от солнца до спальни по морозу. В луче плясали пылинки — маленькие, меньше просяного зернышка, золотистые, как угри, и такие же юркие. Бранвен попыталась вспомнить, что ей снилось, но почему-то в голове вертелись лишь танцующая Мол-Меха и крылатый народец. Проснувшись Ллинет и на цыпочках начала убирать матрас, скатывая его валиком, натянула платье и заплела косы, упрятав их под чепец.

— Уже пробудились, миледи? — спросила она, заметив, что глаза у Бранвен открыты. — Подать вам ночную вазу?

Воспоминания о сновидениях растаяли, спать больше не хотелось, и Бранвен откинула одеяло, потягиваясь и позевывая.

Ллинет принесла изящный фарфоровый горшочек, крышку которого украшали два милующихся лебедя, и поставила у кровати.

— Погода сегодня — как в мае, — сказала она, снимая ставень. — Посмотрите, миледи, солнце прямо играет!

— Ну и к чему было совершать такую подлость? — раздался вдруг недовольный мужской голос, и Бранвен, пискнув, юркнула обратно под одеяло.

На лавке ворочался вчерашний кошмар — голый черноволосый человек. Нет, не человек — сид! Эффриэл. Перед мысленным взором Бранвен мгновенно пронеслись события минувшего дня, и даже коленки задрожали, хотя она вовсе не стояла на ногах.

Солнечный свет, хлынувший в окно, потревожил сида. Он недовольно морщил нос и тер переносицу, сдерживаясь, чтобы не чихнуть. И ворчал, ворчал, как столетний старик:

— Мало того, что эта нелепая великанша топает, будто гренадер, так еще и окна нараспашку! Эй, маленькая леди, скажи, чтобы она убралась и дала поспать!

— Не сделаю ничего подобного, — отрезала Бранвен. — Мне надо умыться и одеться.

— Что, миледи? — Ллинет оторвалась от созерцания прекрасного утра. — Вы хотите одеться сейчас?

Бранвен прикусила язык.

— Нет, оденусь позже, — сказала она. — Поддай халат и согрей воду.

Служанка достала из комода шелковый зеленый халат и помогла Бранвен его надеть, расправляя складки на изумрудной ткани. Потом наступила очередь домашних туфель, сшитых из мягкой кожи, и опушенных мехом вокруг щиколотки. Потом Ллинет перевязала волосы Бранвен лентой пониже затылка, чтобы не мешали во время утреннего туалета, и отправилась в кухню за горячей водой для умывания.

— Судя по хмурому личику, ты все еще не готова отправить меня домой, — заметил Эффриэл, зевая и почесывая шею.

Он был не в лучшем настроении. Ночью он предпринял пару попыток забраться к неговорчивой леди в постель, но был с позором изгнан. Впервые за всю его долгую жизнь

женщина поворачивалась к нему спиной и просила оставить ее в покое, обидно зевая при этом. К счастью для его самолюбия, упрямая девица напрочь позабыла о ночных посягательствах, иначе было бы совсем противно.

— Отправить домой? Тем способом, что ты предлагаешь — точно нет, — заявила Бранвен, желая прекратить бесполезный спор. — Но я знаю, что предпринять.

Она села за стол, на котором стояли письменные принадлежности — чернильница и стакан с гусиными перьями, здесь же были нож для очинки и деревянная палочка для исправления ошибок. Достав пергамент, Бранвен приколола его к столешнице и открыла чернильницу.

— Я тоже знаю, что предпринять, — сид поднялся с лавки и потянулся всем телом, хрустнув суставами. — Прежде всего, надо прогуляться до нужника.

— Что?! — Бранвен вскинула голову и тотчас ахнула, спрятав лицо в ладонях.

Сид недоуменно воззрился на девушку, не понимая ее поведения.

— Эй, — позвал он, — что случилось? Я думал, ты еще вчера привыкла к моей неземной красоте.

— Почему ты... почему ты всегда... Всегда такой?! — чуть раздвинув пальцы, Бранвен указала на его поднявшийся член.

Наслаждаясь ее смятением, Эфриэл прошелся мимо стола туда-сюда, не скрывая природных достоинств.

— Только в окно не прыгай с перепугу, — сказал он насмешливо. — И не приписывай все на свой счет. Ты хоть и красотка, но сейчас моего младшего брата заботят вовсе не постельные забавы с тобой. Хотя я и принадлежу к другому народу, потребности у меня человеческие. Поэтому веди к нужнику и не затягивай, я долго терпеть не намерен.

Тут ему на глаза попалась ночная ваза с лебедями.

— Клянусь холмами Дананы! Ты и мне предлагаешь справляться сюда? Как же надо исхитриться, чтобы в него попасть? Нет, мне больше нравится вот этот сосуд, а не тот наперсток, — и он шагнул по направлению к высокой напольной вазе, расписанной оранжевыми фигурами по черному лаковому фону.

— Не смей! — взвилась Бранвен, мигом отняв руки от лица. — Ей сотни лет! Пятерых таких, как ты, не хватит, чтобы оплатить ее стоимость!

— Тогда веди, — сид учтиво указал на дверь.

— А сам сходить ты не в силах? Спускаешься на первый этаж, там маленькая дверь под лестницей...

— Далеко? — деловито осведомился сид.

— Нет, если одолеешь шагов пятнадцать!

— Тогда в силах, — кивнул он.

Насвистывая, он вышел из спальни, и некоторое время Бранвен слышала, как он шлепает босыми ступнями по каменному полу. Она тут же заперла дверь на засов изнутри. Вот и все, пусть сидит в коридоре, несносное привидение! Там ему самое место.

Она с ненавистью посмотрела на фарфоровый горшочек и задвинула его поскорее под кровать. Потом снова села за стол и решительно принялась затачивать гусиное перо. От этого занятия ее отвлекло знакомое насвистывание. Дверная ручка пару раз дернулась, а потом сид преспокойно прошел сквозь двери.

— От кого заперлась, красотка? — любопытствовал он. — Не от меня ли?

— Зачем же ты выходил через дверь, если мог пройти сквозь нее! — от досады Бранвен

едва не полоснула ножом по пальцу.

— Терпеть не могу проходить сквозь двери. И сквозь стены, — Эфриэл уселся на лавке, лениво посматривая на девушку. — Тебе бы тоже не понравилось. Чувство такое, словно тебя протаскивают в щелку за волосы. И с людьми то же самое, так что не устраивай больше пакостей, используя свою толстозадую служанку.

Бранвен не ответила, обмакивая перо в чернила.

— Что это ты там придумала?

— Я напишу старшей сестре. Она просвещена в вопросах колдовства и поможет найти способ отослать тебя из нашего мира.

— И что же напишешь?

— Чистую правду. О том, что я прочитала непонятное заклинание, и появился ты.

— Глупая выдумка. На редкость глупая. На месте твоей сестры, я бы написал ответ твоей матушке... чтобы она определила тебя в монастырь, где держат умалишенных.

— Придержи язык! — Бранвен так и вспыхнула, но перо отложила.

Несколько минут она сосредоточенно изучала чистый пергаментный лист, а потом вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Я не стану посвящать ее во всю историю. Напишу, что нужна помощь...

Прикусив от усердия язык, она старательно вывела имя сестры и приветствие. Эфриэл не мешал, но выражение лица у него было такое, будто он наблюдал за бестолковыми играми детишек.

Бранвен решила не обращать на сида внимания. Пусть изображает из себя кого ему угодно. Написать Айфе — хорошая задумка, что бы ни говорило некое противное существо.

«Айфа! Привет из Роренброка посылает тебе Бранвен, — писала она. — Сегодня, в двадцатый день августа я отправляю тебе письмо с просьбой о помощи. Не волнуйся, ничего страшного не произошло, и все в Роренброке живы и здоровы. Но кое-что беспокоит лично меня, и сама я не в силах преодолеть затруднения. Памятуя, что ты знаешь много древних заклинаний и всегда интересовалась колдовским искусством, прошу тебя приехать как можно скорее. Моя свадьба с лордом Освальдом назначена на девятый месяц, и мне хотелось бы разрешить все вопросы до того, как я отправлюсь в Аллемаду, в дом мужа. Искренне преданная и любящая тебя сестра — Бранвен Роренброк».

Перечитав послание, Бранвен осталась довольна. Написание писем никогда не являлось ее сильной стороной, но в этом письме удалось все — и слог, и грамотность. Дождавшись, пока чернила высохнут, она свернула письмо трубочкой и перевязала витым шнурком, но запечатывать не стала.

Эфриэл скучающим взором следил, как муха ползает по квадратным пальцам с незаконченной вышивкой.

— Мне надо отнести письмо. Я хочу, чтобы его отправили сегодня же, — Бранвен мимоходом взглянула в зеркало, пригладив волосы и запахнув халат на груди. — Прощу, води себя тихо и не приставай к моей служанке, если она вернется раньше меня.

Развернувшись на пятках, она вышла из спальни и направилась по коридору в южное крыло, где располагались покои графини Роренброк и ее слуг. Дверь спальни немедленно скрипнула, и за спиной раздались шаги. Вернее, шлепанье босых ступней. Бранвен оглянулась: сид непонятно зачем потащился за ней, позевывая и не утруждая себя прикрывать рот.

Заметив ее взгляд, он вдруг заозирался по сторонам и сказал:

— Что за отвратительное место? Вот это кладка! Так две тысячи лет назад строили свинарники. А это разве окна? Узкие, без стекол. Ну и свищет тут зимой ветер, наверное! Ни ковров, ни разноцветных витражей... А это что? Вы пользуетесь факелами, а не лампами? Пещерные люди!

Бранвен призвала себя к спокойствию. Отвечать на хамство она опасалась — здесь всюду шныряли слуги, и гневные речи с пустым местом стали бы достоянием всего замка. И вправду, не оказаться бы в монастыре Сен-Вейр, куда отправляют душевнобольных.

Постучав в покои матери, Бранвен дождалась, когда появилась горничная и передала письмо:

— Алейна скажи матушке, что я хотела бы отправить письмо сегодня же. Дело не срочное, но для меня это очень важно.

— Почему бы тогда не отправить письмо самой? — высунулся из-за ее плеча сид. — К чему все эти передачи и просьбы? А, постой, постой... Я догадался. Любезная мамочка следит за вами почище любого шпиона? Вот так дела!

И всю дорогу обратно он на разные лады насмехался над тем, что взрослые девицы таскают любую записку родительнице:

— Это же надо, куда меня занесло! Маменькина дочка не смеет шагу ступить без разрешения, куда уж ей полюбить мужчину. Тут нужна смелость, а ты — трусливее таракана, удирающего в щель.

«Тут нужна распушенность, которой у тебя хоть отбавляй», — мысленно огрызнулась Бранвен, одновременно улыбаясь даме Клотильде, которая в сопровождении помощниц направлялась к леди Роренброк, чтобы помочь той одеться к завтраку.

Вернувшись в спальню, Бранвен захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной.

— Послушай ты, — начала она, буравя Эфриэла взглядом, — ты — самое противное и мерзкое существо, которое мне доводилось встречать. И я не потерплю, чтобы ты оскорблял моих родных, мой дом и... — она осеклась, потому что сид тут же пристроился рядом, оперевшись локтем в косяк, и принялся заглядывать ей в глаза, зазывно улыбаясь.

— Твой дом и... Продолжай, продолжай, малышка, — участливо подсказал он. — Что же ты замолчала? Я весь во внимании. Когда ты сердишься, то становишься соблазнительной и желанной, как горячая булочка. Знаешь, такая маленькая, румяная и весьма мягонькая в некоторых местах...

Тут он положил руку Бранвен на грудь и поцеловал в шею.

— Что творишь?! — Бранвен оттолкнула его и убежала под сомнительную защиту спинки кресла, сердце бешено колотилось

— Тебе что-то не нравится? — хитро спросил он.

— Мне все не нравится!

— Тогда надо побыстрее избавиться от меня. Как ты думаешь? — он кивнул в сторону кровати. — Зачем омрачать твою прекрасную предсвадебную жизнь?

— Ты опять за свое! — Бранвен молитвенно подняла руки. — Как ты не понимаешь. У меня есть жених и я не испытываю никакого желания отдавать тебе то, что уже пообещала ему.

— Неужели, он красивее меня? — в голосе сида зазвучали опасные чарующие нотки.

Бранвен поспешила прикоснуться к мощам святой Голейдухи, чтобы избавиться от искушения.

— Нет, не красивее, — признала она. — Но разве в красоте дело?

— А в чем же? Скажи еще, что тебя возбуждают тощие книжные черви, и я в лицо назову тебя лгуньей, — фыркнул Эффриэл.

— Не страстью жив человек, — покачала Бранвен головой.

В спальню протиснулась Ллинет, таща свежее полотенце, серебряный таз для умывания и кувшин горячей воды.

— Готово, миледи, — радостно оповестила она, — сейчас мы вас умоем и причешем. Я замешкалась, вы уж простите, но повариха готовит такой сырный пирог, что не смогла уйти, пока его не вытащили из печи! — она засмеялась громко и заливисто.

— Чудесно-расчудесно, — проворчал Эффриэл, удаляясь в угол с таким кислым видом, словно выпил уксус.

На лице Бранвен тоже не было ни тени улыбки. Она умылась, надела при помощи служанки утреннее платье, уже не слишком заботясь прятаться от духа, и села на стульчик перед зеркалом, чтобы Ллинет могла расчесать и подобрать ей волосы.

— Говорят, ночью прилетел голубь из столицы, — сказала Ллинет, расчесывая пушистые русые пряди.

— Письмо от лорда Освальда! — воскликнула Бранвен, хватаясь за сердце.

— Да, от вашего жениха, миледи! — Ллинет так и сияла, довольная, что первой выложила госпоже такую потрясающую новость.

— Это значит... значит, что не сегодня-завтра он будет здесь, — Бранвен посмотрела в зеркало и встретила взглядом с Эффриэлом. Нет, Айфа никак не успеет прибыть раньше орда Освальда. Она едва не застонала от отчаяния.

— Ты как будто не рада? — сид сразу же заметил ее смятение. — А вот я с удовольствием посмотрю на твоего жениха. Наверное, он старый, лысый и мучается подагрой. Пара как раз по тебе.

Бранвен поджала губы. Какой разительный контраст с тем, каким он был вчера. Скорее всего, притворялся, чтобы затуманить ей разум и вернуться в свой мир без промедления. А сегодня показал истинное лицо. И его настоящая физиономия была не из приятных.

— Если сказать нечего, значит, я угадал, — Эффриэл понял ее молчание по-своему. — Когда там утренняя трапеза? Я голоден и мечтаю подкрепиться. Вчерашняя еда была для кроликов, а не для волков.

И он даже подмигнул ей. Бранвен зарделась и дала слово не разговаривать с ним ни при каких обстоятельствах.

К завтраку она явилась первая, чего раньше почти никогда не случалось. Она сидела, как на иголках, потому что Эффриэл без раздумий пристроился на подлокотнике ее кресла, и Бранвен пришлось нарушить обязательство молчания.

— Мне неприятно, что ты здесь сидишь, — сказала она, стараясь не коситься на мускулистое бедро, которое находилось на расстоянии двух пядей от ее лица. — Не мог бы ты встать сзади?

— Еще чего! — воспользовавшись тем, что слуги вышли, Эффриэл мигом проверил содержимое всех мисок и тарелок на столе. — Что тут у нас? Креветки... вареные яйца... груши в меду... Что за гадость, клянусь всем вороньем этой паршивой страны? А где мясо? Сочное, жареное мясо? Где лепешки? Разве можно наестся этими штучками? — он подозрительно принялся к гренкам, зарумяненным на огне до золотистой хрустящей корочки. — Да через них читать можно!

И не успела Бранвен ахнуть, как он сжевал четыре гренки, заел их нежнейшими креветками в горчичном соусе и отхлебнул сладкого грушевого напитка прямо из общего кувшина.

— Еда — дрянь, и питье не очень, — заявил он, деловито работая челюстями. — Триста лет назад с кормом у людей было гораздо лучше. Или вы благородные, но бедные?

— Немедленно прекрати! — зашипела Бранвен, отирая салфеткой край кувшина и закрывая крышками блюда. — Соблюдай хотя бы видимость приличия!

— Кажется, ты недовольна? — осведомился сид, снова прикладываясь к кувшину.

Бранвен принялась отбирать у него кувшин, и именно за этим занятием ее застали близнецы.

— Ты что это делаешь, Бранвен? — удивилась Тигриша, расправляя юбку и усаживаясь слева от сестры, на скромный деревянный стул без спинки. — Вот увидит матушка, что кушаешь без разрешения... — она коснулась колена Эфриэла и передернула плечами. — Холод-то какой. Вот и осень близится.

Киарана посмотрела подозрительно, потому что в трапезном зале жарко пылал камин, и даже сквозняки от окон и дверей не долетали до стола. Но не в правилах Киараны было говорить без причины. Поэтому она промолчала и заняла место справа от Бранвен, придвинув такой же простой стул, что у Тигриши. За столом в креслах полагалось сидеть лишь самой леди Дерборгиль и почтенным леди и лордам из числа гостей, а с недавних пор кресло полагалось и Бранвен — как невесте. Все остальные не смели даже подложить на стул подушку.

Эфриэл внезапно отпустил кувшин, и Бранвен, не рассчитав силы, едва не выронила его, расплескав часть напитка на стол.

— Какая же я неловкая, — покаялась она перед сестрами, спеша уничтожить следы преступления.

— Ля-ля-ля! — передразнил ее тонким голосом Эфриэл. — Так мы и кушать боимся без строгой мамочки? Хорошо хоть до отхожего места ты ходишь без ее разрешения.

Бранвен смотрела в тарелку прямо перед собой, чувствуя, как предательская краска заливает не только щеки, но и уши.

— Ах да, как же я забыл... у миледи для этих целей есть фарфоровый горшочек с птичками.

Бранвен не выдержала и стукнула ладонью по столу. Тигриша и Киарана, разговаривавшие о предстоящем девичнике, немедленно замолчали.

— Ты тоже думаешь, что не надо звать Мод? — спросила Тигриша. — Я всякий раз, когда вижу ее, хохочу, как сумасшедшая. Пусть сидит дома, еще гостей испугает.

— Не говори так, — строго одернула ее Бранвен. — Пусть Мод не очень хороша собой, но она добрая и веселая. Я обязательно позову ее. Без нее и праздник не будет праздником.

Тигриша закатила глаза, но спорить с сестрой не стала.

Прибежал Найси, а за ним спустилась и леди Дерборгиль, наряженная, словно к трапезе ожидали короля. Дети приветствовали мать поклонами и чинно уселись, сложив ладони и приготовившись к молитве.

— Киарана, сегодня твоя очередь читать, — изрекла леди Дерборгиль, передавая младшей дочери молитвослов.

Киарана открыла нужную страницу и начала благодарственную молитву. Голос у нее был звучный, сильный, и слова она произносила размеренно, нараспев, еще лучше, чем

клирики в столичном соборе. Леди Дерборгиль кивала в такт стихам, но когда Киарана закончила, сделала замечание:

— Не прожевывай последнюю фразу. Неужели ты так голодна, что не можешь должным образом дочитать святыя слова? Замечу, что в Эстландии сотни бедняков, которым в день достается всего по корке сухого хлеба, а иногда они не получают и этого, но их набожность вошла в поговорку. Ибо говорят, что только бедняк и верит. Запомни это и не позорь нашу фамилию недостойной поспешностью. Ибо где поспешность, там и жадность.

— Да, мама, — униженно склонила голову Киарана.

Бранвен под столом нашла ее руку и пожала, чтобы приободрить сестру. Пальцы Киараны были холодны, как снег, и на рукопожатие она ответила вяло.

Леди Дерборгиль тем временем взяла тончайшую гренку, намазала ее сладким коровьим маслом и положила сверху ложечку ежевичного джема. Когда он откусила и прожевала первый кусочек, дети тоже потянулись к еде. Найси требовал всего и помногу. Он баловался, но леди Дерборгиль смотрела на его шалости снисходительно. Впрочем, лорда Роренброка любили и баловали все в замке. Найси был наследником, последним из детей, долгожданным сыном, и почти совсем не помнил отца. Бранвен тоже жалела его и теперь, когда ей предстояло навсегда покинуть Роренброк, была с братом особенно предупредительна.

— Какой противный мальчишка, — заметил Эфриэл, когда Найси опрокинул молочник и швырнул хлебным катышком в служанку, поставившую на стол сырнй пирог с яичными желтками.

Бранвен кашлянула, надеясь, что сид поймет неуместность своего замечания, но он не унимался:

— Хороший подзатыльник мигом улучшил бы его воспитание, а пинок сделал наполовину шелковым, наполовину золотым. Но чего ждать от курятника? Орлы среди куриц не вырастают.

Не сдержавшись, Бранвен ущипнула его, благо он продолжал сидеть на подлокотнике ее кресла. Сид засмеялся, потирая пострадавшее место.

— Могу я расценить этот жест, как заигрывание с вашей стороны, миледи? — спросил он. — Валяй, щиплись дальше. Это так мило, будто меня перышком щекочут.

В этот раз Бранвен не могла проглотить ни кусочка, и не потому, что несносный Эфриэл перепробовал ото всех блюд. Она все время ждала, что мать заговорит о письме от лорда Освольда, но леди Дерборгиль не сказал об этом ни полслова. Она справилась у дочерей, как те провели ночь, заметила, что Бранвен слишком бледна, Тигриша слишком неопрятна, а Киарана мрачная, как фамильное привидение.

Упоминание о привидении заставило Бранвен вздрогнуть, она неловко дернула рукой, и кубок зазвенел о тарелку.

— Ах, какая ты растяпа! — сделала замечание леди Дерборгиль. — Сделай одолжение, моя милая, не слишком витай в облаках, когда появится твой жених. Мечтательность хороша в женщине, если видна только в глазах. В остальном же она будет помехой.

— Я запомню, мама, — пробормотала Бранвен.

— Какая разница между ведьмой и твоей матушкой? — спросил Эфриэл и сам же ответил: — Только одна — ведьмы не носят генин.

Еле дождавшись окончания трапезы, Бранвен быстро поцеловала мать и убежала к себе. Эфриэлу тоже пришлось пробежаться, и он был недоволен.

— Вообще-то, я не бегаю после того, как поел, — заметил он. — Даже если еда была вроде тюремной баланды.

— Вообще-то, следует вести себя прилично, — Бранвен ткнула пальцем ему в грудь. — Даже если ты — призрак, это не дает тебе права так бесчестить мою семью!

Сравнение с призраком сиду не понравилось, он так и вскинулся, и Бранвен втайне порадовалась, что смогла его уязвить. Порадовалась и ужаснулась одновременно. Только вчера это наказание свалилось на ее голову, и вот уже она кричит, язвит и радуется, что смогла кого-то обидеть. Ведет себя недостойно благородной леди. А недостойное поведение — путь в бездну.

Она долго молилась, читая шепотом священные стихи, а Эфриэл изнывал от безделья, валяясь на лавке. Пытаясь помешать Бранвен, он начал петь песни весьма неприличного содержания. Это подействовало, и Бранвен захлопнула молитвослов.

— Сыграем в шатрандж? — предложила она. — Если выигрываю я, ты молчишь до вечера.

— Что это такое? Покажи, — потребовал сид.

Она тут же достала доску, расчерченную на темные и светлые квадраты, и коробку с фигурками — от пеших солдат до всадников, короля и боевых башен. Сид быстро уяснил правила, и они принялись за игру.

Бранвен была раздражена и проиграла ему три первых партии, осыпаемая насмешками и шутками по поводу женского умения. Но игра привела в порядок мысли, и три следующие партии она выиграла. Причем, одну — всего за шесть ходов. Вопреки ее ожиданиям, Эфриэла это не разозлило. Она даже прочитала в его взгляде что-то вроде уважения.

— Когда услышала, что твой жених задержится в пути, почему обрадовалась? — спросил Эфриэл словно бы между делом, расставляя фигурки на доске для новой игры.

Вопрос застал Бранвен врасплох, и она выронила короля, которого собиралась поставить на темную клетку.

— Плохой знак, — не преминул позубоскалить сид. — Проиграешь. Так почему?

— Потому что хочу, чтобы Айфа успела приехать до лорда Освальда, — сказала Бранвен. — Она поможет разрушить заклятие, что я прочитала, чтобы ничего не омрачало свадьбы.

— Разумно, — похвалил Эфриэл. — Мне тоже не хочется тащиться в Аллемаду.

— Даже если... даже если Айфа не приедет вовремя, ты со мной не поедешь! — возмутилась Бранвен. — Здесь у меня еще получится тебя прятать, но когда выйду замуж — не могу и не хочу иметь подобные тайны от мужа! Ты останешься здесь. Я откроюсь Тильде, или Тигрише, чтобы они позаботились о тебе до приезда Айфы.

— Значит, ты отправишься с муженьком в Аллемаду, а меня перепихнешь на руки няньке? — развеселился Эфриэл. — Хитра, леди Рорен, ничего не скажешь.

— Фамилия моего рода — Роренброк, — напомнила Бранвен.

— Если честно, не хочу засорять голову человеческими именами, — заявил Эфриэл, делая первый ход. Только ты зря думаешь, что избавишься от меня. Один из пунктов заклятья (и надо сказать, очень удобный для меня) — то, что я не могу отойти от тебя дальше, чем на тридцать локтей.

— Тридцать локтей? — на этот раз Бранвен уронила советника. Фигурка покатилась по доске, упала на пол и благополучно закатилась под кровать.

— И ни локтем больше, — с уморительной серьезностью подытожил Эфриэл.

Поиски советника дали Бранвен время обдумать новый «подарок» призывающего заклинания. И чем больше она раздумывала, тем страшнее становилось. Если так, получается, что она и сид привязаны невидимыми узами, пока он находится в этом мире. И избавиться от него не удастся, пока за дело не возьмется Айфа.

— Вот ведь огорчение, — сказала она, возвращая советника на место. — Я хожу конем. Угроза твоему королю.

— Это все? Все, что ты можешь сказать? — Эфриэл передвинул короля, угрожая уже коню. — Смотри, сейчас поймаю твою лошадку, и ты проиграешь.

Бранвен вывела на срединные клетки боевую крепость, и Эфриэлу пришлось ретироваться и строить новые планы относительно нападения на черного коня.

— Между прочим, что с твоими царапинами? — Бранвен указала на правую щеку. — Еще утром они были видны, а теперь остались только два шрама, да и те исчезают на глазах. Это одно из свойств сидов? Быстро заживлять раны? Как же вы тогда проиграли людям в войне? Такие могучие, умные и сильные.

Эфриэл ответил не сразу. Казалось, он внимательно изучал положение фигур на доске. Потом взял в плен пешего солдата.

— Не всегда побеждают сильнейшие, — сказал он. — Предупреждаю, возьму твоего короля через два хода.

Но отыгаться он не успел — явился посыльный от леди Дерборгиль. Приехала портниха, и Бранвен просили придти.

— Веди себя прилично, — попросила она сида, не надеясь, что он прислушается.

Большой зал весь был заставлен шкатулками с лентами, всюду валялись разноцветные отрезки шелка, бархата и камки, и среди этого великолепия в высоком кресле, как на троне, восседала леди Дерборгиль. Она велела портнихам раздеть девушку до нижней рубашки и приступать к примерке.

— Забыла сказать, моя дорогая, — сказала вдовствующая графиня, внимательно изучая ткань, которую ей поднесли, — печальные вести пришли из столицы. Умерла троюродная бабушка нашего короля. Лорду Освальду пришлось задержаться. Он будет участвовать в траурном шествии, да и король нуждается в утешении и поддержке. Лорд Освальд просит прощения и обещает приехать только через две недели. Придется отложить свадьбу. Ах, какое разорение! Что делать с перепелами — ума не приложу. Придется коптить, как ты считаешь?..

Но Бранвен облегченно вздохнула, услышав, что жениха задержали обстоятельства. Только бы Айфа успела приехать до его появления!

Портниха и ее помощницы сутилились вокруг невесты, набрасывая ей на плечи ткани голубого цвета разных оттенков. Так повелось в Эстландии, что невеста должна предстать перед алтарем в голубом платье. Леди Дерборгиль велела распахнуть окна, чтобы было достаточно света, и придирчиво разглядывала каждый лоскут.

— Нет-нет, Сорша, этот слишком темный. А у того — зеленоватый оттенок, моя девочка сразу стала похожей на моль.

— Так ты отправишь меня обратно? — спросил Эфриэл, становясь рядом с Бранвен.

— А вот этот оттенок подходит идеально, — сказала леди Дерборгиль, когда на Бранвен набросили отрез ткани цвета майского неба.

Лазурные волны скрыли девичью фигурку от плеч до пяток. Портниха носилась вокруг, делая защипы на ткани.

— А без него было бы лучше. Без платья, — мурлыкал на ухо девушке Эфриэл.

— Диадему украсим топазами, — продолжала графиня. — Дитя мое, почему ты все время краснеешь? Ты нездорова? Тогда отложим примерку. Иначе я опасюсь, что мы не подберем цвет верно.

— Нет-нет, матушка, — поспешно ответила Бранвен. — Здесь просто очень душно.

— Душно? — графиня окинула взглядом открытые окна и велела слугам: — Принесите родниковой воды и обрызгайте пол.

— Может, признаешься честно, что это я тебя так распаляю? — продолжал нашептывать Эфриэл.

Не глядя на него, Бранвен еле заметно покачала головой.

— Лгунья!

Она улыбнулась.

— Посмотрим, как сейчас заговоришь... — Эфриэл взял Бранвен за руку.

Девушка попыталась освободиться, но хватка у духа была железная. Бранвен пришлось сдаться, чтобы матушка не заметила, как она судорожно дергает рукой из стороны в сторону. Воспользовавшись этим, Эфриэл тут же положил ее руку на свой член и сжал пальцы поверх руки Бранвен, заставляя ее скользить по его мужскому орудию от наверхия до основания и обратно. Плоть его тут же запульсировала, налилась кровью и отвердела.

Бранвен задышала коротко и часто, замерев, точно цыпленок перед коршуном. Продолжая эту сладостную пытку, Эфриэл не знал, кого он мучит больше — ее или себя. Он не сдержал стона, потому что нежная ручка могла довести до экстаза любого, даже Мак Ога, бога любви.

— О, прекрати! Сейчас я сойду с ума! — вскричала Бранвен.

Графиня удивленно воззрилась на дочь.

— Нет, мама, это не тебе! Я... задумалась.

— По-моему, ты и вправду нездорова, — сказала графиня. — Не будем тебя утомлять. Прекращаем примерку, благо, время терпит. Отправляйся к себе и отдохни.

— Я хорошо себя чувствую...

— Иди и отдохни, — повторила леди Дерборгиль ласково, потрепав Бранвен по щеке. — Когда приедет лорд Освальд, ты должна сиять! Я прослежу, чтобы ты сегодня не вставала с постели.

— Не беспокойтесь, матушка, я за этим прослежу лучше вас, — пробормотал Эфриэл, наконец-то выпуская руку девушки.

— Этне, проводи миледи в ее комнату, — велела графиня и поцеловала дочь. — Зайду вечером, проведу тебя.

В сопровождении служанки, Бранвен покорно поднялась в спальню и долго мыла руки, раз за разом натирая их мыльным корнем и споласкивая ароматической водой. Служанка заплела ей косы, уложила в постель и оставила одну. Только тогда Бранвен дала волю гневу:

— Ты что себе позволяешь?! Как смеешь так обращаться со мной? Я из Роренброков и не потерплю...

— Давай избавимся от меня — и делу конец, — подсказал Эфриэл, располагаясь в кресле.

— Мы уже говорили об этом. Нет.

— Что ж, тогда не надо мешать мне развлекаться.

— Развлекаться?! По-твоему, это называется — развлекаться? Мне до сих пор кажется,

что на ладонях грязь. Фу! — она демонстративно вытерла руки об одеяло.

— Не такой брезгливой ты была там, внизу, — поддразнил Эфриэл. — Кстати, если я здесь надолго, то есть две проблемы.

— Только две? — с иронией отозвалась Бранвен.

— Пока — да. Первая. Хотя я и дух в твоём понимании, но, как ты заметила, нуждаюсь в еде. А воровать с ваших столов — это не в моих правилах. Голодно и утомительно. Поэтому придется тебе заказывать трапезу сюда, в спальню. Имей в виду, я не ем все эти ваши дамские стряпушки с кремом. Мясо, хлеб, горячая похлебка и вино — вот что меня устроит.

Бранвен сложила руки на груди, пораженная подобной наглостью.

— Вторая проблема. Когда я в нужнике, мне вовсе не хочется, чтобы кто-то залез туда и сел мне на колени. Поэтому будешь стоять перед дверями и караулить.

— Ты предлагаешь мне стоять возле... — Бранвен не верила ушам. — Пока ты там... Да как ты смеешь!

— Значит, придется пойти на крайние меры. Очень жаль.

— Что ты намерен сделать? — встревожилась Бранвен, глядя, как Эфриэл подходит к ее столу с письменными принадлежностями и выбирает перо.

Сид с преувеличенным старанием заточил перо и достал из ящика пергамент.

— Что я сделаю? — он уселся за стол и разгладил пергамент ладонью. — Я напишу письмо твоему жениху, что ты так скучала в его отсутствие, что вызвала духа для удовлетворения плотских желаний. Думаю, чтение его позабавит.

— С ума сошел! — Бранвен подскочила и выхватила у Эфриэла перо. — Конечно же, ты не сделаешь ничего подобного!

— Кто же мне запретит? — спросил сид с опасным спокойствием.

— Я не позволю!

— Значит, можно рассчитывать на мясо за обедом и спокойствие во время нужды.

— Ты наглый, мерзкий...

— Ты же не хочешь, чтобы я написал письмо любезному лорду Освальду? — небрежно спросил Эфриэл.

— Не хочу, — вынуждена была признать Бранвен. — Но и караулить тебя не стану!

— Значит, я пишу письмо.

— Нет!..

После яростных споров было решено привязывать на ручку снаружи ленточку, о чем были оповещены все обитатели замка. Ленточка означала, что домик уединения (именно так деликатно в Роренброке называли отхожее место) занят леди Бранвен, и беспокоить ее никто не осмеливался.

Что же касается обильных завтраков, обедов и ужинов в спальне, Бранвен объяснила это страшным волнением перед свадьбой. Дескать, она так переживает, что постоянно голодна. Эту ложь она выдала, не моргнув глазом, но вечером долго каялась перед алтарем в фамильной церкви и сделала сто поклонов, чем вызвала приступ безудержного веселья у сида. Вот его-то никакие правила приличия не волновали. В ответ на просьбу Бранвен носить хотя бы набедренную повязку, хотя бы в спальне, когда они остаются наедине, он ответил грубостью и разразился потоком таких ругательств, что бедная девушка не помышляла и заикнуться об этом.

Такая уступчивость сподвигла сида и на другой шантаж — он попытался принудить

Бранвен отправить его домой под угрозой письма лорду Освальду, но не преуспел. Бранвен побледнела, задрожала, но осталась тверда — она хранит верность жениху, а если ей придется быть опозоренной, то предпочтет окончить дни в монастыре, не нарушив девства.

Сид обозвал ее полоумной монашкой, но о письме жениху больше не заговаривал.

Новым испытанием стало принятие ванны перед сном.

Бранвен привыкла принимать ванну три раза в неделю, а перед церковной службой, накануне вечером, топили мыльню. С появлением нового жильца в спальне, все усложнилось. От мыльни придется отказаться, это Бранвен поняла сразу, и страшно нервничала, ожидая вечернего омовения.

После ужина закрыли ставни, принесли деревянную ванну и наполнили ее горячей водой, добавив несколько капель ароматической эссенции. Зеркало запотело, запахло весенними цветами. Это был любимый запах Бранвен — так пахли синие цветы, растущие на склонах. Весной их сушили впрок, а потом добавляли в ароматические мешочки, в нюхательную соль или изготавливали настойку.

Эфриэл, наблюдая за приготовлениями лежа на лавке, не сделал даже попытки прикрыть глаза.

— Не мог бы ты отвернуться, пока я моюсь? — шепотом попросила Бранвен.

— Отвернуться? И пропустить все самое интересное? Ну нет, — Эфриэл насмешливо улыбался.

— Недостойно подглядывать за женщиной...

— Вы что-то сказали, миледи? — спросила служанка, заворачивая в простынь разогретые камни.

— Да, сказала. Я буду купаться в рубашке! — объявила Бранвен.

Эфриэл зашелся от смеха, а лицо служанки вытянулось.

Обычно Бранвен любила полежать в ванне в свое удовольствие, но в этот раз купание было особенно коротким. Слушать, как язвительный дух сыпет шуточками по поводу ее исключительного целомудрия, было невозможно. Стадив с себя мокрую рубашку, которая немилосердно прилипла к телу, Бранвен быстро завернулась в простыню.

Засыпая, она глотала слезы, ругая и жалея себя. Чем прогневила она яркое пламя, если ей была уготована такая западня? Мысленно она взывала к Айфе, умоляя ее поскорее приехать. Айфа придумает что-нибудь и избавит ее от духа, который оказался страшнее, чем проклятье Роренброков. У Эфриэла на этот счет было другое мнение, но Бранвен не желала его слушать. Если не надеяться на помощь Айфы, то проще сразу выбрить макушку и отправляться в монастырь, забыв о свадьбе, Аллемаде и лорде Освальде.

Теперь у Бранвен началась другая жизнь — странная и ни на что не похожая, и даже старинные баллады не могли бы похвастаться подобным сюжетом. Просыпаясь, девушка первым делом смотрела в угол спальни, где стояла лавка для рукоделий, молясь, чтобы она оказалась пустой. Но там неизменно оказывалось хамоватое, храпящее существо, не желающее прикрывать свою наготу и не утруждавшее себя хорошими манерами. Постепенно Бранвен становилась не хозяйкой, а сторонней особой в своей собственной спальне, потому что командовал всем гость, девушке же оставалось только подчиняться. Он отказывался покидать комнату, чтобы предоставить Бранвен время для утреннего туалета. Он ругал каждый обед, завтрак и ужин, хотя съедал все с отменным аппетитом, предпочитая есть руками и облизывать пальцы, поглядывая при этом на Бранвен так, словно желал и ее съесть на закуску. Кроме насмешек над самой Бранвен, ее слугами и подружками, он нашел еще одно развлечение — измарал все пергаментные листы из письменного стола непристойными картинками, изображая мужчин с непомерно огромными возбужденными членами, или языческую богиню красоты перед зеркалом, которой слуги пудрили жирный зад. Бранвен бросало в холодный пот, едва она представляла, как Матильда, сестры или мать могут обнаружить сии художества в ее комнате, и немедленно уничтожала рисунки, разрезая их на тонкие полоски или сжигая в камине.

Кроме того, Эфриэл не оставлял попыток соблазнить ее. Не проходило дня, чтобы он не лез к Бранвен с поцелуями, объятиями или не говорил пошлости, радуясь, как ребенок, когда девушка заливалась румянцем.

Бранвен сильно подозревала, что сид делает это умышленно, желая довести до такого состояния, чтобы она согласилась отправить его домой любым способом. Приходилось стискивать зубы и терпеть.

Все это не могло не сказаться на ее душевном состоянии. Она стала нервной, испуганно подскакивала при любом стуке и шорохе, и заикалась, если приходилось кому-нибудь отвечать. Леди Дерборгиль, впрочем, не придавала этому большого значения, приписывая подобное поведение обычному предсвадебному волнению.

Не сразу Бранвен вспомнила и о книге, которую бросила в Северной башне. Решено было перенести фолиант в спальню, и пришлось немало потрудиться, чтобы достать его — Матильда оказалась верна себе и велела плотникам крепко-накрепко заколотить двери в башню. После долгих просьб и уговоров Эфриэл согласился пройти сквозь стены и сбросить книгу в окно. В этот же вечер Бранвен просмотрела все заклинания в надежде найти что-то похожее на «возвращение сидов в родную норку», как выразился Эфриэл. И ничего не нашла, разумеется. Книга была спрятана в самый нижний ящик комода, под простынями, и наволочками, и должна была дожидаться приезда Айфы. Вдруг Айфа сможет заметить то, что проглядела Бранвен?

Но были и приятные события.

В конце месяца, когда закончилась жатва, для невесты устроили девичий праздник. Приехали дочери соседских джентри, и в Роренброке стало тесно и шумно. Бранвен пришлось делить комнату с двумя девушками — Делмой ферх Морни и Уной ферх Эрк. Обе были хорошенькие, родовитые и чуточку спесивые. Они не пожелали жить с остальными

девицами, так как считали, что лишь их общество достойно дочери графини Роренброк. Бранвен отчаянно смущалась, когда девушки принимались разгуливать по комнате, в чем мать родила, непринужденно болтая о нарядах и танцах, не подозревая, что за ними следят мужские глаза. Сидя очень забавляло подобное соседство, и он то и дело отпускал сальные шуточки, сравнивая достоинства подруг. С другой стороны, пока в комнате было много народу, он не так сильно досаждал Бранвен. И теперь она могла вздохнуть спокойно, не опасаясь обнаружить поутру рядом с собой в постели Эфриэла, норовившего запустить руки под ночную рубашку. Или потереться о бедра, стоит только наклониться над тазом с водой или по другой причине.

Выгадав день пояснее, решено было отправиться на луг, чтобы поплясать среди цветов, нарядить лентами боярышник, поесть вкусностей под золотыми березами, и вдоволь посплетничать. Пригласили двух музыкантов — скрипача и флейтиста, позаботившись, чтобы оба были миловидны, но не слишком резвы. Прихватили кучу служанок и тетушек, чтобы было кому блюсти девичью честь, запрягли всех лошадей в Роренброке, и отправились к излучине Эн Фиор, к обрыву, откуда открывался великолепный вид на окрестности. Многие девушки пожелали сами править колесницами, и делали это с лихачеством, достойным самых отважных мужчин. Престарелые тетушки лишь ахали, когда колесницы вставали на два колеса на крутых поворотах.

Что касается Бранвен, она не владела подобным мастерством, да и наездница была никакая, поэтому ехала на колеснице вместе с Киараной, которая тоже боялась скачек. Тигриша правила, и завистливо вздыхала, глядя на подруг, подгоняющих коней свистом и звонкими криками.

Эфриэлу не нашлось места в колеснице, и он шел рядом, держась за борт. Бранвен искоса поглядывала на него, испытывая угрызения совести. Вот уже третий день, с тех пор, как приехали гости, она не уделяла сиду ни минуты внимания, лишь иногда строго посматривала, когда он слишком уж расходился, рассуждая о девичьих прелестях. Но ведь это она виновата в его злоключениях, и поэтому обязана заботиться о нем, как о госте. Пусть даже этот гость порой невыносим.

Прибыв на место, слуги распрягли коней, а девушки затеяли играив догонялки, прятки и жмурки. Те, кто предпочитал занятия поспокойнее, уселись в тени с вышиванием и лютнями. На правах хозяйки праздника, Бранвен, переходила от одной группки к другой, приветствовала гостей, справлялась об их здоровье и здоровье родных, делала замечания о погоде, удачном наряде или прическе. Эфриэл таскался следом и изнемогал от слащавости.

— У меня такое чувство, будто я ем патоку пополам с медом, — брюзжал он. — У тебя морщины не появятся? Ты улыбаешься широко, как лягушка. Что? У кого чудесное платье? Вот у этой барсучихи? Да на нее что ни надень, все идет, как корове ленты.

К концу обмена любезностями Бранвен была вымотана до доньшка души. Выбрав момент, она попросила Тигришу заменить ее, если кому-то из дам что-то понадобится — кушать, пить или расположиться на пледах, подремать час или два на вольном воздухе, а сама утащила Эфриэла в ближайший лесок, удостоверившись, что никто не обратил внимания на ее исчезновение.

Сначала она хотела отругать его, напомнить о хороших манерах и о своих обязанностях. Да, об обязанностях, если кое-кто никогда в жизни не был ни за что в ответе и не понимает, как должна вести себя хозяйка, чтобы гости были довольны. Но у сиды был такой вид, что резкие слова не сорвались с ее языка.

— Я понимаю, тебе все это скучно, — начала она, — но и ты пойми, это важно для меня. Ты здесь — всего лишь фантом, а я живу по-настоящему. Это мои подруги, и я дорожу их добрым отношением. Пусть они не так красивы, как жители твоей страны, но у многих — доброе сердце. И толстушку Мод я предпочту Делме, которая куда как хороша. Тебе нужно лишь немного потерпеть, они уедут через два дня.

Эфриэл фыркнул и отвернулся, скрестив руки на груди. Бранвен положила ладонь ему на плечо, ощущая твердость мускулов и гладкость кожи, как теплую поверхность отполированного дуба.

— В твоей жизни было много удивительного, — продолжила она, — ты бывал в разных странах, знал сотни, если не тысячи людей. И праздники в твоей жизни были не чета нашим, скромным. Но для меня это — событие. Скоро я выйду замуж, буду заботиться о муже, родятся дети, пройдет какой-нибудь десяток лет — я постарею и уже не смогу беззаботно скакать по лугу под звуки вьели.[1] Прояви понимание и уважай мои желания.

— Ты заговорила, как клирик, — Эфриэл метнул на Бранвен острый взгляд. — Что насчет моих желаний?

— Ах, мы уже говорили об этом!

Сид только вздохнул и снова отвернулся.

Треск валежника где-то совсем рядом заставил обоих вздрогнуть от неожиданности. Из-за деревьев показалась Киарана, держа свернутый плед.

— Я подумала, что ты устала и хочешь отдохнуть, — сказала она, — поэтому принесла плед. В лесу всегда сыро и холодно, не простудись перед свадьбой, пожалуйста.

— Спасибо, дорогая моя, — Бранвен с благодарностью приняла плед и поцеловала Киарану в розовую щечку. — Как хорошо, что у меня есть сестра, которая обо всем подумает. Я с удовольствием подремлю полчаса здесь, под ясенем. Приглядишь, чтобы меня никто не побеспокоил?

— Не тревожься и отдыхай в удовольствие, я никому не позволю подойти к тебе. Только спи под ясенем, а не под бузиной, — Киарана указала на дерево, стоявшее неподалеку. Ветви с багряной листвой и гроздьями черных блестящих ягод клонились до самой земли, создавая уютный шатер и словно приглашая расположиться под их сенью. — Хотя сейчас бузина и не цветет, но не надо шутить с маленьким народцем. Уснешь здесь, и они утащат тебя в свой мир.

Бранвен заверила сестру, что даже близко не подойдет к колдовскому дереву. Киарана кивнула и ушла, срывая по пути желтые цветы утесника, цветущего до первого снега.

Бранвен и Эфриэл проводили ее взглядами, пока она не скрылась в зарослях.

— Я испугалась, что она могла меня услышать, — призналась Бранвен. — Меня и так уже половина Роренброка считает буйнопомешанной. Если еще матушка узнает, что я разговариваю с березками...

Она расстелила плед и села, подтянув колени к груди, поглядывая на Эфриэла снизу вверх.

— Садись, я ведь знаю, что тебе не хочется возвращаться туда.

Эфриэл сел рядом с ней.

— После того, как ты пристыдила меня, не хочу, чтобы ты просидела здесь со мной весь праздник, — сказал он сквозь зубы. — Вернемся. Зря говоришь, что я ничего не понимаю. У меня девять сестер, шесть уже замужем, и не у всех супружеская жизнь сложилась удачно.

— Девять сестер! — Бранвен всплеснула руками и расхохоталась. — А моя бедная

матушка твердит, что с нами пятерыми она сошла с ума.

— Девять сестер и еще двенадцать братьев.

— Значит, ты очень счастливый...

— Тебе так кажется.

— Расскажи о своем мире? — попросила Бранвен, протягивая сиду яблоко, которым ее угостили гости из ленда Афаль, прославленного яблоневыми садами. Яблоко было желтое, с красными продольными полосами, ароматнее самых лучших благовоний. — Кто ты там? Рыцарь или купец? Кто твои родители?

— Тебе это интересно? — в свою очередь спросил Эфриэл. Он взял яблоко и перекатывал его с ладони на ладонь, как снежок, подставляя лицо солнечным лучам.

— Очень, — Бранвен подперла подбородок и мечтательно уставилась в небо. — Всего месяц назад мое сердце замирало при мысли о путешествии в Аллемаду, и вдруг я встречаю существо из еще более дальней страны. Я и подумать не могла, что есть иные земли, кроме Эстландии, Норсдейла и южных королевств.

— Дитя, — вздохнул Эфриэл. — Даже ваш мир не ограничивается этими маленькими паршивыми королевствами.

— Расскажи о своем мире? — снова попросила Бранвен. — Наверное, это чудесное королевство? Говорят, сиды живут в прекрасных дворцах и слушают такую сладкозвучную музыку, что простой человек впадает в сон, а яблони там одновременно цветут и плодоносят...

— Ну, почти правдиво говорят, — засмеялся Эфриэл, — если добавить, что дворцы наши находятся под землей, куда не заглядывает солнце, а яблони куют из золота и серебра придворные кузнецы.

— Ах, как удивительно!

— Что же удивительного? Простые драгоценные безделушки. Спору нет, выглядят они красиво, особенно когда на праздник разжигают костры, и их пламя играет тысячью бликов на золотых плодах и серебряных листьях... но они неживые. Яблоки в моем мире не пахнут, и их невозможно съесть, — он рассеянно усмехнулся, подбросив и поймав румяный плод, и крепко надкусил его. — Раньше мы жили здесь, на этой земле, — он обвел взглядом лесную опушку, на которой они расположились. Мы заселяли эту землю задолго до вас. Но потом притащились вы — оголтелое кровожадное племя, плодящееся, как полевые мыши. Была война, мы проиграли. Наши жрецы открыли врата, через которые оставшиеся в живых смогли отступить в иной мир. Мы называем его Тир-нан-Бео — Страна счастливых мертвых, потому что там мы чудом избавились от смерти, к которой были приговорены людьми. Тот мир — не чета вашему. Вы ничем не заслужили богатств, которыми владеете — рек, лесов, плодородных пашен и лугов, и разрушаете всё, до чего дотрагиваетесь. Мы же создали свой мир сами и бережем его, каждую частичку, каждый листок и каплю.

— А какое место ты занимаешь в своем мире? — торопливо спросила Бранвен, чтобы переменить неприятную тему и одновременно пытаюсь вообразить яблоневый сад со слитками золота и серебра вместо плодов и листьев.

— Мой папаша был там вроде короля. Он большой любитель выпить и повоевать. В одной из таких войн ему оттяпали руку почти по локоть. Другой бы не выжил, но папаше — хоть бы что. Он заказал кузнецам серебряную руку, прицепил ее к культе и щеголяет ею, как военным трофеем.

— Так ты — принц?

— Да какой я принц... И папаша уже не король. Всего лишь князь одного из городов. По нашим законам увечный не может править, поэтому ему пришлось убраться с трона. А мамаша моя — она ведь не из сидов. В свое время, еще до того, как люди прогнали сидов, сиды прогнали отсюда еще более древнее племя — фирдомнанов. Мамаша моя была одной из тамошних воительниц. Потом, правда, сиды и фирдомнаны заключили перемирие, и даже несколько раз устраивали общие праздники и состязания. После одного из таких праздников я и родился. Наверное, у моей мамы тогда был не самый удачный период в жизни, раз она решила покувыркаться с безруким стариком. Икогда я родился, она точно знала, кто мой отец. А это, скажу тебе, на нее совсем не похоже. Я жил при ней до восемнадцати лет, а потом она с чистой совестью сбагрила меня папаше. Он меня не особенно привечал — у него законных сыновей трое, не считая бастардиков. Но потом он меня все-таки заметил, — Эфриэл хмыкнул, — когда застал в постели со своей пятой женой. Причем, виноват у него оказался только я, хотя это она, ведьма похотливая, затащила меня в спальню. А я в ту ночь надрался до неприличия, не смог бы коровницу от коровы отличить. Но надо сказать, моя мачеха — она и мертвеца соблазнит. Так что я — жертва случая. Но папаша не стал разбираться и проклял меня во страшном гневе. Сначала молниями побил, а потом связал заклинанием. Как только какая-нибудь тоскующая старуха прочитает любовный заговор — фьюить! — я прилетаю в ваш мир, валяю ее до звона в ушах и улетаю обратно. Не слишком приятное, скажу тебе, занятие. Иногда такие рожи вызывают — смотришь и думаешь: нет, точно тетива не натянется...

Тут он соизволил посмотреть на Бранвен, которая сидела, прижав ладони к пылающим щекам и смотрела на него с таким ужасом, словно он превратился на ее глазах в морского змея.

— А... э-э... ладно, молчу, — он еще раз откусил от яблока и захрустел сочной мякотью.

— Почему ты ругаешься, как конюх, — сказала Бранвен дрожащим голосом. — Ведь ты — благородных кровей...

— Благородных? Деточка, ты сама не знаешь, о чем говоришь. Вот жеребец моего папаша — он благородных кровей. Но и ему приходится возить на себе старую задницу... — он опять замолчал, подумал и добавил: — Не сердись, я не хотел тебя оскорбить. Просто поживи с мое эдакой жизнью — не так запоешь. Все это уже надоело, точно вяленая вобла на исходе зимы. Порой подумаешь — скорее бы уже сдохнуть и снова родиться, чтобы прежняя жизнь позабылась.

— Не говори так, — Бранвен осенила себя знаком яркого пламени. — Это грешно — желать себе смерти! А сиды — они тоже умирают?

— Умирают, — равнодушно сказал Эфриэл. — Только когда — никому не известно. Никто из нас еще от старости не преставился. Или нас убивают каким-нибудь особо мощным заклятием, или мы чахнем. Но чтобы сид зачах — не знаю, что должно случиться. Еще говорят, можно убить, если скатать шарик для пращи из извести и головного мозга великого героя...

Бранвен испуганно вскрикнула.

— ...да где сейчас найдешь героя? Еще и великого? Драконы и то все со скуки перемерли. Ты что там считаешь? — спросил он, заметив, что Бранвен выписывает сухой веточкой на песчаной проплешине какие-то цифры.

— Пытаюсь понять... — она наморщила лоб и смешно нахмурила брови.

— Что пытаешься?

— Понять. Если сиды бессмертны, если у твоего отца детей... двадцать и один человек... то сколько же вас там? В твоём мире?

— На самом деле, нас очень мало. Это тоже что-то вроде проклятья. После того, как фирдомнаны убили королеву Эрию, наши женщины стали бесплодны, и дети рождаются очень редко. У меня нет ни одного племянника или племянницы, а последний ребенок в Тир-нан-Бео родился... постой, пытаюсь припомнить... Да, около пятисот лет назад. У князя Мидхира родилась дочь от смертной женщины.

— Нет солнечного света, нет живых растений, нет детей... Разве это не страшно? Наверное, твой мир красив, но радости там мало.

— Мало, — признал Эфриэл.

— И все же ты желаешь вернуться обратно?

— Эй! — Эфриэл вмиг насторожился. — Даже если там придется спать с гадюками, то все равно это гораздо лучше, чем болтаться тут, не понять каким духом. Ты, конечно, компания не самая мерзкая, но что мне делать, когда станешь старухой и умрешь? Даже словом не с кем будет перекинуться. Хватит краснеть, — грубовато сказал он, переворачиваясь на живот и подставляя солнцу спину. — А то я сам скоро краснеть начну по любому поводу.

— Будь моя воля, я бы отправила тебя домой сию же минуту, — сказала Бранвен тихо, но твердо. — Но... этот способ не для меня. Будем надеяться на Айфу. Она что-нибудь придумает.

— В добрый час, — пробормотал Эфриэл.

Они нежились под солнцем, пока оно не склонилось к закату, а от реки не повеяло холодной сыростью.

— Накинь плед, — предложила Бранвен, поднимаясь с травы и расправляя платье. — Здесь тебя никто не видит. Простудишься...

— Какая заботливая.

Но плед накинул.

В роще уже установились вечерняя прохлада и тень. Девушка и сид брели по тропинке, пиная сухие листья, и молчали.

Перед самым лугом, на котором расположись юные леди, Эфриэл передал Бранвен плед, даже не потрудившись свернуть его. Но остаток дня вел себя прилично и не создавал неприятностей ни хозяйке, ни гостям, за что Бранвен была ему несказанно благодарна.

Вечером, готовясь ко сну в комнате Бранвен, Делма и Уна болтали, как сороки. Они были в восторге от праздника, и им не терпелось обсудить все, а Бранвен зевала украдкой. Она мечтала лишь об одном — добраться до кровати и уснуть. Но гости спать не хотели. Надев ночные рубашки и чепцы, они пожелали отослать служанок, и едва те удалились, забрались на постель и придвинулись к Бранвен поближе, одна справа, другая слева.

— Теперь можно поговорить спокойно и не бояться, что нас подслушают, — объявила Делма. Глаза ее так и горели.

Бранвен невольно посмотрела в сторону Эфриэла. Он устраивался на ночлег, ворочаясь, как кабан на лежке, и помахал Бранвен, чтобы не тревожилась:

— Я уже сплю, поэтому глух и слеп. Можете сплетничать хоть до рассвета.

Он и в самом деле смежил веки и затих.

— Ты ведь помнишь сэра Вулфрика? — приставала Делма к Бранвен. — Он сын лорда

Солсбери, ты его видела на празднике лета. Он всегда краснолицый и ужасно картавит.

— Кто? Сэр Вулфрик?

— Нет же! Лорд Солсбери! А сэр Вулфрик вовсе не красный и не картавый. Помнишь, он пел перед королевой балладу о печальном рыцаре?

— Ах, да, припоминаю, — пробормотала Бранвен, хотя так и не вспомнила сэра Вулфрика и его картавого отца.

— Так вот, он приезжал к нам с поручением от короля...

— Кто? Лорд Солсбери?

— Сэр Вулфрик, конечно! Бранвен, ты надо мной издеваешься?!

— Прости, я устала и мысли путаются.

— Разве можно сейчас спать? Так вот, сэр Вулфрик приехал, и я — честное слово! — я увидела его первая! Словно кто-то шепнул мне: выгляни в окно... Выглянула — а он там! На красивом вороном коне, с алым плюмажем! Папочка устроил пир в честь приезда, пригласил жонглеров, и даже один канатоходец был...

— А что сэр Вулфрик? — напомнила Уна, которая сгорала от нетерпения, и которую вовсе не интересовали канатоходцы.

— Не перебивай! На пиру мы сидели с ним рядом. Папочка специально постарался и весь вечер шевелил ушами, пытаюсь услышать, о чем мы говорили. Мы сидели близко, почти соприкасались плечами, и он попросил, чтобы я наполнила его кубок вином.

— А ты?! — Уна даже запрыгала на перине, прихлопывая в ладоши.

— Разумеется, я выполнила его просьбу, — ответила Делма, важничая. — И постаралась сделать это как можно изящнее. Вот так протянула руку... вот так придержала рукав... вот так налила... И все это время смотрела сэру Вулфрику в глаза и улыбалась. Ах, какие у него глаза! Огромные! И ресницы длинные, как у коровы! Я не пролила ни капли, и он похвалил мое искусство. Принимал кубок и коснулся моей руки, словно бы нечаянно, и сказал...

То, что изрек сэр Вулфрик, она поведала шепотом, и на каждом слове дыхание у нее пресекалось от волнения. Бранвен слушала с улыбкой, Уна умирала от зависти. Потом последовал рассказ о том, как Вулфрика отправляли в мыльню, а потом в опочивальню, и всякий раз он смотрел в сторону Делмы «со значением, и взор его был, как взор рыцарей в старинных песнях — он опалял и пленял». А потом доблестный рыцарь отбыл в столицу, не преминув раскланяться и заверить, что был прекрасно принят и не скучал.

— А он писал тебе после этого? — спросила Уна.

— Нет...

— Значит, ты ему не понравилось, и все это было лишь куртуазностью! — Уна высказала это с таким облегчением, что Бранвен зарылась лицом в подушку, чтобы не рассмеяться.

— Говоришь, как будто знаешь, что говоришь! — обиделась Делма. — Благородные сэры никогда не поставят честь дамы под угрозу посредством любовного письма. Подумай только, что будет, если такое письмо попадет моему отцу?

— А что будет? — воинственно спросила Уна.

— Честь моя будет запятнана!

— Ой, как страшно! Твой папочка всего-то и принудил бы сэра Вулфрика жениться на тебе. И сэр Вулфрик это прекрасно понимает. Если бы он хотел тебя в жены, то нарочно так бы поступил.

— Ты просто завидуешь.

— А вот и нет!

— А вот и да!..

Девушки замолчали и отвернулись друг от друга.

— Успокойтесь, — поспешила Бранвен их примирить. — Я уверена, что сэр Вулфрик очарован тобой, — она погладила Делму по руке, — ведь ты первая красавица в нашем графстве. Но он никогда не скомпрометирует тебя. Потому что поступать так — недостойно рыцаря. И всем известно, что у лорда Морни горячий нрав. А что если он в гневе задумает выдать Делму за какого-нибудь старика? Или отправит в монастырь? Даже подумать страшно!

— И вовсе она не первая красавица! — сказала чуть не плача Уна, глядя на повеселевшую Делму.

— Ну что ты, — мягко пожурела ее Бранвен, — конечно же, первая. А вот таких волос, как у тебя, милая Уна, нет во всей Эстландии. Я сама слышала, как королева говорила об этом моей матушке. И потом матушка два месяца заставляла меня делать притирания из пчелиного меда и ополаскивать волосы пажитником, чтобы косы стали длиннее и гуще, — тут уголки ее губ лукаво задергались, и она закончила с притворным огорчением: — но лекарство не подействовало.

История рассмешила девушек, и они бросились обнимать Бранвен, щебеча и заливаясь смехом. Когда восторги улеглись, подружки переглянулись, и Делма невинно спросила:

— А ты, Бранвен, ничего не хочешь нам рассказать?

— О чем вы, девушки?

— Лорд Освальд такой красавчик, и учтивый, — почти пропела Уна, — наверняка, он сказал тебе немало чудесных слов?

— Вы с ним целовались? — выпалила Делма.

— Ах, что за вопросы! — Бранвен спрятала лицо в ладонях. — Я смущена, не спрашивайте меня ни о чем.

— Что за ложная скромность! Кроме нас здесь никого нет! Расскажи же, Бранвен, расскажи!

— Да мне и рассказать-то нечего...

— Говори! — подружки набросились на нее с шутливыми шлепками и щипками. Бранвен оборонялась, пытаясь прикрыться подушкой и изнемогая от смеха, но силы были неравны.

— Вы целовались?! — вопрошала Делма, чуть не утопив Бранвен в перине.

— Д-да, — вынуждена была признать Бранвен.

— Как это было?

— Говорят, поцелуй — он сладок, как мед! Тебе тоже было сладко?

Бранвен задумалась. Признаться подругам, что они с лордом Освальдом не то что не целовались — даже не держались за руки, она не смогла, хотя и считала, что ложь противна яркому огню. Также она отбросила воспоминания о поцелуе лорда Арчибальда. Да можно ли было назвать это поцелуем? Она украдкой посмотрела в сторону Эфриэла. Спал ли он или делал вид, что спит?

— Бра-авен! Мы ждем! — наседали Делма.

— Это было... это было... — Бранвен погладила подушку, — это было, как солнечный луч. Сначала легко коснулся губ, потом обжег, а потом обжигающее тепло спустилось к сердцу, и вот здесь, — она приложила руку к груди, — начали копошиться золотистые

солнечные пылинки. От них щекотно и радостно, и хочется петь только о прекрасном. Когда он поцеловал меня, я почувствовала, что душа моя влилась в его уста, а его душа — в мои. Ведь что такое поцелуй, как не обмен душами?

— О, счастливая! — Делма изнывала от нетерпения услышать подробности. — Ты позволила ему себя поцеловать? Или он настаивал?

Бранвен опять бросила взгляд на Эфриэла. Грудь его мерно вздымалась, и лицо было расслабленным и бесстрастным, как у спящего.

— Конечно, я ни за что бы не согласилась, — призналась она, отчаянно краснея. — Но все произошло неожиданно... Он взял меня за плечи, развернул к себе и поцеловал. А потом сказал, что я очень красивая, и что ему очень повезло.

— А ты?..

— А я была смущена и лишь попеняла ему за невоздержанность.

— Глупышка, — вздохнула Уна. Глаза ее мечтательно расширились, и было понятно, что теперь она отчаянно завидует Бранвен, потому что ее история не шла ни в какое сравнение с «пламенными взглядами» сэра Вулфрика.

— Она поступила правильно, девичья гордость распаляет мужчин лучше любой кокотки, — авторитетно заявила Делма и прижалась щекой к щеке Бранвен. — Ах, как славно будет, когда вы поженитесь! Признайся, появишься он сейчас перед тобой и вздумай поцеловать, ты ведь не оттолкнула бы его?

— Оттолкнула, — тихо сказала Бранвен, украдкой взглянув в сторону лавки для рукоделий, где спал самый невозможный мужчина на свете, — но жалела бы об этом до конца жизни.

[1] Вьель — средневековый инструмент, напоминающий скрипку.

Прошло еще два дня, и гости разъехались. Бранвен стояла на стене замка и махала вслед отъезжающим каретам платком. Из окошек карет ей так же махали на прощанье. Праздник удался, довольные гости отбывали по домам, а не менее довольные хозяева вздохнули с облегчением. Бранвен грустила — ведь веселье закончилось так быстро, но и радовалась наступившему спокойствию. Вскоре гости приедут снова — на свадьбу, и эти предсвадебные дни невесте хотелось провести с родными. Был еще и Эфриэл, но Бранвен поклялась, что ни за что не позволит ему нарушить ее душевное спокойствие. Жаль, Айфа до сих пор не прислала ответа, и это не могло не посеять тревогу в сердце, но лорд Освальд отложил приезд, и время на изгнание демонов еще было.

«Изгнание демонов!» — Бранвен не удержалась и хихикнула, лежа грудью на замковой стене и глядя вниз. Высота такая, что голова кружилась, но девушке нравилось это чувство. Под ложечкой будто покалывают тончайшие ледяные иголки, и кажется, что для тебя нет ничего невозможного — еще чуть-чуть и полетишь.

Эфриэла подобные щекотания нервов не забавляли. Он стоял рядом с Бранвен, повернувшись спиной к уезжающим гостям и скрестив на груди руки, и рассуждал, как легко дышится, когда курятник опустел и некому поднимать пыль.

Его злословие уже не ранило Бранвен. Она не знала, в чем тут была причина — или сид истощил собственное остроязычие, или же она привыкла не принимать близко к сердцу его колкости.

Девушка украдкой посматривала на своего спутника. Он не пожелал накинуть плед, хотя ветры так и вихрились над замком, и странно было видеть голого мужчину на фоне пожелтевшего леса. Профиль у сида был резкий, точно высеченный из мрамора толстым резцом. Будь лорд Освальд таким хотя бы в половину, она полюбила бы его в три раза сильнее. Вздохнув, Бранвен перевела взгляд на дорогу. Последняя карета давно исчезла за поворотом, но девушка не торопилась спускаться. Ветер растрепал ее волосы, и она ощущала его холодное дыхание даже через шерстяной плащ. Сегодня ветер пах снегом. Значит, на высокогорье уже наступила зима. Скоро она доберется и до Роренброка, но пока здесь царил осень во всем великолепии багрянца, пурпура и золота.

— Обязательно ли свешиваться со стены? — ворчливо спросил Эфриэл. — Твои ноги не достают пола. Того и гляди свалишься, и кто отправит меня обратно?

— Что я, кукла что ли? — Бранвен даже посмеяться захотелось, так ей было хорошо. — Держусь вот за скобу.

Сид бросил взгляд на девушку и снова уставился под ноги.

— Замечательно, — пробормотал он. — Но все же лучше тебе отойти.

Бранвен замерла, пораженная внезапной догадкой:

— Ты боишься высоты?! — и она расхохоталась до слез.

— Не боюсь, — огрызнулся Эфриэл, — просто не люблю. И что тут такого смешного?

— Прости, — Бранвен вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Но это и вправду очень нелепо — призрак, который боится высоты...

— Я не призрак. Сколько повторять?

— Ладно, ладно, не злись. Я пошутила, — Бранвен склонила голову к плечу. — Кто бы

мог подумать, что и у вас, прекрасных сидов, есть слабости. А мне не страшно! Смотри!

Оперевшись о парапет, девушка легко запрыгнула на стену и уселась непринужденно, как в кресле у себя в спальне, да еще принялась размахивать руками, показывая, насколько она смелая.

— Совсем спятила! — Эффриэл побледнел и мигом стащил Бранвен вниз.

Она опять расхохоталась, обрадованная его испугом, и спросила:

— Боишься за меня?

Ее смеющееся лицо было совсем рядом, и ветер тут же обмотал длинные русые волосы вокруг шеи сида. Можно было отпустить девчонку, но он этого не сделал и продолжал держать ее на руках. Она была вовсе не тяжела, и Эффриэл легко донес ее до лестницы. А Бранвен болтала ногами и допрашивала его: ты за меня боишься? боишься, да? Ребячество, да и только.

— Я боюсь навсегда застрять в свинарнике, который ты зовешь замком, — проворчал сид, чтобы уменьшить ее веселье.

— Не думаю, что только в этом причина, — помотала она головой. — Даже если бы от меня ничего не зависело, ты не позволил бы мне упасть. У тебя доброе сердце, зря пытаешься показаться равнодушным.

Эффриэл нахмурился, подозревая насмешку, но безмятежно-счастливая улыбка Бранвен убедила его, что девушка искренне верит тому, что говорит.

А ведь теперь она и вправду в это верила. Чем больше Бранвен узнавала сида, тем больше убеждалась, что никакой он не демон, а обыкновенный человек... Странно называть человеком выходца из иного мира, но по-другому сказать не получалось. Так вот, он, этот сид из иномирья — он обыкновенный. А его грубость — это от отчаяния. И у него есть свои страхи, хотя он никогда в этом не признается. Так же, как и Найси, который утверждает, что не боится темноты, но спит, засунув под подушку игрушечный меч.

— У тебя доброе сердце, Эффриэл из страны сидов, — повторила она.

— Ошибаешься.

— Я чувствую это и... — договорить ей не удалось, потому что сид разжал руки, и Бранвен упала на каменный пол, больно ударившись мягким местом и ушибив локоть. Возмутиться ей тоже не удалось, потому что рядом оказалась Киарана. Она встревожено заглядывала Бранвен в лицо и обнимала за плечи.

— Какая ты неловкая, Бранвен, — попеняла она сестре. — Чуть не расшиблась! Я слышала твой смех, а потом увидела, как ты падаешь. Матушка правильно говорит, тебе надо перестать витать в облаках. Наверное, замечталась и не заметила ступеней?

— Замечталась, — подтвердила Бранвен, поднимаясь с ахами и вздохами. — Я ужасно неуклюжая и невнимательная...

Поддерживаемая под локоть сестрой, она спустилась на жилые этажи. Киарана настаивала проводить ее и до кровати, но Бранвен отказалась.

— Все в порядке, — заверила она. — Твоя старшая сестрица еще не настолько стара, чтобы развалиться при падении. Спасибо за помощь, дальше я сама.

Доковыляв до спальни, Бранвен бросилась ничком на постель и закрыла глаза.

— Жива? — равнодушно спросил Эффриэл, устраиваясь за столом. Зашуршал пергамент, и стукнула крышка чернильницы — сид снова принялся за излюбленное занятие. Он ждал упреков и жалоб, а еще возмущения по поводу очередных непристойных рисунков, но Бранвен произнесла нечто другое.

— Хорошо, что ты вовремя заметил Киарану. Я даже не услышала ее шагов. Ах, если синяк не пройдет до свадьбы, не знаю, как я объясню его лорду Освальду...

— Не показывай тыл, и обойдется, — посоветовал Эфриэл.

Совет был лишен деликатности, но Бранвен не хотела споров и на оскорбление не ответила. Обманутый в ожиданиях сид бросил перо и потребовал плотного перекуса. Девушке пришлось подниматься и хлопотать о трапезе.

Прием гостей утомил всех, и леди Дерборгиль устроила слугам праздник, освободив на день от работы в замке. Этот знак неслыханной щедрости был воспринят прислугой с молитвами и радостью. Обед подали холодным, а ужин не предполагался вовсе. Кто проголодается — всегда может взять в кладовой жареную курицу и хлеб, или подкрепиться фруктами.

Именно так и поступила Бранвен, нагрузив поднос до отказа. Когда она притащила еду, тарелки и кубки к себе в комнату, у нее кроме всего прочего заболели еще и руки. Эфриэл не соизволил донести даже ложку, и не считал себя обязанным извиняться за отсутствие куртуазности.

— Твои манеры оставляют желать лучшего, — не удержалась Бранвен, накрывая на стол. — Сиды все такие невоспитанные? Надеюсь, пребывание в нашем мире изменит тебя к лучшему.

— Это как пить дать. Твоими стараниями, нянюшка, я уже отвык плевать на пол, — съязвил Эфриэл.

— Ешь и не болтай глупостей, — сказала Бранвен, подавая ему хлеб.

Замок Роренброк затих и опустел, слышалось только воркование голубей, и изредка где-то за конюшней лаяла собака. Графиня затворилась в своих покоях вместе с камеристками, Тигриша умчалась гонять коней по Маг-Риг, Киарана забрала к себе Найси, чтобы мальчишка не скучал, а Бранвен играла в шатрандж с Эфриэлом.

Они устроились на постели, поджав ноги и склонившись над игровой доской. Сид не на шутку увлекся игрой и делал огромные успехи. Пытаясь разгадать его хитроумные атаки, Бранвен не могла думать ни о чем, кроме игры, и за это тоже была благодарна нечаянному знакомому. Все-таки, отсутствие мыслей — тоже благо, что бы там ни говорили мудрецы. Нет мыслей — нет волнений.

Противники как раз размышляли над особо захватывающей баталией, когда дверь без стука распахнулась, и появилась леди Дерборгиль.

— Мама! — Бранвен испуганно вскочила, уронив фигуры с доски, и поклонилась.

— Привезли подарок от лорда Освальда, солнце мое, — сказала леди Дерборгиль. — Щедрый, поистине королевский подарок! Не хотела тебя беспокоить, но не могла не порадовать. Вносите!

Двое слуг, побагровев от натуги и ступая короткими шажками, занесли великолепную арфу красного дерева. Высотой она была почти с Бранвен, а внешняя сторона рамы вызолочена.

— Какая красота! — голос Бранвен дрогнул от восхищения.

— И письмо, — леди Дерборгиль протянула дочери письмо со сломанной печатью. — Лорд Освальд извиняется, что ему пришлось задержаться в столице, и просит помнить, когда будешь играть на этой арфе. Он хотел преподнести ее свадебным подарком, но счел правильным сделать подарок сейчас.

Сама графиня даже не подумала извиниться за вскрытое письмо. В Роренброке

считалось обыкновенным, что леди Дерборгиль читает переписку дочерей. Никогда раньше Бранвен это не волновало, но сегодня она испытала что-то похожее на недовольство. Матушка могла бы проявить больше такта — ведь это послание жениха невесте. Она пробежала глазами ровные строчки и вздохнула, успокоенная и разочарованная одновременно. Лорд Освальд остался верен своей манере и написал очень короткое письмо без любовных излияний. Бранвен положила его на стол и занялась инструментом. Едва касаясь кончиками пальцев лакированного дерева и струн, она обошла арфу несколько раз, любуясь ее лебединым изгибом и изяществом.

— Мы оставим тебя, наслаждайся подарком, — миледи графиня ласково ущипнув Бранвен за подбородок. — А вечером обязательно придем с девочками послушать твою игру.

— Она чудесна, верно? — воскликнула Бранвен, когда леди Дерборгиль изволила оставить дочь одну. Или думала, что оставляет одну.

Эфриэл проверил струны и кивнул:

— Хорошее звучание.

Он подошел к столу и взял письмо. Письмо интересовало его больше, чем сам подарок.

— Это написано не тебе! — вскинулась Бранвен. — Немедленно отдай!

Но выхватить письмо у сида не получилось. Он отдернул руку и подняв письмо над головой прочел от начала до конца, легонько придерживая Бранвен за плечо, чтобы не мешала.

— Дурацкое письмо, — сказал он с усмешкой. — Забирай.

— Низкий поступок! — возмутилась Бранвен, получив назад женихово послание и пряча его в ящик стола.

— Что же ты не попеняла об этом мамочке? Уверен, твое письмо уже прочитали все в замке. Все, кто умеет читать.

— Неправда! Матушка никому не отдала бы его.

— Угу, — сид смотрел на нее почти с жалостью.

Чтобы не видеть этого взгляда, Бранвен подтащила скамеечку и уселась за арфу. Ей не терпелось опробовать инструмент. Любая благородная девица должна уметь играть на лютне и на арфе. Бранвен умела и то, и другое, но больше любила арфу. Она положила пальцы на струны, мысленно задала счет и начала старинную песню «Сны Мойры Вентур». Деревенская девушка уснула под боярышником и попала в царство волшебников, пляшущих под луной диковинные танцы. Проснувшись, она так тосковала по тому миру, что захла и умерла. Печальная, красивая баллада. Закончив играть, Бранвен посмотрела на Эфриэла, ожидая похвалы. Но сид ее игрой не впечатлился.

— Так у нас играет последняя кухарка, — сказал он, не щадя самолюбия Бранвен.

— А ты играешь лучше? — спросила Бранвен, хмуря брови.

— Да уж всяко лучше тебя, маленькая гусыня.

Она указала на арфу, поднимаясь со скамьи. Что бы сейчас не исполнил этот противный призрак, она не похвалит его ни полсловом. Вряд ли он сможет отличиться чем-то, кроме хвастовства.

Сид лениво подошел к арфе, с противным хрустом размял пальцы (Бранвен только поморщилась от такой невоспитанности), потом долго крутил колки, настраивая инструмент, и наконец устроился на скамейку, поставив арфу между колен. Подумал, взял с подлокотника кресла головной платок, отороченный кружевами, и положил пониже живота.

— Чтобы не холодило, — пояснил он Бранвен, которая онемела от такой наглости. —

Это у вас, женщин, там всегда горячо.

— Потом выкини платок. Я его никогда не надену.

Эфриэл только пожал плечами, а Бранвен увидела, что арфа и он встретились, как давние друзья. Плечи их соединились, и струны, казалось, сами задрожали от нетерпения, едва музыкант поднес к ним пальцы. Бранвен ощутила что-то сродни уколу ревности — пожалуй, и ее Эфриэл никогда не обнимал с такой страстью, как сейчас арфу. А потом он начал играть, и окружающий мир перестал существовать. Вернее, его существования стало неважным. Каскад серебристых звуков заполнил комнату и вышел за ее пределы, достигнув дальних Мерсий, о которых Бранвен читала в книгах. Дыхание ее занялось, и в груди стало тесно от нахлынувшего томления и светлой печали, которая охватывает всякого, кто соприкасается с прекрасным.

Эфриэл же словно забыл о ней. Бранвен глядела на его смуглое лицо, полузакрытые глаза и понимала, что он захвачен игрой еще больше, чем она. Она любовалась им так же, как наслаждалась мелодией. Руки его летали по струнам, подобно птицам. Бранвен уже знала, какими ласковыми они могут быть. И требовательными. И сильными. Но такими — воздушными и волшебными — она их еще не видела и не чувствовала.

Странное дело — она смотрела на играющего сида, но одновременно видела реку, бегущую через зеленые заросли ивовых деревьев и ракии Солнечные блики играют на воде, и лососи жадно бросаются на них, принимая за добычу. Время растворилось, Роренброк и его обитатели исчезли.

Музыка закончилась, и Бранвен будто пробудилась ото сна. Эфриэл еще не убрал рук со струн, и щека его была прижата к раме арфы. Глаза сида блеснули от набежавших слез, и он поспешил это скрыть. Поднялся и стал бродить по комнате, весело насвистывая какую-то песню.

— Это волшебное... — сказала Бранвен и замолчала, потому что не могла подобрать слов для неземной музыки.

— Арфа — душа моего народа, — сказал Эфриэл.

На пороге бесшумно возникла Киарана.

— Как удивительно прекрасно ты сейчас играла, сестра, — сказала она. — Ты одна? Почему ты плачешь?

— Слишком разволновалась и обрадовалась, только и всего, — успокоила ее Бранвен, стараясь выглядеть непринужденно, хотя внутри все оборвалось от страха. А если бы Киарана вошла в комнату чуть раньше? Никто не поверит, что лорд Освальд подарил невесте самоиграющую арфу.

Киарана немного поболтала с сестрой, постояла у окна и видя, что Бранвен тяготится ее компанией, удалилась.

Эфриэл во время разговора сестер лежал на лавке с отсутствующим видом, и это было странно и не похоже на него. Бранвен решила, что музыка напомнила ему о доме, и он затосковал по родным и близким. Совесть тут же запустила коготки в ее нежное сердце.

— Партию в шатрандж? — решила развлечь она сида любимой игрой.

Но он отказался, и Бранвен поняла, что дело совсем плохо. По себе она знала, что тоска менее мучительна, если отвлечься разговором. Вот и теперь девушка пристроилась на скамеечке у лавки, взяла пальцы и начала разговор о прошлом, свидетелем которому был Эфриэл, если верить его рассказам. Тем более что эта тема интересовала ее необычайно.

— Ты, наверное, знаешь очень много, — спросила она. — Ты говоришь, что был в

нашем мире еще до того, как появилась Эстландия...

Взгляд сиды обратился к западу, где солнце уже касалось краем макушек деревьев.

— Да, — задумчиво, словно припоминая, отозвался Эфриэл. — Я бывал здесь задолго до Эстландии, и задолго до племени Кожаных Мешков, и даже задолго до того, как твои предки прибыли из Аллемады. Правда, тогда она носила другое название.

— Роренброки пришли из Аллемады! Невероятно! Ты говорил, что мое имя означает... ты помнишь, наверное? На каком это языке?

— Ты не знаешь этого языка.

— Но ты-то знаешь? Какой народ говорил на нем?

— Они называли себя деметы, — Эфриэл, всегда вспоминая дела минувшие с удовольствием, вдруг заговорил, словно мучился зубной болью.

Бранвен поняла его нежелание, но остановиться уже не могла:

— Они не нравились тебе, поэтому ты не хочешь о них рассказывать? Наверное, это было дикое племя. Дикое, необразованное и развратное. Иначе как бы они могли выдумать подобное имя? Представляю, что за женщины могли называться... Благостным... — она смущенно замолчала.

— Верно, деметы были не слишком-то образованы, — сказал Эфриэл, — но в остальном ты ошибаешься. А та, которую много столетий назад звали Бранвен — она была самой красивой женщиной на земле. Ты — точно не чета ей, тощая гусыня.

Бранвен насупилась, собираясь обидеться, но передумала и снова начала приставать к сиду.

— Расскажи о ней, Эфриэл? Она тоже вызвала тебя заклинанием?

— Только так я и появляюсь в вашем мире, — заметил он.

— Она была колдуньей, эта женщина Бранвен?

— Нет, она была королевской дочерью и замужем за королем. Это был брак в залог мира, и муж не любил ее. Она вызывала меня каждую ночь, а ее муж пытался поймать любовника, чтобы обвинить жену в неверности. Иногда он врывался в ее спальню, никого не находил и бранился. Ты же знаешь, что меня видит только та, которая читает заклинание. Он бранился, а Бранвен смеялась. А потом она перестала меня вызывать. Мне хотелось бы думать, что брат приехал за ней и забрал ее домой. Она мечтала об этом. Или, может, она завела настоящего любовника, который оказался лучше меня. Или просто я ей надоел. Когда я попал в ваш мир в следующий раз, то пытался узнать, что произошло с королевой Бранвен, но никто и не слышал о такой. Она была, она исчезла, и не осталось ничего, кроме моей памяти. Это издержки вечной жизни — проходит не одна сотня лет, пока понимаешь, что ни к чему нельзя привязываться, потому что все приходит и уходит, а ты остаешься, как скалы Северного моря.

Бранвен смотрела на него с состраданием. Эфриэл заметил ее взгляд и фыркнул:

— Эй, только не смей жалеть меня, маленькая гусыня! Моя жизнь в сто, в тысячу раз лучше и интересней твоей!

— Да, конечно, — согласилась Бранвен. — Но это так печально — хранить память о призраках.

— У каждого из нас свои призраки. Просто у некоторых их больше.

Вечер они провели вместе и поужинали при свечах в комнате Бранвен, неспешно разговаривая о том и сем, не тревожа себя воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем. Приходили дамы Роренброк, и Бранвен сыграла им на новой арфе две или три

песенки, после чего отговорила усталостью, пожелав остаться одна.

После того, как Бранвен заснула, Эфриэл долго сидел у окна, сняв ставень — благо, ночь была не по-осеннему теплая. Он смотрел в звездное небо, вдыхал полной грудью терпкий воздух — холодный, словно поток ледяного грюйта.[1] Здесь все было иначе, не так как в Тир-нан-Бео. Раньше Эфриэла не слишком занимали красоты потерянного мира. Попав сюда, он спешил вернуться, и женщины, призывающие его для определенных целей, с готовностью предоставляли такую возможность. Но благодаря барышне Роренброк он застрял в человеческом мире надолго. Ему приходилось встречать смертных, которых даже краткое пребывание в Тир-нан-Бео меняло до неузнаваемости. Не внешне — внутри. Но он никогда не слышал, чтобы сиды, посетив срединную землю, менялись, подобно непостоянным смертным. А ведь именно это сейчас с ним и происходило.

Эфриэл пытался и не мог разобраться в своих чувствах. Он и ненавидел барышню Роренброк, и восхищался ею. Ненавидел за непонятное упрямство и верность принципам, из-за которых она так яростно оберегала свое тело. А восхищался... да, восхищался тоже из-за этого. В его мире не слишком помнили о чести. Дети древних богов, племя сидов наслаждалось плотскими утехами наравне со вкусной едой, горячительным питьем и бешеными скачками на колесницах. Сиды женились и выходили замуж бесчисленное количество раз, руководствуясь лишь собственным желанием, и не считали это зазорным.

Как отличалась от них Бранвен. Она была совсем другая.

От нее веяло чистотой и свежестью, как вот от этого ночного воздуха, как от родника, спрятанного в чаще леса, как от первого снега, который иногда снился Эфриэлу. И еще он не мог забыть, как она рассуждала о поцелуях. Он был уверен, что говорила она о его поцелуях, и никакой лорд Освальд тут ни при чем. В его мире, славящемся искусными бардами, никто и никогда не говорил о поцелуях так поэтично.

Для самого Эфриэла поцелуи никогда не являлись чем-то важным. Обыкновенная закуска перед основным блюдом, путь к телу женщины. Он срывал с их губ эти смешные, бесполезные поцелуи (потому, что так было заведено — целовать женщину в знак того, что она нравится и желанна), и спешил перейти к прочему. Ничего возвышенного.

Но каким светом сияло лицо Бранвен, когда она рассказывала о солнечном луче и глотке души. У сидов нет души. Им не понять этого чувства.

И вдруг сердце его заохлодило так же, как воздух остужал горевшее лицо. А вдруг он заблуждался, думая, что целует барышню Роренброк, чтобы разжечь в ней страсть, но на самом деле хотел напиться ее чистоты и свежести? Или ему хотелось утолить жажду ее человеческой душой?

Он взъерошил волосы и помотал головой, усмехаясь. Сид, мечтающий о человеческой душе? Разве бывает что-то глупее? Кому нужна никчемная человеческая душа вкупе с их никчемным, немощным телом?

Эфриэл решительно закрыл окно и улегся на лавке, по привычке разглядывая изголовье кровати Бранвен. Ему была видна белая щека и пряди разметавшихся волос. Служанок отослали, и никто не заплел барышне косы на ночь. Опасное, опасное соседство. Надо избавляться от него как можно скорее. Сейчас он начал тосковать по звездочкам и поцелуям смертных дев, а завтра пойдет в церковь, молить яркий огонь даровать ему человеческую сущность. Но закрыть глаза оказалось труднее, чем прыгнуть со скалы. Подчиняясь неожиданному порыву, Эфриэл поднялся и подошел к кровати, встав у изголовья на колени.

Сначала он считал Бранвен слишком глупой, слишком покорной, слишком безвольной и

податливой — хлебный мякиш, который легко мнется в пальцах и принимает любую форму. Но в этой девице мягкость соединялась с невиданным упорством и выдержкой. Она оберегала свое девство, как драгоценное сокровище. Не поддалась, когда он хотел довести ее до бешенства дерзкими выходками. Смогла сохранить достоинство и даже расположила его к себе разговорами и шатранджем. Она вовсе не глупа, барышня Роренброк. И очень красива, хотя и не считает себя такой.

Стараясь не потревожить сон девушки, Эфриэл осторожно коснулся ее руки с трогательно подогнутым под висок мизинным пальчиком, и вдруг задумался, как он будет жить, когда ее не станет. С кем будет играть в шатрандж, над кем посмеиваться, вгоняя в краску? Кто согреет его сердце? Он совсем запутался. Получается, что Бранвен одновременно и согревала его, и одаривала свежестью и прохладой. Разве такое возможно?

Он припомнил, что нечто подобное испытывал очень давно, в далекой-далекой юности. Тогда каждая новая женщина казалась заманчивой. Влекла таинственной неизведанностью, как новая земля. Но стоило провести с ней ночь, и очарование пропадало. Нет, дело было не в женщинах — красивых, умных, смелых. Просто встреча с ними означала не больше, чем столкновение двух льдин во время ледохода. Льдины сталкивались и расходились в разные стороны, и никогда не бывало, чтобы они срослись в одну.

Укорив себя за минутную слабость, Эфриэл отошел от постели, улегся и отвернулся к стене. Все это закончится, когда девица Бранвен станет женщиной. Не будет больше ни чистоты, ни прохлады, ни свежести первого снега. И не будет больше глупых размышлений о человеческой душе. А значит, надо распалить эту упрямицу, разбудить страсти, которые дремлют в ней так же, как и в любой женщине, совратить, соблазнить и взять. И сделать это как можно скорее.

Он решил претворить свои планы в действие на следующий же день, но не брать приступом, а сыграть на жалости. Бранвен — мягкосердечная до неприличия, это он уже уяснил. Вот пусть ее мягкосердечие и сослужит ему хорошую службу.

[1] Грюйт — пьянящий напиток из меда, вереска, багульника и полыни.

Бранвен блаженствовала. Во-первых, дерзкий сид смирился. За весь день она не услышала от него ни одной пошлости, ни одного оскорбления. Наоборот, он был вежлив и предупредителен. Во-вторых, когда вечером принесли ванну, он даже соизволил выйти в коридор, предоставив девушке время для купания. Правда, выторговал для себя поблажку — убедил Бранвен отпустить служанок, чтобы после того, как примет ванну она, вымыться самому.

— Но вода будет грязная, — удивилась Бранвен.

— Ничего, видал и грязнее, — ответил Эфриэл. — Исккупаться после такой беленькой гусыни — огромная честь для немытого призрака, вроде королевского вензеля на щит.

— Я не об этом... — Бранвен густо покраснела.

— Ладно, не дрожи коленками. Я прекрасно понимаю, что если ты попросишь второй раз наполнить ванну, это покажется странным. Не хочу создавать тебе трудности.

— Добрый жест с твоей стороны! Не беспокойся, я искупаюсь быстро, вода не успеет остыть, — пообещала Бранвен в порыве благодарности. Подождав, пока Эфриэл удалится, девушка сняла нижнюю рубашку и погрузилась в горячую воду. Какое блаженство — купаться раздетой, а не воевать с намокшей одеждой.

Напевая вполголоса, Бранвен забавлялась тем, что высовывала из воды то одну, то другую ногу и шевелила пальцами. Вдвойне приятно подурачиться, если никто поблизости не язвит по поводу и без повода. Но надо признать, этот призрак может быть милым, когда ведет себя подобающе и не требует лишнего.

Она закрыла глаза всего на несколько мгновений, чтобы ополоснуть лицо, а когда открыла — испуганно вскрикнула, потому что рядом стоял Эфриэл и беззастенчиво ее рассматривал.

— Прости, красотка, но в коридоре мне разонравилось, — сказал сид, усаживаясь на пол возле ванны. Он облокотился о ее край и не сводил с Бранвен черных, насмешливых глаз.

— Почему ты так смотришь? — спросила она, ерзая и не зная, куда спрятаться от его взгляда.

— Жду, когда опять покраснеешь, — ответил дух. — Это восхитительно. Я уже и позабыл, когда в последний раз видел краснеющую женщину. А если прекрасная женщина смущена из-за меня — это не просто восхитительно, это волнует.

— И вовсе не из-за тебя!.. — поспешно сказала Бранвен. — Вода горячая...

Она сразу пожалела о сказанном, потому что Эфриэл сунул руку в ванну.

— Действительно, горячая, — признал он. — Такому лилейному цветочку опасна слишком горячая ванна. Подожди, мы немного остудим...

Он принялся болтать рукой в воде, словно ненароком касаясь бедра девушки.

— Немедленно отойди!.. — взмолилась Бранвен. — Ты ведешь себя неприлично!..

Но дух только рассмеялся и провел пальцами по ее ноге, от колена и выше. Бранвен сжалась в комочек, пытаясь отодвинуться, и молилась, чтобы сид не смог разглядеть ее наготу сквозь толщу воды.

— Да тут полно места! — обрадовался между тем Эфриэл. — Мы отлично поместимся

здесь вдвоем, и сможем перекрикиваться с одного края до другого.

Он перешагнул через борт ванны и уселся напротив девушки, весьма довольный собой.

— Остановись, — сказала Бранвен жалобно, понимая, что просьба запоздала.

— Неужели я опять нарушаю правила? — спросил сид лениво. — Какие же? Ты заперла меня в этом проклятом мире, и даже помыться я не могу? Нельзя держать духа в черном теле, — он посмеялся собственной шутке. — Чего ты боишься? Я же сказал, что не стану тебя неволить.

— Ты говорил, что не побеспокоишь меня, пока я буду купаться. Мы же договорились...

— А я передумал, — он с наслаждением запрокинул голову и положил руки на борта

— Тогда отвернись, я выйду, — велела Бранвен.

— Выходи, я все равно не смотрю — глаза-то закрыты, — равнодушно ответил сид.

Прикрываясь руками, Бранвен поднялась из воды и только хотела перебраться через край, как Эфриэл ловко подбил ее ногой под колени, отчего она шлепнулась обратно в ванну, подняв тучу брызг. Бранвен неминуемо расшиблась бы, но сид подхватил ее и развернул к себе спиной, посмеиваясь.

— Ты опять за свое! Когда ты отступишься? — взмолилась девушка, пытаясь вырваться. Никогда еще она не находилась с мужчиной так близко и откровенно, и это пугало больше, чем волновало. Эфриэл же сбросил маску лени и теперь едва не мурлыкал.

— Поспокойнее, птишка, не трепыхайся столь отчаянно, — сказал он, — ничего страшного ведь не произошло? Я не насадил тебя на вертел и не съел. Только зря испугалась, бедная маленькая девственница. Давай помогу помыться, пока вода совсем не остыла.

Обнимая Бранвен сзади, он скользнул ладонью по ее плечу, погладил локоть, и сжал запястье, поднимая над водой маленькую девичью руку.

— Какие тонкие пальчики, — прошептал он, приблизив губы к уху девушки. — Они как клубничные леденцы — розовые и прозрачные, и сладкие, наверное. Так и хочется отведать их на вкус, — что он тут же и сделал, легко прикусив подушечки пальцев.

Бранвен показалось, что ее пронзила невидимая молния — от кончиков пальцев до пяток. А потом по всему телу разлилась истома, и захотелось закрыть глаза и сдаться на милость искусителя.

— Оставь меня, — пролепетала Бранвен, желая совершенно иного. Голос сида действовал подобно афродизиаку, и хотя она осознавала, что это — магия иного мира, противиться ей было трудно.

— Повинуюсь, моя леди, — легко согласился сид, но руку девушки не выпустил. — Тогда ты меня помой. Умеешь мыть мужчину? Нет? Хочешь, покажу, как это делается?

— Н-нет...

— Не хочешь? А на мой взгляд, только об этом и мечтаешь. Не бойся, это не так страшно и увлекательно, как тебе кажется. Представь, что надо помыть миску из-под свиной похлебки.

— Я никогда не мыла мисок...

— Ах ты! — Эфриэл засмеялся. — Я и позабыл, что девица из Рори... как тебя там?... никогда не марала ручки неблагородной работой. Тогда тем более надо научиться. Будешь тереть спинку своему благородному мужу.

— Послушай... — с обидой начала Бранвен, но сразу замолчала, потому что сид положил ее руку себе на грудь.

— Сначала чуть повернись ко мне, так будет удобней, — заговорил он вкрадчиво, —

Зачерпни воды и поглаживай нежно...

Прижимая ладонь девушки к своему телу, он заставил ее огладить его торс, щурясь при этом от удовольствия.

— Лапки бархатные, как у котенка. Они теплые, но жгут, словно яркое пламя, которому ты поклоняешься. И такая бархатная красавица морочит мне голову разговорами о девичьей чести! Насмешка богов, да и только!

Странная игра увлекла и Бранвен. Кожа сиды была необыкновенно плотная и гладкая, как камень. Под пальцами девушки мускулы на груди мужчины заиграли, а когда Бранвен коснулась его сосков, те затвердели от ее прикосновения. Она вскинула глаза на сиды и встретила его взгляд — он смотрел из-под полуприкрытых век, обнажив в улыбке белоснежные зубы.

— Занятно, не находишь? — спросил он, растягивая слова. — Как ты действуешь на меня, маленькая стыдливая девственница. Только погладила, а я уже готов... Эй! Опять краснеешь?

Бранвен попыталась убрать руку, но он ей этого не позволил. Засмеялся, поцеловал в ладонь, и зачерпнул пригоршню мыльного корня.

— Нет, раз взялась — доведи дело до конца. Намыливай так же нежно, как ласкала до этого.

— Я не ласкала!.. — воспротивилась Бранвен.

— Ну-ну, не надо криков, — мягко пожурил он ее. — Скажем, ты меня небрежно поглаживала.

Бранвен задыхнулась от возмущения, но тут он опустил ее руку себе на живот и стал водить медленными круговыми движениями.

— Приятная пытка, клянусь журавлями Рианнон, — почти простонал он, — продолжай, милая, продолжай... Я начинаю завидовать твоему мужу...

Даже живот его был защищен твердыми пластами мышц. Бранвен осторожно касалась их, поражаясь, насколько мужское тело отличается от женского. Почему-то упоминание о будущем муже уязвило ее пчелиным жалом, но она постаралась не думать о лорде Освальде. Все это будет когда-нибудь потом. А сейчас пусть не существует ничего, кроме вот этой спальни, этой горячей ванны и обнаженного мужчины с телом языческого бога.

— Ты так дыру на мне протрешь, — притворно-ворчливо сказал Эфриэл и передвинул руку Бранвен еще ниже.

Девушка ахнула и дернулась, порываясь обратиться в бегство, когда пальцы коснулись горячей твердой плоти, но сид удержал ее руку.

— Куда же ты? — спросил он тихо и хрипло. — Теперь начинается самое интересное.

— Не заставляй меня этого делать, прошу!.. — на глаза Бранвен навернулись слезы, а сама она так и затрепетала. — Умоляю, не надо!

Он сразу же выпустил ее руку, выругавшись в сердцах. Бранвен заткнула уши и зажмурилась. Движение воды подсказало ей, что сид вышел из ванны. Выждав немного, девушка осмелилась приоткрыть один глаз, потом другой. Эфриэл вытирался ее простыней, стоя возле камина. Стройная фигура на фоне пламени резкостью очертаний напоминала мраморную статую.

— Мы ведь договорились... — произнесла Бранвен, вытирая слезы. — Ты не должен был...

— Я не должен был забывать, что леди благородных кровей считает прикосновение ко

мне грязным, — грубо ответил Эфриэл. — Помню, как ты вытирала ладони об одеяло. Правильно, кто я такой? Захудалый дух из потустороннего мира! Что ж, простите, я посмел замарать вашу чистоту и непорочность невинным прикосновением!

— Так уж и невинным... — пробормотала Бранвен, но сид не расслышал.

Растерев спину, он бросил простынь рядом с ванной, и улегся на лавку, отвернувшись к стене.

Бранвен схватила простынь, влажную после его тела, и поспешно завернулась в нее. Она ждала, что Эфриэл начнет сыпать язвительными шуточками, но он молчал. И это молчание было для Бранвен, как нож по сердцу. Напрасно она убеждала себя, что ни в чем не провинилась. Пусть развратный и невоспитанный дух обижается и молчит, сколько ему вздумается. Это ей следует обижаться из-за того, что он разрушил своим появлением ее размеренную жизнь. Принес и бурю, и ветер, и бушующее пламя. Но молчание оказалось нестерпимым, и Бранвен не выдержала.

— Не сердись, — сказала она робко. — Я не считаю тебя ни грязным, ни...

— Я понял, кем вы меня считаете, миледи. Не утруждайтесь извинениями.

Промучившись минуту или две, Бранвен снова заговорила:

— Не сердись, мне больно, что ты злишься.

— Больно? — сид приподнял голову. — Ты даже значения этого слова не знаешь. Вот мне — больно. Я бы сейчас оттарабанил хоть козу, хоть курицу, а так приходится терпеть вас, леди чистых кровей, и подыхать от неутоленного желания.

Бранвен на минуту потеряла дар речи — в такой ужас повергли ее рассуждения о курице и козе, а Эфриэл снова отвернулся, всем своим видом показывая, что не желает общения.

Сев на краешек кресла, Бранвен сложила руки на коленях, как послушная девочка в церкви во время проповеди. Сердце ее до сих пор замирало, а на кончике языка уже вертелись десятки вопросов, ответы на которые она желала получить, но боялась об этом даже заговаривать.

— Это в самом деле так... неприятно? — не вытерпев спросила она и открыла шкатулку с драгоценностями, подарок лорда Освальда. Созерцание драгоценностей всегда увлекало ее, вот и теперь девушка надеялась, что разноцветные камешки, кольца и броши успокоят душу и направят мысли в другое русло. — Я не желаю страданий никому...

— Сделай милость, отстань! — раздалось в ответ. — Что тебе до моих страданий?

Совет был разумен, и ему следовало бы внять, обратив внимание на содержимое шкатулки. Но оказалось, что тайны мужского тела интереснее драгоценностей.

— Я видела, как случают корову и быка, — сказала девушка. — Бык ревел и прыгал, его не могли удержать вчетвером, а корова стояла спокойно. Бык вырвался и поволок пастухов, и не остановился, даже когда его приперли кольями. Он поранился, но не замечал этого, все рвался к корове. Значит ли, что все мужские твари так озабочены... что забывают в подобные моменты даже о страхе смерти, а не то что о благоразумии?

Эфриэла взвился, как от укола штопальной иглы.

— Зачем спрашиваешь? — он вскочил и приблизился к Бранвен, едва не упираясь ей в лицо напряженным членом. Она вжалась в спинку кресла, и старалась не смотреть на сида, но получалось плохо.

Эфриэл не заметил ее смятения:

— Для тебя это развлечение, не так ли? При помощи колдовства притащила мальчика для битья и забавляешься. Подумаешь, какой-то призрак! У него же нет ни желаний, ни

гордости — потерпит, если ее милости угодно. Он ведь привык терпеть, ублажая старух и уродин, так что переживет. Еще и будет счастлив, что терпит рядом и во имя благородной дамы. Верно, дорогуша?

Бранвен была обескуражена его яростью, а больше всего — столь близким соседством с кое-какой частью его тела. Она попыталась подняться, но Эфриэл встал над ней, схватившись за ручки кресла.

— Послушай меня, маленькая госпожа, — угрожающе сказал он, — не надо издеваться надо мной. Тебе же станет дороже.

— О чем ты? — Бранвен прилагала все усилия, чтобы закрыть глаза, но они никак не закрывались и смотрели на то, на что смотреть не полагалось. — За что упреки... Я не могу принадлежать никакому другому мужчине, кроме лорда Освальда... И я не хочу тебя мучить... Напротив, хотела бы помочь, но боюсь... И понятия не имею — как...

Последние слова она прошептала еле слышно, и сиду пришлось наклониться, чтобы разобрать, что она говорит. Губы его искривились в усмешке.

— Помочь? Это еще одна твоя игра? Довести мужчину до иступления, а потом завопить: отпусти меня, отпусти?

— Нет-нет! — захлопала ресницами Бранвен. — Но неужели для этого тебе обязательно надо меня... оттарабанивать? Разве нет другого способа... — она замолчала, испугавшись излишней откровенности.

Эфриэл молчал довольно долго. Ему было и смешно и стыдно — услышать подобное из девичьих уст... Раньше он никогда не испытывал стыда. Грубость в речах, которую позволяли себе его женщины, иногда возбуждала, чаще всего отталкивала, но у этой все получалось иначе. Юная леди Бранвен обладала талантом быть ни на кого не похожей. И хотя она сказала именно то, чего он ждал, радости от этого не возникло. Впервые Эфриэл задумался, что будет с женщиной, которую он оставит в этом мире. Как она объяснит жениху потерянную девственность? Наверное, изойдет слезами, проклиная соблазнителя. Или прыгнет с башни, чтобы не опозорить семью. Ведь и вправду, она почти не виновата — прочитала по глупости заклинание и не знает, как избавиться от надоедливой духа без ущерба для собственной чести. Сколько гадостей он наговорил ей, сколько раз ставил в неловкое положение, а она предлагает утишить его боль. Наивная девочка...

Молчание затянулось очень уж надолго, и Эфриэл поспешил прогнать ненужные мысли и приглушить голос совести, заговорившей совсем некстати. Какое ему дело, что будет с высокомерной леди Бранвен? Девицы обязаны иметь на плечах голову, а не тыкву для улыбок и глупостей. Если девица хочет быть соблазненной, то отдастся и больному проказой, прочитай он пару стихов и испусти пару томных вздохов.

— Другой способ? — произнес он медленно, не сводя с девушки взгляда. Она сидела вся розовая, как снег на рассвете, завернутая в одну тонкую простыню, с небрежно собранными на макушке волосами. Пушистые пряди спадали на высокий лоб и хрупкие плечи. Она очень красива, эта маленькая смертная. Красива, но ничего не знает о своей красоте. И ничего не знает о мужской любви.

— Я согласна облегчить боль... — прошептала Бранвен, смутившись до слез. — Только оставь меня девушкой...

Эфриэл хмыкнул и потер подбородок, показывая, что сомневается:

— Хорошо. Вынужден воспользоваться твоей добротой, и обещаю, что не заберу драгоценную девственность драгоценной леди. Пока ты сама этого не захочешь. Ложись в

постель.

Он отступил, давая ей путь, и Бранвен, семена, как мышка, добежала до постели и упала на нее ничком. Эфриэл едва сдержал улыбку.

— Не так, — велел он. — На спину. И убери простынь. Я хочу посмотреть на тебя.

Она жалобно всхлипнула, но подчинилась: перевернулась на спину, стащила с себя простынь, путаясь в ней и отчаянно дрожа. Потом вытянулась поверх покрывала, прикрыв лицо сгибом локтя. Но и так было видно, что щеки ее пылали.

— Не бойся, маленькая стыдливая девочка, — сказал Эфриэл, подходя к кровати. — Я не причиню зла. Тебе ведь известно — я здесь для того, чтобы выполнять твои желания...

Она так и затрепетала от звука его голоса, но лица не открыла. Эфриэл сел на край кровати и провел кончиками пальцев по ноге девушки от щиколотки до бедра, потом по животу и прочертил невидимую линию между девичьих маленьких грудей, до впадинки на шее.

— Посмотри на меня, — попросил он. — Согрей мое сердце...

Бранвен медленно открыла лицо и уставилась на сиду, как завороченная. Эфриэл наклонился и запечатлел целомудренный поцелуй на ее челе, потом едва коснулся губами упругих щечек, потом — губ. Прикосновения его были невесомы, легки, как перышко, но всякий раз Бранвен с присвистом втягивала воздух и вздрагивала.

Глаза ее потемнели, и Эфриэл подумал, что никогда прежде ему не доводилось видеть таких пленительных глаз. Хотя видел много и разных — они бывали и ярче, и больше, случалось, что и цветом походили на драгоценным камням. Но оказывается, что пленяет не только красота.

Он лег рядом, опираясь на локоть и не спеша припасть к девушке, столь доверчиво раскрывшейся перед ним.

— Ты очень красива, Бранвен из Роренброка, — совершенно случайно он правильно назвал фамилию ее рода и остался этим втайне недоволен. — Ты дивно сложена, и такого нежного лица я не видел за всю свою жизнь. А ведь я очень долго жил на свете, и на этом, и на том. В моем мире женщины не стесняются наготы и не прячут красоту под тряпками. Но теперь я понимаю, что такое сокровище надо беречь, как самый дорогой клад. Будь ты моей, я бы спрятал тебя и наслаждался тобой один, не делясь ни с кем.

Бранвен ловила каждое его слово, пьянея, как от вина.

— Говори еще... — попросила она.

— Сначала один поцелуй, — Эфриэл поцеловал девушку, действуя уже смелее. Губы ее дрогнули под напором его губ, но горячая ладонь тут же уперлась ему в грудь.

«Не так быстро, — скомандовал Эфриэл сам себе. — Юные девственницы — добыча осторожная и пугливая, вроде молодых ланей. Сделаешь лишнее движение — и она умчится, и хвоста понюхать не даст. Но если подкрасться незаметно, то получится ухватить ее за рожки».

— Неужели ты до сих пор боишься, моя красавица? А ведь это мне должно быть страшно. Потому что ты грозна в величии своей красоты, как войско рыцарей, закованных в латы, под алыми штандартами с драконом. Посмотришь — и сердце затрепещет. Так затрепетало и мое сердце при твоём появлении, и я оказался в плену, сам того не желая. В плену этих лучистых очей, этих пламенных уст... — он подкреплял свои речи ласками, которые считал почти невинными, но которые повергали леди Бранвен в состояние, близкое к экстазу.

Сама того не замечая, она начала извиваться всем своим гибким телом, ловя его руку, а взгляд стал безумным. Эфриэл не раз и не два наблюдал похожий взгляд — еще немного и девица ошалеет настолько, что начнет умолять о близости.

— Ты словно агница, выходящая из молочной купальни, — продолжал нашептывать он. — Кожа твоя мягка и бела, как руно, политое молоком. А эти груди — они так высоки, так горды сознанием собственной красоты, — Эфриэл положил ладонь на один из белых холмиков и принялся поглаживать его. — Твои груди — как яблоки на вершине дерева. Они округлы и ароматны, и ласкают взор, но дотянется до них только отважный. И стан твой — как ствол молодой яблони — тонок и крепок. Хотел бы я быть тем, кто заберется по стволу и возьмется за яблоки, чтобы ими насладиться...

Бранвен не понимала, что волновало ее больше — слова ли, льющиеся, как медовая река, и воспламеняющие душу, или прикосновения, которые распаляли тело. Насколько глупа она была, рассказывая подругам, что поцелуй похож на солнечный луч! Нет, он гораздо жарче — как тысяча солнц или тысяча костров, пылающих одновременно. Такие чувства были внове для нее, но в то же время ей казалось, что когда-то она видела это во сне, и теперь тот полузабытый сладкий сон обрел реальность.

— Что со мной? — прошептала она, сумеречно опуская ресницы и подставляя шею и грудь поцелуям сIDA. — Я умираю? Неужели смерть так хороша?

— Ты не умираешь, возлюбленная моя, — Эфриэл ласкал ее со все возрастающим пылом. Давно он не испытывал такого возбуждения, и желание припасть поскорее к юному телу становилось нестерпимым. — Ты не умираешь, это не смерть, а любовь. Ты сразила меня одним лишь взглядом, одним лишь звуком речей своих, и запечатала мне сердце, как печатью, — он лег сверху и коленом раздвинул ноги девушки. Еще немного и цель достигнута...

Волшебство пропало в один миг, и Бранвен, не помня себя от гнева и разочарования, влепила духу пощечину.

— Опять?! — взревел он, спрыгивая на пол с проворством и скоростью лесного кота. — Третья пощечина, это слишком, юная леди!

— Обманщик! — негодовала Бранвен, подбирая простынь и заворачиваясь в нее. — Ты обещал... А сам!..

— В чем я обманул тебя, несчастная?!

— В том... в том... — Бранвен от возмущения не могла выговорить ни слова. — Не надо лгать про любовь! Это Кохелет! Седьмая книга Ктувима, о сошествии небесного пламени! «Запечатай мне сердце, как печатью, положи на руку, как перстень; любовь крепка, как смерть, и сильна, как сильное пламя». Считаешь меня наивной дурочкой? Ты просто хочешь исчезнуть, а до меня тебе нет никакого дела. Даже не потрудился придумать что-то свое, воспользовался чужой мудростью! Развратный, бесстыдный...

— Зато себя ты считаешь наисвященной и непорочной? Сейчас в тебе было не больше достоинства, чем у суки во время течки, — Эфриэл тут же пожалел о сказанном — это чересчур жестоко для маленькой леди, но остановиться не смог. — Ты хотела этого, но трусливо отказываешься от счастья.

— По-твоему, говорить так — достойно мужчины? — Бранвен наклонила голову, глядя исподлобья. — У нас с тобой разное понимание счастья. Я была глупа, пожалев тебя. Не думай, что мне так приятны твои прикосновения.

— А теперь лжешь ты, — сказал Эфриэл. — Ты умираешь от наслаждения в моих

объятиях, и мечтаешь о моих поцелуях. Это обо мне ты говорила подругам, что оттолкнешь и будешь жалеть до смерти.

— Ты подслушивал! — от обиды и унижения Бранвен чуть не расплакалась.

— Не лги хотя бы себе, — грубо сказал сид. — К чему страдать, когда я — вот он, рядом. Готов услужить тебе и утолить твою жажду, — и он попытался обнять ее, потянувшись к губам девушки с нетерпением пятнадцатилетнего юнца.

Но Бранвен вывернулась из его рук. Сейчас она была хороша, как никогда прежде, и сид против воли залюбовался человеческой девушкой. Она словно светилась изнутри, пылала, почище ее обожаемого яркого пламени. Ни в одной женщине он не видел такого огня. Что же есть в этих смертных, чего не хватает женщинам его мира?

— Да! — сказала Бранвен со страстью, которую он наблюдал в ней впервые. — Да, ты заставляешь мое тело трепетать, ты смутил мое сердце. Но кроме тела и сердца у меня есть еще душа и разум, и они говорят, что глупо губить себя навечно ради минутного наслаждения.

— Навечно — очень длинное слово. Даже я не рискнул бы произносить его с такой уверенностью.

— А я рискну!

— Лучше бы ты рискнула принять мою любовь.

— Не лги самому себе! — ответила Бранвен его же словами. — Какая любовь? Если бы твои чувства были правдой, ты предпочел бы вечно скитаться по земле одиноким призраком, а не прилагал усилия, чтобы сломать мне жизнь.

— На моем месте ты поступила бы именно так? — не выдержал Эфриэл. — Слышал такие сказки!

— Если бы я полюбила мужчину, то посчитала за счастье избавить его от бед даже ценой собственной жизни. Это достойно, и так велит яркий огонь.

— Опять этот яркий огонь! Будь он проклят со своими бредовыми заветами! — сид схватил со стола кусок пергамента с незаконченным рисунком, скомкал его и швырнул в лампадку. Не попал, и разозлился еще сильнее.

— Не смей! — встала перед ним Бранвен, готовая защищать святыню любым способом, если придется. — Оскорблять чужую веру низко. Веди себя, как подобает.

— Из всей твоей напыщенной болтовни я понял одно, — процедил сквозь зубы Эфриэл. — Ты несколько не любишь своего жениха. И твоя болтовня о прекрасном лорде Освальде — ради успокоения совести. Или тоже примешься спорить?

— Нет, не примусь, — Бранвен вмиг остыла, со щек сбегал румянец, и она обхватила себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно. — Ты прав, я не люблю лорда Освальда. Было бы странным, если бы я полюбила человека, которого видела однажды. Но любовь — она не приходит сразу. Поэтому я верю, что смогу полюбить его со временем, когда лучше узнаю. Он — достойный человек, а значит, и любовь придет вслед за уважением.

— То, о чем ты толкуешь — это привычка, — сид смотрел на нее с жалостью. — Любовь — нечто иное, глупая девочка. Нахлынет, как волна, и тут же отступит, оставляя каменистое дно. Поверь, твоя хваленая любовь исчезает через месяц-два, как дым.

— Значит, это была не она, — упрямо прошептала Бранвен.

— Ты безнадежна, — махнул рукой Эфриэл. — А я навсегда застрял в этой проклятой дыре. Думаю, папаша будет плясать от радости, когда узнает, чем обернулось его желание меня проучить. Поступай, как пожелаешь, маленькая женщина. Наверное, тебе тоже

доставит удовольствие мое вечное скитание в вашем мире.

— Не говори так, — Бранвен кусала губы. — Я не настолько жестокосердна, чтобы радоваться этому.

— Но и не настолько добросердечна, чтобы избавить меня от мук.

— Приедет Айфа...

— Что-то она не торопиться, твоя сестричка. А если она вообще не появится? Или у нее не получится вернуть меня обыкновенным заклинанием? Что тогда?

Бранвен посмотрела на лампадку, прося помощи и совета у яркого пламени, но ответа не получила. Огненный язычок горел по-прежнему и не дрогнул под ее взглядом, и не озарил откровением. Девушка сжала пальцами виски, чтобы не сойти с ума.

— Послушай... — она набрала воздуха в грудь, и произнесла, обдумывая каждую фразу: — Если Айфа не появится до свадьбы, и от нее не будет никаких вестей, то после первой брачной ночи я подарю ночь тебе. И ты сможешь вернуться домой. Это слово Бранвен Роренброк, а в нашей семье никогда не нарушают обещаний, — она смело посмотрела на сида.

Тот долго молчал, и Бранвен показалось, что он вдруг затосковал, хотя непонятно — с чего бы ему тосковать? Он только и мечтал, как бы затащить ее в постель и вернуться в свой мир. Наверное, огорчен, что придется ждать еще сколько-то.

— Благодарю за доброту, — сказал Эфриэл.

— Это меньшее, что я могу сделать для тебя, — ответила девушка. — Мы оба погорячились сегодня, совершили немало глупостей, и наговорили тоже немало. Давай позабудем обо всем и постараемся остаться людьми, а не превращаться в диких животных. И прости меня за пощечину.

Подчиняясь неожиданному порыву, она погладила его по щеке, которая еще алела от удара. В этом жесте не было ничего зазывного и соблазнительного. Так младшая сестренка могла бы погладить старшего брата, случись ему взгрустнуться.

Эфриэл отшатнулся, и Бранвен испугалась, что ему неприятно ее жалостливое прикосновение.

— Ты и вправду странная, Бранвен из Роренброка, — сказал он.

Это последнее, что было сказано в тот вечер. Бранвен потушила свечи и нырнула под одеяло, стараясь лишний раз не переворачиваться с боку на бок, чтобы не потревожить сида и не сподвигнуть его на новые любовные атаки. Потому что, как написано в книге священного огня: кто соблазняется, тот проклят, но трижды проклят тот, кто приносит соблазн в мир.

Утро началось с переполоха — лорд Освальд приехал, не оповестив о прибытии. Голубь с письмом затерялся, и жених объявился неожиданно-негаданно. Бранвен проснулась от громкого стука в двери и вскочила, ничего не понимая со сна.

— Миледи! Миледи! — истошно вопила Матильда. — Открывайте!

Отодвинув засов, Бранвен выбежала в коридор.

— Что случилось? — спросила она заплетающимся языком. — На нас напали?

— Милорд Освальд приехал!

Матильда затолкнула госпожу обратно в спальню, а четыре девицы уже вносили кувшины с горячей водой и огромный серебряный таз для мытья. Невзирая на протесты, служанки тут же раздели Бранвен, закололи ей волосы шпильками, усадили в таз и принялись нещадно тереть мочалками.

Эфриэл, разбуженный переполохом, вдоволь поупражнялся в остроумии, но Бранвен некогда было сделать ему замечание или бросить хотя бы один строгий взгляд. Ее облачили в выходное платье — бледно-желтое, с вышивкой серебряной нитью по вороту и рукавам, и долго расчесывали волосы и натирали их шелковой тряпочкой для блеска.

Ради приезда долгожданного гостя леди Дерборгиль отправила к Бранвен Алейну, и та полчаса колдовала над прической невесты, хитро заплетая пряди и украшая их цветами бессмертника. Получилось замысловато и красиво, хотя девушка старалась избегать резких движений, боясь испортить это поистине ювелирное творение.

— Вы очень хороши, миледи! — порадовалась Матильда. — Когда сядут за стол, я вас позову, будьте наготове. И платочек не забудьте захватить! Леди Дебора говорила, что в столице все просвещенные дамы ходят с платочками. Милорд сразу поймет, что вы не какая-нибудь деревенщина.

— Так все дело в платочке? Вот, значит, как можно отличить просвещенную даму от дуры! — потешался Эфриэл.

Алейне надо было еще заняться нарядом графини, и она ушла, собрав в сундучок черепаховые гребни, щипчики и металлические пруты — все те таинственные предметы, призванные сделать женщину более миловидной, нежели ее создала природа. Матильда стояла на страже — на лестнице между вторым и первым этажом, ожидая начала трапезы, чтобы подать знак Бранвен, служанки тоже удалились, и невеста осталась одна, если не считать зловещего духа. Изнывая от ожидания, Бранвен ходила по комнате, боясь сесть, чтобы не помять платье, и поглядывая в зеркало, проверяя, не растрепалась ли прическа.

— Где тот рыцарь, что похитил твое спокойствие, благородная дама? — паясничая пропел Эфриэл, подражая старинным любовным балладам.

— Ты ведешь себя глупо, — заметила девушка, подходя к окну и выглядывая во внутренний двор. Она сразу же отпрянула, и глаза ее стали огромными. Эфриэл тоже выглянул, чтобы увидеть, что так взволновало леди Бранвен.

Во дворе появился всадник на великолепном гнедом жеребце. Алый плащ спускался до самых конских бабок, а плюмаж на посеребренном шлеме мог поспорить белизной со снегом на вершине горы Корран-Туату. Когда всадник повернул голову, перья так и брызнули солнечными зайчиками — они сплошь были унизаны крохотными бриллиантами.

На нем был литой нагрудник, сверкавший так, что смотреть было больно, и шелковые одежды с воланами кружев на воротнике и манжетах.

— Это лорд Освальд, — произнесла Бранвен, заикаясь от волнения.

Чтобы не быть замеченной со двора, она спряталась за ставень и смотрела сквозь деревянную решетку. Эфриэлу не нужны были такие предосторожности, и он попросту облокотился на подоконник, разглядывая прибывшего жениха.

Лорд Освальд и не подозревал, что оказался объектом внимания. Он снял шлем, передал его груму, и спокойно отдавал распоряжения относительно коня и слуг.

— Он ест только отборный ячмень, — донеслось до слуха Бранвен и Эфриэла. — Еще отсыпьте полмешка изюма, мы привезли его с собой. Я опасался, что в Роренброке не отыщется подобного лакомства, поэтому...

Последовало пространное объяснение, почему лошадям полезно давать высушенные фрукты, перечисление достоинств жеребца и рассказ о его родословной до десятого колена. Конюх только кивал и посматривал на коня с опаской, потрясенный его ценностью.

Когда коня увели, лорд Освальд попросил устроить и его слуг.

— Выдайте им полпинты вина каждому. Только берите вино из светлых бочек, в темных — херес, за каждую его каплю спрошу особо. И поставьте вино в погреб, а то оглянуться не успеешь — осушат до доньшка.

Он встряхнул манжетами, поправил подшлемник, приложив указательный палец между бровей, чтобы расстояние от края головного убора до переносицы составило ровно полторы фаланги, и принял у слуги трость. Трость украшало копытце оленя, посеребренное, как и нагрудник. Теперь гость был готов предстать перед хозяевами замка и направился к парадному входу, вышагивая степенно и с достоинством, высоко вскинув голову.

— Вот этот гусь и есть твой жених? — удивленно спросил Эфриэл и издевательски расхохотался. — «Освальд! О, Освальд!.. Освальд придет!.. Освальд меня заберет!» — протянул он тонким голосом, подражая Бранвен. — Детка, поверь моему слову — с таким мужем твоя постель постоянно будет холодной. Хотя, оно и к лучшему. Так ты быстрее вспомнишь обо мне.

— Что ты понимаешь! — воскликнула Бранвен, и голос ее зазвенел от обиды. — Освальд — самый благородный мужчина из всех, кого я знаю. Он не животное. И не станет разгуливать голым перед дамой, оскорбляя ее взор.

— Благородный, благородный... Далось тебе это слово. Благородство не добавит огня в кровь. А этот гусь только и умеет, что важно выступать. Вот увидишь, у него не встанет даже на такую гусочку, как ты.

Оскорбившись за жениха, Бранвен замахнулась для пощечины, но сид оказался проворнее и обхватил девушку поперек туловища, притиснув локти к бокам. Бранвен попыталась ударить его лбом в лицо — она видела, как такие трюки проделывали рыцари, когда победа была не на их стороне. Коварный удар не удался — Эфриэл успел отдернуть голову. В отместку он повалил Бранвен на постель и впился поцелуем в губы.

Знакомое головокружение, будто падаешь в бездонную пропасть, вмиг охладило воинственный пыл. Глаза девушки сами собой закрылись, а губы дрогнули, отвечая на поцелуй.

На брэнную землю обоих вернул стук в дверь.

— Миледи! Миледи! Открывайте! Жених уже в замке! — торопила Матильда, терзая дверную ручку.

Эфриэл медленно оторвался от Бранвен, но отпускать не спешил.

— Вот что тебе нужно, маленькая глупая гусыня, — сказал он. — Вспомни обо мне, когда муж не оправдает твоих страстных надежд.

Она слушала и вряд ли что-то понимала. Открыла глаза, но смотрела невидящим взором. Губы стыдно дрожали, алые, влажные и удивительно сладкие. Эфриэл подумал, что никогда еще ему не доводилось встречать таких сладких губ. Он поднялся и протянул руку, помогая Бранвен встать. Та оттолкнула его и встала сама, ноги ее заметно подкашивались.

— Ты лохматая, будто тебя валяли по сеновалу десятков косцов, — хмыкнул Эфриэл.

Бранвен тут же взглянула на себя в зеркало. Ужасный вид! Как у шлюшки из Нижнего города! Глаза дикие, губы горят, щеки похожи на румяные осенние яблоки, а прическа испорчена безвозвратно. Девушка торопливо пригладила волосы, несколько раз глубоко вздохнула, возвращая спокойное биение сердцу, и отодвинула засов. Матильда ворвалась в комнату, подобно разгневанной ведьме.

— Вы в могилу меня загоните раньше времени! Что вы вытворяете, миледи?! Милорд ждет вас, матушка ждет, а она заперлась... Да еще прическу помяла! — Матильда только сейчас заметила, во что превратились часы утреннего труда горничной, и разразилась новыми причитаниями.

В мгновение ока косы были расплетены, сломанные и помятые цветы выброшены. Расчесав густую гриву, Матильда переплела боковые пряди золотыми нитями, завернула их к затылку и закрепила жемчужными шпильками.

— Простовато, но сойдет, — изрекла она, поворачивая голову Бранвен из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть новую прическу. — Поторопитесь, миледи!

Бранвен шла за кормилицей, как во сне, всем существом ощущая присутствие Эфриэла, который следовал за ней на расстоянии трех шагов. Он еще и насвистывал, словно прогуливался по зеленому берегу! А она даже думать связно не могла. Ей стало обидно до слез. Этот сид, явившийся непонятно откуда, смутил не только ее тело, но и душу. И то, что для него было привычной работой, для нее являлось откровением, притягательной тайной. Как же несправедливо, что они так по-разному чувствуют. Бранвен мысленно оборвала себя. К ней приехал жених, а она только и сожалеет, что кое-кому поцелуи не столь же приятны, как ей.

Жених поднялся навстречу невесте и поцеловал ее запястье в знак приветствия.

— Вы стали еще красивее, миледи, — произнес он. — Простите, что заставил вас ждать.

Сам он ничуть не изменился. Он уже снял латы и подшлемник, и его светлые волосы свободно ниспадали на плечи, разделенные на прямой пробор, а короткая борода и усы были аккуратно расчесаны.

— Не надо извинений, — поспешила успокоить его Бранвен. — Вы — брат короля, и ваш долг находиться рядом с Его Величеством, если того требуют обстоятельства.

— Да брось, — встрял Эфриэл. — Обязанность жениха — находиться рядом с невестой, а не шляться, где морские кобылы не бегали.

Бранвен даже бровью не повела, продолжая улыбаться лорду Освальду. Тот второй раз поцеловал ей руку и проводил к столу.

— Это хорошо, что вы понимаете мои обязанности при дворе. Не всегда муж находит подобное понимание в юной супруге. Хотите паштет из гусиной печени? Я привез его из столицы, это последнее изобретение королевского повара. Готов поспорить, в ваших краях не готовят ничего подобного. Умение из банальных потрохов приготовить королевское

блюдо — своего рода искусство. Ведь как говорили древние: человек то, что он ест. Если он ест для того, чтобы утолить голод, то так и останется неотесанным дикарем. Только человек утонченный умеет наслаждаться едой.

— Просто замечательно! Вы будете лежать в постели и рассуждать о достоинстве гусяного паштета, парочка серых гусей, — продолжал насмехаться Эфриэл. — Никогда не видел, чтобы гусак ел себе подобного!

— Очень вкусно, — похвалила Бранвен, отведав ложечку столичного лакомства. — Полностью разделяю ваше мнение — прекрасная еда и человека делает прекрасным.

Ее слова вызвали приступ хохота у сиды:

— Ты еще скажи, что настоящий мужчина должен питаться маковой росой и солнечными пылинками! Настоящий мужчина ест мясо. Вепревину, чтобы быть таким же сильным и неистовым. А твой гусак после этой жеваной еды и свой ствол поднять не сможет. Хотя, у него там, скорее, соломинка. Станешь за нее хвататься, маленькая леди, а она будет выскальзывать у тебя из рук.

Бранвен пригубила вино из кубка, чтобы скрыть гнев.

— Молчишь? Конечно, тебе сказать-то нечего, — сид понял ее по-своему.

— Да будет тебе известно, что плотская любовь — не главное в супружеской жизни! — не выдержала Бранвен. — Есть еще любовь, уважение и почитание!

— Миледи! — Освальд так и воззрился на невесту.

Бранвен едва принудила себя улыбнуться, придумывая оправдание реплике невпопад, но лицо жениха просияло:

— Вы верно подметили, миледи. И сказали то, о чем я только что думал. Конечно же, главное в супружестве — уважение супругов. Я поражен и возношу благодарственные молитвы яркому пламени за то, что они послали мне такую мудрую женушку.

— Клянусь хвостом Вечного Кабана, твой будущий муж — переодетая баба! — захохотал Эфриэл.

Не обращая внимания на зарвавшегося сиды, Бранвен улыбнулась Освальду как можно нежнее:

— И меня радует, что у нас с вами такое удивительное единение чувств и мыслей.

— Не лицемерь, тебе не идет, — сказал Эфриэл.

Вместо ответа Бранвен выразительно посмотрела на него через плечо. Она обрадовалась, когда появилась леди Дерборгиль и увлекла гостя беседой — вдову интересовали последние новости столицы, и лорд Освальд пересказывал их спокойно, размеренно, не выказывая нетерпения и не насмешничая над женским любопытством. Когда он упомянул о том, что король намеревается посетить Эн-Фиорскую плотину, леди Дерборгиль несказанно обрадовалась:

— Король в Роренброке! Когда, вы говорите, он намеревается прибыть? Через две недели? Так это замечательно! Отложим венчание до приезда его Величества, и ваша с Бранвен свадьба будет описана в летописи Эстландии! А потом наверняка затеют турнир, и может быть, Его Величество изберет Бранвен королевой праздника!

— Сожалею, миледи, но я не хотел бы дожидаться столь долго, — сказал лорд Освальд вежливо, но непреклонно. — Я и так слишком задержался в вашем гостеприимном крае. Путь до Аллемады долог, и зима надвигается. Мне не хотелось бы подвергать вашу дочь опасностям в пути.

— Опасностям?! — леди Дерборгиль осенила себя знаком яркого пламени. — О чем вы

говорите, милорд? Путь долог, но дорога хороша. В юности мне приходилось путешествовать по Леппиевой дороге, и скажу, что хотя камням, которыми она вымощена, больше тысячи лет, ехать по ней было одно удовольствие.

— Камни здесь ни при чем, дорогая миледи. Зима делает путь опасным по другой причине. Холода всегда выгоняют голодранцев и сброд на большие дороги для легкой наживы. Мой караван надежно защищен, но в любом случае я не хотел бы рисковать женой. Она слишком драгоценна для меня.

Бранвен ждала, что сейчас он посмотрит на нее, но лорд Освальд продолжал говорить с графиней,

— Он не очень-то щедр на взгляды и любезные речи, — заметил Эфриэл. — Не так ли, маленькая гусыня?

— Зато излагает свои собственные мысли, а не сыплет книжными стихами! — прошептала в ответ Бранвен. Мать и жених ее не услышали, потому что занялись обсуждением эскорта невесты. — Не то что некоторые, цитирующие Ктувим без запинки!

— Я понятия не имею, что такое Ктувим, — насмешка задела сида, хотя он и постарался это скрыть. — Вообще, это мои собственные стихи, которые твои клирики записали, как божественное откровение.

Бранвен подергала себя за мочку уха, показывая, насколько она верит такому стечению обстоятельств.

— Десять девушек — вполне достаточно, — говорила между тем леди Дерборгиль. — Я отправлю с Бранвен еще и Алейну, она большая искусница по поводу причесок...

— Десять служанок — это слишком много, мама, — воспротивилась Бранвен. — Алейну я возьму только если она захочет поехать...

— Благодарю, графиня, но служанки вашей дочери не понадобятся вовсе, — лорд Освальд говорил мягко, но непреклонно. — Не беспокойтесь, миледи Бранвен, ваш будущий супруг обо всем позаботился. Я привез трех прекрасных девушек — они расторопны и развлекут разговором и музыкой любую утонченную особу.

— Но хотя бы камеристку, милорд? — заволновалась леди Дерборгиль. — Со знакомой девушкой леди Бранвен будет куда веселее, чем с тремя незнакомыми. А когда устроитесь, отправите служанку обратно. Она привезет мне вести о дочери, расскажет, как моя крошка прижилась в чужом краю. Это очень утешит мое сердце.

— Для этого вполне достаточно письма, миледи, — вежливо улыбнулся жених. — Если же вы сами захотите убедиться, что вашей дочери по нраву жизнь со мной, я буду рад приветить вас в Аллемаде. Настоятельно прошу вас уступить.

На сем обсуждение невестиного эскорта закончилось. Вторым неприятным сюрпризом оказалось то, что лорд Освальд настаивал, чтобы свадьба была через три дня, а отъезд в Аллемаду пришелся бы на четвертый. Леди Дерборгиль ужасалась такой поспешности, но жених остался непреклонен.

— Я забочусь о безопасности вашей дочери, к тому же, задержался дольше, чем рассчитывал. А вы же знаете, дорогая леди, что хороший хозяин никогда не оставляет свой дом надолго.

В конце концов, вдовствующая графиня согласилась, а мнения Бранвен никто не спрашивал. Впрочем, даже если бы лорд Освальд и соизволил поинтересоваться у невесты, что ей больше по нраву, она ответила бы, что ей по нраву решение будущего мужа.

Эфриэл прислушивался к разговору с интересом, а по окончании презрительно сказал:

— Он еще не накинул на тебя ярмо, а уже понукает. На твоём месте я бы не стерпел.

«В отличие от тебя, я — существо воспитанное и знающее свое место, — мысленно ответила ему Бранвен. — Покорная жена — мужу госпожа, а строптивая — во всю силу сама роет себе могилу».

Вслух же она сказала:

— Я рада подчиниться вашей воле, милорд. Вы решили все разумно и заботясь обо мне. Благодарю вас за это.

— Еще и в ножки ему поклонись, — посоветовал Эффриэл.

Весь вечер после пира сид только и делал, что злословил лорда Освальда, высмеивая его внешность, манеры, речи и свиту. Бранвен гневалась и сначала пыталась защитить жениха, но потом махнула рукой, отвернулась к стене и уснула или сделала вид, что спит. Но если она не понимала, почему сид с таким упорством выказывает неприязнь к лорду Освальду, сам Эффриэл все понял и злился из-за этого еще больше. Глупо, но он ревновал эту смертную дурочку к ее смертному жениху. Стоило представить, как она ляжет в постель к напыщенному гусаку, все в нем переворачивалось. И — зачем себя обманывать? — он завидовал. Завидовал, что недостойный человечешко получит без труда то, чего он тщетно добивался уже месяц. Никогда раньше девственность не прельщала его. Наоборот, он предпочитал женщин опытных и искушенных в любви. Такие не будут пищать от страха, лежать бревном или плакать по утраченной чести, когда все сделано. Подобные слезы он считал лицемерными. Хотела бы сохранить, не отдала бы так легко. А леди Бранвен... Как она оберегала себя для своего жениха. Такая верность в женщине уже сама по себе заслуживает уважения. А выпить из сосуда, который столь ревностно охраняется, и из которого никто еще не пил...

В конце концов, красноречие Эффриэла иссякло, но уснуть он не смог. Ворочался с боку на бок, ворча, что подстилка комковата, что от очага дымно, но причина была в другом. Он размышлял об этом и диву давался — чтобы он, Эффриэл из Финнеаса потерял сон из-за обыкновенной человеческой девы? Впрочем, едва ли она обыкновенная. Смогла же призвать его в этот мир? Кто знает, может ей известны не только призывающие заговоры, но и любовные, и он, Эффриэл, стал жертвой этих заговоров.

Три последующих дня прошли в чудовищной суматохе, и замок стал похож на пирог с маком — столько людей понабилося сюда. Бранвен сбилась с ног, принимая гостей, бегая к швеям на примерки платья и наблюдая за сборами в дорогу. Вечера она проводила подле жениха, поддерживая учтивые беседы и музицируя. Эффриэл ненавидел вечерние посиделки, о чем рассказывал Бранвен часто и в очень ярких, постоянно новых выражениях. Накануне свадьбы он совсем разошелся, и Бранвен, сославшись на усталость, сбежала к себе.

— По мне, так лучше бы жених уступил невесте и взял Алейну, — ворчала Матильда, последний раз укладывая Бранвен спать в ее девичьей спальне. — Маленькая девчонка каравана не обременит. А отправить вас одну с этими южанами-горлопанами...

— Он сказал, что теперь у меня начинается новая жизнь, — вступилась Бранвен за жениха. — И что все старое я должна оставить в Роренброке.

— Меня ты точно не оставишь, — заметил Эффриэл, который наблюдал за приготовлениями ко сну.

Бранвен уже привыкла к его присутствию и даже перестала краснеть, когда Тильда переодевала ее в ночную рубашку. К тому же сегодня девушка думала совсем о другом и была охвачена мечтами, надеждой и нетерпением. Завтра состоится ее свадьба, а потом она

отправится на юг, где станет хозяйкой огромного замка. Она так радовалась этим переменам, что постоянно напевала, и не сразу заметила, какое угрюмое лицо у Эфриэла.

— Все, нянюшка, иди отдыхать, — поторопила она Матильду. — Я еще немного посижу над вишиванием и лягу сама.

Закрыв за старушкой двери на засов, Бранвен повернулась к сиду.

— У тебя лицо, словно завтра похороны, — заявила она. — А это — моя свадьба. Изволь не портить мне настроения.

— Как прикажете, ваша светлость, — ответил он, саркастически.

— Ты как будто недоволен...

— Я просто счастлив, — сказал он саркастически.

— Почему ты злишься?

На сей раз он посмотрел на нее почти с ненавистью:

— С чего бы мне злиться на тебя, маленькая глупая гусыня? Просто я хочу спать. А ты мешаешь мне восторженным воем. Сделай одолжение — радуйся молча.

Но заснуть он так и не смог. Говорят, что сидам неведомы сердечные страдания, но сегодня он готов был поверить, что это всего лишь лживая легенда — в груди давило, словно ребра превратились в железные обручи.

Бранвен так и не поняла, что могло обидеть Эфриэла, но расспрашивать не стала. Невесте положено сиять, а сиять не получится, если не выспишься. Поэтому она легла в постель с чувством выполнения долга и не позволила никаким страстям беспокоить душу. Яркое пламя приняло ее мысленную жертву и послало скорый сон без сновидений.

И этот день наступил. Бранвен показалось, что она только смежила веки, а ее уже тормозили в четыре руки.

Тигриша и Киарана во главе молоденьких дочерей соседских джентри уже хозяйничали в спальне невесты. Веселые голоса звучали все громче, и Бранвен села в постели, протирая глаза.

— Что за шум? Еще птицы спят, — пробормотала она зевая.

— Птицы спят, а невеста спать не должна! — заливалась соловьем Тигриша, прихлопывая ладонями и стуча каблуками в ритме джиги. — Будь я невестой, не сомкнула бы глаз до утра, а моя сестричка спит-поспит!

Девушки засуетились вокруг Бранвен, и слуги внесли ванну с горячей водой, в которую щедрой рукой насыпали сухих душистых цветов. Аромат лета наполнил комнату и спать совсем расхотелось. Девицы стащили с Бранвен ночную рубашку и разорвали ее в клочья. Считалось, что рубашка невесты приносит счастье и быстрое замужество, поэтому каждая забрала себе по лоскутку, мечтая, чтобы ее свадьба была такой же богатой, как и свадьба леди Бранвен.

Принимая ванну, невеста перебрасывалась шутками с подругами и совсем забыла об Эфриэле. Он сидел в углу, и было ему не весело. Он смотрел на Бранвен так пристально, что и каменная стена бы почувствовала, но Бранвен и глазами в его сторону не повела, и это еще раз напомнило сиду, что для нее он — привидение, фантом, сказка. И если она была к нему добра или млела в его объятиях — это ничего не значит. Ее настоящее — вот оно. Смеющиеся подруги, жених у алтаря. Если бы можно было, Эфриэл исчез прямо сейчас. Но эта пигалица держала его при себе, как собачонку на поводке. Оставалось лишь скрипеть зубами и наблюдать.

После купания, когда убрали ванну и подтерли пролитую воду, пол застелили полотном и внесли — держа в восемь рук в перчатках, чтобы не запачкать — венчальное платье. Девушки испустили такой вопль восторга, что испугали бы и дракона, вздумай тому восстать из мертвых и пролететь над Роренброком. Бранвен стояла перед зеркалом в короткой распашонке, шелковых пышных штанишках, обшитых кружевом, в тончайших чулках с золотой нитью и в подвязках, украшенных сапфирами и жемчугом. На невесту надели белоснежную рубашку с пышными рукавами, завязали тесьму на запястьях, и осторожно, поддерживая крючьями, опустили платье. Венчальный наряд был чудом портновского искусства — нежно-голубая ткань уложена каскадами и походила на волны, омывающие белую шейку невесты и белый шелк рубашки. Тонкую талию перетянули кушаком синего цвета, один конец перебросили через плечо, закрепив брошкой, а другой оставили свободно спадать. Невесте полагалась самая простая прическа, поэтому волосы оставили распущенными, завив концы на раскаленный прут, и надели топазовую диадему, закрепив дюжиной шпилек. Камни, оправленные в серебро, были похожи на синие льдинки и особенно подходили к нежному облику невесты. На шею ей надели жемчужное ожерелье в три ряда — невиданная роскошь! Центральные жемчужины были величиной с голубиное яйцо и отливали розовым.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты самая красивая на свете! — завопила Тигриша и бросилась обнимать сестру. Киарана держалась спокойнее и коротко поцеловала Бранвен, пожелав ей счастья. Потом посыпались поздравления и пожелания от подруг, потом Матильда рыдала, не смея подойти ближе, чтобы не помять платье. Бранвен обняла ее и расцеловала в обе щеки.

— Не плачь, Тильда, нянюшка! Сегодня такой счастливый день, а ты плачешь!

— Это от радости, миледи, от радости, — объяснила старушка и заревела, уткнувшись в передник.

Появилась леди Роренброк, великолепная в темно-красном платье из камки. Госпожа графиня надела генин такой высоты, что проходя в двери приходилось наклонять голову.

Бранвен приблизилась и поцеловала матери руку. Присмирившие близнецы, а с ними и девицы почтительно поклонились и чинно вышли вон, оставив мать и дочь наедине, если не считать Эфриэла.

— Дитя мое, — леди Роренброк погладила Бранвен по щеке, любуясь юной красотой. — Сейчас я должна сказать тебе то, что говорят все матери своим дочерям, выходящим замуж.

— Я слушаю вас внимательно, матушка, — прошептала Бранвен.

— Ты выйдешь отсюда девицей Роренброк, а вернешься госпожой Аллемада. Твой муж уже не юн, он наверняка знает, как обращаться с девушкой, но я все же дам тебе пару советов.

Бранвен начала безудержно краснеть. Слова матери напомнили ей об Эфриэле, и она быстро оглянулась, ища его взглядом. Он сидел на полу, подперев голову, и смотрел на женщин с усмешкой.

— Слушай, слушай, что говорит твоя уважаемая матушка, — посоветовал он. — Сейчас она расскажет кучу нелепостей, вспомнит про божественное оплодотворение и закончит тем, что в нужный момент природа возьмет свое. Сдается мне, это ты могла бы раздавать бесплатные советы юным невестам.

Бранвен поджала губы и обиженно отвернулась.

Но сид оказался прав. Леди Роренброк говорила много, витиевато и так таинственно, что Бранвен и половины не понимала. Зато она краснела с завидным упорством и кивала головой столь усердно, что шея заболела. «Бедная мама, — думала Бранвен, сгорая со стыда. — Ты даже не знаешь, что твоя доченька — самое грешное существо на этой земле. И что твои наставления запоздали».

— Ну-ну, не умирай, — подал голос Эфриэл. — Кое-чего ты и вправду не знаешь, но это уже такая малость по сравнению с полученными знаниями...

— Замолчи!.. — прошипела Бранвен сквозь зубы.

— Что ты сказала, моя девочка? — леди Роренброк вскинула брови.

— Н-ничего, — солгала Бранвен. — Просто булавка расстегнулась и уколола меня. Вот и все.

— Булавка? Какой ужас! Я сейчас же позову портниху. Пусть приведет платье в порядок.

— Не надо, мама! Я уже вытащила булавку.

— Вытащила? Хорошо, — леди графиня была слишком захвачена миссией просвещения дочери. Когда с напутственной речью было покончено, подругам и сестрам, ждавшим за порогам, был дан знак вернуться. Они взялись за шлейф платья, чтобы помочь невесте спуститься по лестнице.

Ступая по разостланному полотну, Бранвен расточала улыбки в ответ на поздравления.

Слуги толпились в дверях, заглядывали в окна и даже забирались на крышу, чтобы лучше все разглядеть. По обычаю, невеста должна была идти в церковь пешком, благо, что церковь Роренброков находилась здесь же, в замковом дворе. К торжеству ее поновили и пышно украсили. За неимением цветов всюду стояли букеты из желтых и красных листьев. Такими же листьями усыпали пол и украсили алтарь, а завершали все гирлянды из елового лапника. По мнению Бранвен, лучших украшений и быть не могло.

Вместо отца невесту повел к алтарю один из старейших джентри. Он взял Бранвен под руку и важно ступил под свод храма, гордый оказанной честью.

Заиграла музыка, флейты и волынки оглушили пронзительным свистом и воем, и повели обычную для Вудшира венчальную песню, больше похожую на мелодию для деревенских плясок. Как в тумане перед Бранвен проплывали лица почетных гостей, занявших лучшие места в церкви. Все еще улыбаясь, девушка посмотрела влево и увидела Эфриэла, уныло плетущегося рядом. Сид выглядел неважно и даже жалко — потемнел лицом и осунулся, как после бессонной ночи. Он шел ссутулившись, будто прожитые столетия разом навалились на его плечи. Поддавшись жалости, Бранвен взяла Эфриэла за руку и легко пожала, чтобы подбодрить. Губы его презрительно искривились, но руки он не отнял. Наоборот, крепко сжал ладошку Бранвен и не пожелал отпускать. Так они и дошли до алтаря, где ожидал лорд Освальд. Жених был в темно-синем бархатном биио, удачно сочетавшемся цветом с платьем невесты. Светлые волосы расчесаны на прямой пробор, борода напомажена, и кружева на манжетах — такие же белоснежные, как рубашка невесты. Еще у лорда Освальда был гофрированный воротник — накрахмаленные ярды ткани, уложены складками в виде восьмерки. Такого в Вудшире еще не видели, и многие модницы кусали платочки от зависти, размышляя, где бы найти портниху, которая справится с шитьем подобного чудо.

Бранвен слышала, как гости хвалили их наряды, переговариваясь вполголоса.

— ...и шитье серебром — это так утонченно и благородно...

— ...фестончики на плечах — особенно нежны...

— А вы видели, что он носит не шаперон,[1] а высокую шапку? Это придает облику величие, да и росту прибавляет на полторы ладони...

— Разве возможно носить шаперон с таким воротником?!

— Я назвал твоего будущего муженька гусаком, но ошибся, — не удержался от колкости Эфриэл. — Он не просто гусь, а гусь в павлиньих перьях. Ну и воротник! Его голова — как кочан капусты на подносе!

Бранвен не смогла удержать улыбки, хотя смеяться перед алтарем вовсе не следовало.

Нареченный отец передал невесту жениху и удалился, и Бранвен осталась совсем одна, чувствуя себя чужой даже самой себе.

Обряд был длинным и красивым. Жениха и невесту под торжественные песнопения трижды обвели вокруг алтаря, на котором горел священный огонь, потом дали испить из одной чаши красного фалернского вина, потом следовал обмен кольцами. Пока обходили алтарь, Эфриэл все так же крепко сжимал руку Бранвен. Девушка вдруг подумала, что сиду, поклонявшемуся древним богам, было неуютно в святилище яркого огня.

Священник поднес на серебряном блюде два кольца. Простое, толстое, из красного золота — для жениха, второе, более тонкой работы, украшенное огромным сапфиром — для невесты.

— Берешь ли ты, Освальд Аллемада, эту девицу в законные жены? — спросил

священник.

— Беру, — ответил лорд Освальд, взял кольцо с сапфиром и надел на пальчик невесты.

— Берешь ли ты, Бранвен Роренброк, этого мужчину в законные мужа? — последовал второй ритуальный вопрос.

— Беру, — пискнула Бранвен, от волнения у нее перехватило горло.

Руки ее так дрожали, что она никак не могла поймать кольцо на скользком блюде. Оно выворачивалось, словно живое, и священник, сжавшись, помог непутевой новобрачной — придержал кольцо большим пальцем.

Лорд Освальд протянул руку, но Бранвен не успела надеть кольцо. Эфриэл подтолкнул ее под локоть, и золотая вещица без звона нырнула в листья, щедро рассыпанные на полу.

Гости дружно ахнули — нет хуже приметы, чем оброненное венчальное кольцо! Ахнула и Бранвен, и хотела уже броситься разгребать листья, чтобы найти пропажу, но лорд Освальд удержал невесту. Порыв похвален, но чтобы ползать по полу и перебирать мусор — на то есть пажи.

Пока мальчишки перерывали листья, просеивая в ладонях желто-красную труху, Бранвен метала в Эфриэла самые яростные взгляды, на которые была способна. Сид отвечал ленивой улыбкой. Для него все это было развлечением.

Кольцо так и не нашли, и кто-то из рыцарей передал жениху свое — пусть не такое дорогое и красивое, но вполне соответствующее обряду. Лорд Освальд сам надел кольцо на палец и продемонстрировал гостям, подняв руку над головой.

Вот и все, теперь не было девицы Роренброк. Зато появилась леди Аллемада.

— Бранвен, как ты могла быть такой неловкой! — леди Дерборгиль отчитывала дочь, ослепительно при этом улыбаясь.

Они сидели на пиру, и музыка играла так громко, что не было необходимости понижать голос.

— Ах, матушка, я ужасно волновалась! — воскликнула Бранвен со слезами.

— Будет, будет, не реви, — приказала ей мать. — Я чуть со скамейки не упала, так перепугалась. Надо будет заказать сто молебнов, чтобы отворотить несчастье. А эта противная леди Мирта только и трещит, что о Проклятье Роренброков.

— Мне жаль, — Бранвен понурилась, и мать сочла нужным ее подбодрить.

— Ничего, дорогая, главное — не унывай. Уныние не красит твое милое личико. Смотри веселее, вон возвращается твой муж!

Матушка поцеловала любимую дочь и удалилась, а лорд Освальд, ухивившись, чтобы освежиться, занял место рядом с новобрачной. С самого начала пира супругам не удалось перемолвиться ни словечком — гости подходили с поздравлениями и подарками. Но теперь поток поздравителей иссяк, и Бранвен с трепетом ждала, когда муж заговорит с ней.

Эфриэл стоял за ее креслом, опираясь на спинку и оглядывая присутствующих со скучающим взглядом. Иногда он изрекал что-нибудь возмутительное или оскорбительное, но Бранвен делала вид, что не слышит. В самом начале пира, когда молодых только усадили за стол, Бранвен попыталась выговорить сиду за озорство перед алтарем, но в нотациях не преуспела.

— Хотел посмотреть, как ты будешь рыться в листьях, отыскивая кольцо, —

бессовестно объяснил ей Эфриэл причины своего поступка. — Когда невеста стоит на коленях, выпятив задик — такая картина дарит простор воображению. С некоторых пор это — единственное удовольствие, которое я могу себе позволить.

— Ты невыносим, — вздохнула Бранвен, а он только похохотал в ответ.

Близкое соседство с лордом Освальдом не принесло Бранвен успокоения. Наоборот, нервозность ее усилилась, к тому же, она боялась, как бы Эфриэл вновь не выкинул какой-нибудь шутки. Беря бокал с вином, она всегда косилась в сторону, опасаясь, что сид толкнет ее под локоть, чтобы посмотреть, как супруг станет отчитывать молодую жену за неловкость.

Но лорд Освальд ни словом не обмолвился о прискорбном происшествии в церкви, и ухаживал за Бранвен, как и положено почтительному супругу.

Стараясь загладить вину, Бранвен соглашалась с мужем во всем и с полуслова. Когда он сказал, что намерен завтра же отправиться в обратный путь, она горячо поддержала его, пусть даже столь поспешный отъезд не нравился матери, да и самой ей не хотелось так быстро расставаться с родными. День или два — что бы изменила короткая задержка? Когда лорд Освальд представил ей новых служанок, Бранвен едва взглянула на трех смуглых девиц. С большим удовольствием она взяла бы с собой Алейну или Ллинет, или любую из девушек, помогающих в портомойне. Но прекословить не стала, и поблагодарила мужа за заботу.

— Уверена, мы прекрасно поладим, — сказала она. — Слуги, рекомендованные вами, милорд, не могут оказаться плохими.

Ей показалось, что муж еле заметно усмехнулся, и она мысленно поздравила себя с тем, что произвела хорошее впечатление воспитанностью и покорностью.

Они станцевали три танца вместе, и Бранвен убедилась, что ее муж прекрасно двигается, и ему известно большинство танцевальных фигур. Потом ее приглашали джентри, и лорд Освальд любезно разрешил юной жене танцевать с другими мужчинами, сколько вздумается. Сам он никого не приглашал, а поджидал Бранвен за столом.

— Вы довольны? — спросил он, когда Бранвен вернулась после очередного танца, раскрасневшаяся и смеющаяся.

— О, милорд! Это — счастливейший день в моей жизни, — ответила Бранвен, соблюдая этикет, но совершенно искренне. — Ведь я стала вашей супругой, и это переполняет мое сердце счастьем.

— Я тоже счастлив, миледи, — лорд Освальд предложил ей бокал с охлажденным грушевым напитком. — Мне приятно видеть вашу молодость и веселье. Вы будете превосходной хозяйкой Аллемады.

— Приложу все усилия, чтобы не разочаровать вас, — пообещала Бранвен.

— Ты еще поклянись, — сказал Эфриэл, молчавший до этого. — У тебя совсем нет гордости, дитя? Для чего ты так стелешься перед ним?

Лорд Освальд отвлекся, разговаривая с кем-то из гостей, и Бранвен смогла ответить сиду.

— Не знаю, как в твоём мире, — сказала она, — а в нашем принято, чтобы жена уважала супруга.

— Уважать и стелиться — это не одно и то же, — не унимался Эфриэл.

Бранвен передернула плечами. Зачем ему обязательно нужно портить ей настроение? Хватило и глупой выходки у алтаря.

— В постели с ним ты будешь такой же услужливой? — вдруг спросил Эфриэл,

наклонившись к девушке через подлокотник.

Бранвен мгновенно побледнела, да так, что лорд Освальд встревожено поинтересовался о ее самочувствии.

— Не стоит вам беспокоиться, милорд, — она даже ухитрилась улыбнуться, показывая, что все в порядке. — Последний танец был слишком бурным, я устала.

— Тогда не танцуйте больше, миледи, — посоветовал муж. — Берегите силы перед дальней дорогой. А упущенное наверстаете в Аллемаде. По приезду я обещаю вам празднество на две недели.

— Благодарю, милорд, — прошептала Бранвен.

За полтора часа до полуночи молодых сопровождали в спальню под торжественное пение, осыпая зерном и пряностями. Постель новобрачным приготовили в спальне покойного графа Роренброка. Когда отворили двери, и стала видна огромная кровать под бархатным балдахином темно-красного цвета, Бранвен так задрожала, что лорд Освальд взглянул на нее с удивлением.

— Не трясись, — презрительно сказал Эффриэл. — Жду не дождусь, когда кончится это лицедейство.

— Ты же не будешь... находиться рядом? — с беспокойством спросила Бранвен, едва шевеля губами. Гости желали молодоженам благополучия, плодовитости и счастья, горланили песни на разные голоса, поэтому не стоило опасаться, что кто-то услышит, как невеста разговаривает с пустым местом.

— Где же мне находиться? — поинтересовался Эффриэл. — Спрятаться под кровать и заткнуть уши?

— Ты мог бы выйти...

— Слушай, глупая гусыня, если ты считаешь, что мне интересно, как твой гусак будет щипать тебе перья, ты ошибаешься, — презрительно сказал он и съязвил: — Это зрелище не для моих нежных глаз. Еще в обморок упаду.

Бранвен вздохнула с облегчением. Мысль о том, что Эффриэл будет болтаться рядом во время исполнения брачных обязательств, сводила ее с ума. Лучше пусть уйдет.

Еще каких-нибудь сто лет назад свадьба брата короля и девицы из благородного и древнего рода должна была завершиться под присмотром уважаемых лордов и леди. Убедившись, что брак скреплен надлежащим образом, благородные господа осматривали простынь, удостоверяясь, что новобрачная подарила мужу девство, а не нарушила чести до свадьбы. Простынь вывешивалась на всеобщее обозрение, чтобы каждый мог убедиться в честности новобрачной.

Хвала яркому пламени, сейчас ничего подобного не происходило. Леди Дерборгиль зажгла новый огонек в лампадке, поручив яркому огню присматривать за молодыми и быть свидетелем их любви, и гости во главе с хозяйкой удалились, оставив супругов одних.

Эффриэлу тоже предлагали убраться — Бранвен, спрятав руки за спину, недвусмысленно указывала ему на дверь, но он почему-то медлил.

— Вам страшно? — тем временем спросил Освальд жену. Спросил участливо и присел на край кровати, а Бранвен застыла посреди комнаты, не зная, что делать дальше. — Я вас понимаю, миледи. Юной девушке нелегко стать женщиной в объятиях почти незнакомого мужчины. Я не варвар, и не закоснелый приверженец старых обычаев, и не буду принуждать вас к тому, что противно вашей душе. Считаю, нам следует повременить с брачной ночью. Для этого есть и еще одна причина. Путь до Аллемады долог и труден, мне не хочется

подвергать вас опасности, если вы понесете. Месяц в пути — испытание не для беременной женщины. И за это время мы сможем узнать друг друга получше. Вы ведь согласны со мной, дорогая? — он вопросительно посмотрел на Бранвен.

Та стояла, не зная, счастлива ли она, что испытание откладывается, или разочарована. Когда молчать дальше было уже неприличным, она заставила себя улыбнуться супругу:

— Вы как всегда правы и мудро рассудили, милорд. Я благодарна вам за то, что вы заботитесь обо мне.

— Вот и прекрасно, что между нами такое взаимопонимание, — лорд Освальд встал с кровати, подошел к жене и запечатлел на ее лбу целомудренный поцелуй. — Спите спокойно этой ночью, моя голубка. Завтра нам предстоит отправиться в долгий путь.

Глядя, как он направляется к двери, Бранвен запаниковала.

— Вы уйдете?! — воскликнула она слишком громко и слишком резко.

Лорд Освальд оглянулся, и новобрачная тут же сменила тон:

— Я хотела сказать... неужели вы покинете меня, милорд? Этой ночью...

— Вы же понимаете, что так будет правильней, — сказал лорд Освальд обычным мягким и ровным тоном. — Вам будет спокойнее одной, вы лучше отдохнете перед дорогой, а в моем присутствии все равно не сможете избавиться от смущения.

Он оперся ладонью о косяк, рассматривая убранство комнаты, но Бранвен показалось, что муж просто не хочет встречаться с ней взглядом.

Станный запах заставил ее потереть переносицу. Она всеми силами пыталась сдержаться, но все равно чихнула.

— Что-то горит? — вежливо спросил лорд Освальд.

Бранвен открыла рот, но ответить не успела, потому что у нее от ужаса занялось дыхание: негодник Эфриэл взял свечу из подсвечника и преспокойно поджигал великолепный воротник милорда супруга. Воротник плавился и чернел на глазах, и язычки пламени уже подбирались к волосам, а сам сид, как ни в чем не бывало, вернул свечу на место и прислонился к стене, с удовлетворением наблюдая за делом рук своих.

Увидев расширенные глаза супруги, лорд Освальд посмотрел по сторонам и позади себя, пытаясь понять, что ее так напугало, но ничего не заметил.

— Вы горите, милорд! — только и смогла вымолвить Бранвен.

Лорд Освальд очень резко подпрыгнул и принялся сбивать пламя ладонями, но это ему плохо удавалось. Когда запахло паленым волосом, Бранвен пришла в себя и бросилась к кувшину с водой. Схватив его, она вылила душистую розовую воду мужу на голову. Он долго отфыркивался, глотнув воды. Воротник повис жалкими лохмотьями, волосы прилипли к лицу, и щеголеватая борода превратилась в тощий мышинный хвостик.

Эфриэл, довольный собой, ухмылялся во весь рот, зато Бранвен была вне себя от гнева. Она пыталась отряхнуть от воды костюм лорда Освальда батистовым платочком, но муж удержал ее.

— Не стоит так переживать, миледи, — сказал он. — Это моя вина, я слишком близко подошел к светильнику. Благодарю, что помогли потушить огонь. Теперь разрешите идти, мне надо переодеться.

Еще раз поцеловав жену, он приоткрыл двери и подозвал слугу. Тот проскользнул в спальню, подхватил плащ своего господина, и взял свечу, чтобы зажечь фонарь.

— До завтра, Ваше Сиятельство, — спокойно сказал лорд Освальд прежде, чем покинуть новобрачную.

Бранвен пробормотала слова прощания и заперла двери. Когда шаги в коридоре затихли, она обернулась, гневно уставившись на сида.

— Что ты творишь?! — вскричала она. — Сначала кольцо, потом еще эта твоя выходка!

Эфриэл лишь покатывался со смеху:

— А он хорош, твой муж-гусак! Никогда не забуду его физиономию! И твою тоже! «Да, нам надо лучше узнать друг друга, дорогая» «Вы как всегда правы, милорд». Ха-ха! Так я никогда не вернусь домой!

— Очень уж ты веселишься! Похоже, только об этом и мечтаешь — остаться здесь, — выпалила Бранвен.

Сид сразу перестал смеяться.

— Я ничего так сильно не желаю, — произнес он сквозь зубы, — как побыстрее убраться. И от тебя в том числе, несостоявшаяся ведьма.

Несколько мгновений они с ненавистью обменивались взглядами. Бранвен пришла в себя и сделала шаг к примирению.

— Оставим, — сказала она, проведя рукой по лицу, словно снимая маску. — Ссоры ни к чему не приведут. Мне жаль, что ты не можешь понять рыцарского поступка моего мужа. Да, моего мужа, — она повторила это, привыкая к звучанию непривычных для нее слов. — И прошу тебя, не доставляй ему неприятностей.

— Просьба не касается плотских утех, поэтому я имею полное право не исполнять ее, — заявил Эфриэл, заваливаясь в постель.

— А что ты теперь делаешь, по-твоему? — спросила Бранвен, чувствуя, что жолчь снова закипает.

— Что делаю? Ложусь спать, чего и тебе желаю. Не знаю, как тебя, но меня торжество здорово утомило, — и он невозмутимо взбил подушку.

— Это моя брачная постель, — напомнила Бранвен.

— В которой нет мужа, — парировал Эфриэл. — Поэтому одно место свободно. Вот его-то я и займу.

— Лавка свободна!

— Тогда сама там и спи! — огрызнулся сид.

— Мне казалось, мы с тобой все решили...

— Что — решили?! — Эфриэл сел в постели. — У нас был уговор — вторую ночь после свадьбы ты отдаешь мне. Теперь оказывается, что я должен тащиться за тобой на край света. А там найдется другая причина, по которой ты мне откажешь.

— Но ты слышал, что сказал лорд... мой муж. Он хочет, чтобы я привыкла к нему. Он хочет, чтобы я перестала видеть в нем чужого человека. Это благородный поступок. Как ты не понимаешь...

— Благородный! Я уже ненавижу это слово. И это ты не понимаешь — что это за мужчина, который оставляет невесту одну в первую ночь. Особенно... такую невесту. Он никогда не сделает тебя женщиной.

— Это временная отсрочка! — закричала Бранвен, краснея.

— Ты — глупая гусыня! Если бы он хотел дать тебе просто отсрочку, то сейчас бы лежал здесь, на моем месте, и целовал тебя. Или развлекал беседой до утра.

— Это ты лежишь на его месте, — сказала Бранвен ледяным тоном. — И не смей порочить лорда... моего мужа!

— Ты глупа, слепа и глуха! — в сердцах сказал Эфриэл и укрылся одеялом до макушки.

Бранвен уселась перед зеркалом, чтобы снять украшения, но руки тряслись, и она никак не могла расстегнуть замочек на ожерелье. Только на сей раз ее пробирала дрожь не от волнения, а от злости. Помучившись с ожерельем, Бранвен вынуждена была позвать на помощь сида. Приглашать служанок ей не хотелось. На следующий день только и было бы сплетен, что о муже, сбежавшем от невесты в первую же ночь. Так ли уж неправ Эфриэл? Лорд Освальд мог бы остаться на ночь и играть в шатрандж, если на то пошло.

— Помоги мне снять украшения и раздеться, — попросила она.

— Ты уже записала меня в горничные?

— Нет! Речь идет о простом человеческом милосердии!

— Откуда взяться человеческому милосердию? Я что — человек? — огрызнулся Эфриэл, но поднялся помочь.

Он расшнуровал ей платье и расстегнул тугой замочек на ожерелье за считанные мгновения. Даже не взглянув, вынул шпильки, которыми крепилась диадема, и вернулся в постель. Такие познания в хитростях женской одежды смутили Бранвен, и она впервые задумалась о том количестве самых разных женщин, которых знал сид за всю свою долгую жизнь. Размышления о них не прибавили радости, и она совсем загрустила.

Уложив драгоценности в шкатулку и повесив платье на спинку кресла, Бранвен сделала еще одну попытку примирения, понимая, что уснуть все равно не удастся. Взяв со столика доску, расчерченную квадратами, она несмело предложила:

— Сыграем в шатрандж?

Сид тяжело вздохнул и снова вылез из постели, усаживаясь в кресло напротив девушки.

— Все равно ведь спать не дашь, — проворчал он.

Бранвен быстро расставила фигуры и сделала первый ход. Шатрандж успокаивает сердце, утишает гнев и не располагает к злобе. Обдумывая ход, трудно продолжать ссору. Вот и они с Эфриэлом не успели разыграть начало партии, как уже переговаривались вполне миролюбиво.

— Может, я не прав в отношении твоего мужа, — говорил рассеяннo сид, постукивая ногтями по столешнице. — Иногда мужчина столь сильно желает женщину, что боится оконфузиться в первый раз. Такое происходит из-за сильного душевного волнения.

— И такое бывает? — спросила заинтригованная Бранвен, забирая у противника солдата. — Тогда это еще одно доказательство рыцарской натуры лорда Освальда.

— Ну конечно...

— Ты-то не боялся, что со мной у тебя тетива ослабнет.

— Просто ты мне никогда не нравилась.

Бранвен со стуком передвинула королеву:

— Ты необыкновенно любезен!

— А ты хотела услышать, что являешься самой прекрасной женщиной на земле? — фыркнул Эфриэл, обдумывая следующий ход. — Разочаруйся, девочка.

— Красота — не главное! — возмутилась Бранвен.

— Неужели? А что же главное, по-твоему?

— Доброе сердце!

— Если бы ты была доброй, — заявил сид, передвигая коня, — то я оказался бы дома через час после того, как ты меня призвала.

— В твоём понимании, всякая шлюшка — добросердечна... — Бранвен со злым удовольствием забрала его ладью.

— Угу.

— ...а всякая порядочная девушка — высокомерная злючка? Понимаю, почему тебе так кажется!

Он самодовольно хмыкнул:

— Дитя, я старше тебя на столько столетий, сколько ты не можешь даже вообразить своим скудным женским умом. Я знаю, что говорю.

На это Бранвен нечего было возразить. Зато она обыграла его, захватив короля в плен. Недовольный проигрышем сид потребовал повторить игру, и позорно проиграл за пятнадцать ходов.

Новобрачная настолько увлеклась игрой, что позабыла о несостоявшейся первой ночи. Эфриэл незаметно для девушки посматривал на ее задумчивое лицо. Похоже, сердце ее успокоилось. Он убить был готов этого хваленного лорда Освальда. В отличие от Бранвен у него не было сомнений, что вся болтовня насчет тяжелого пути и стремления узнать друг друга — пустые отговорки. Глупая девочка еще не знает, каковы бывают мужчины, и что ее любезный супруг, скорее всего, предпочтет провести ночь с одной из бойких южных женщин из своей свиты. Эфриэл еще днем обратил на них внимание и невольно загляделся. Не бабы — огонь. Такие тебя самого насильничают и еще потребуют. Куда до них барышне Роренброк с ее миндальной нежностью. Но раскрывать этой дурочке глаза на правду показалось ему слишком жестоким. Пусть тешится надеждами, успеет еще разочароваться и наплакаться. А может и плакать не станет. Смирится и будет послушна, как своей властной мамаше.

Они оторвались от доски, когда петухи заорали второй раз. Лицо Бранвен побледнело, под глазами залегли синеватые пятна. Эфриэл посмотрел, и в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на жалость.

— Ложись-ка ты спать, принцесса, — сказал он. — Иначе свалишься с лошади и переломаешь кости.

— Я не смогу уснуть, — воспротивилась Бранвен, пытаясь подавить зевок.

Но сид уже отодвинул доску, легко подхватил девушку на руки и забросил в самую середину огромной постели. Бранвен провалилась в перину и сразу поняла, что не желает вставать. Подложив под щеку ладонь, она наблюдала, как Эфриэл гасит светильники и свечи, оставив лишь ночную лампу, установленную в таз с водой, а потом укладывается с краю, натягивая одеяло.

— Спокойной ночи, развратник, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил Эфриэл, и Бранвен почему-то огорчилась, что в ответ он не назвал ее глупой гусыней.

[1] Шаперон — капюшон-дудка, длинный шлык которого заматывался вокруг шеи или вокруг головы.

Прощание было коротким — слезы, объятия и пожелания доброго пути. Серое осеннее утро еще только занималось над Роренброком, а караван уже отправился в дорогу. Пятнадцать груженных лошадей, десять конных рыцарей, двадцать челядинцев, не считая оруженосцев, грума и пажей, да еще две кареты — такого великолепного выезда в Вудшире не было последние лет пятьдесят.

Бранвен открыла дверцу кареты и высунула голову, чтобы посмотреть на замок до тех пор, пока он не исчезнет за лесом. После поворота дороги у Эн Фиор замок можно было увидеть еще раз, между двумя старыми дубами. На стене возле Южной башни белела фигурка, размахивавшая красным шарфом. Бранвен была уверена, что это Тигриша прощалась с ней. Глаза немилосердно защищало, и молодая герцогиня спряталась в полумраке кареты, чтобы никто не увидел ее слез.

Однако спустя милю или две хандра ее прошла, и девушка опустила ставень, с любопытством поглядывая в окно.

Рыцари ехали по обе стороны кареты, и лорд Освальд был с ними. В седле он держался с такой непринужденностью, словно и родился в нем. Жеребец грыз мундштук и рвался помчаться галопом или принимался играть, вскидывая задние копыта, но всадник сдерживал его без видимых усилий. Бранвен смотрела на мужа и думала, что у него тонкий профиль и прекрасные манеры. Он обещал праздник на две недели по приезду в Аллемаду, и был добр. Чего еще требовать благовоспитанной девице? Она перевела взгляд на Эфриэла, валявшегося на противоположном сидении. Глаза его были закрыты, и когда он не болтал вздор, общество его можно было даже посчитать приятным. На встроенной полочке лежала доска для игры в шатрандж. Сиденья, обтянутые бархатом, были мягки, как перины, а плотные занавеси на окнах защищали от последнего яркого осеннего солнца. Лес за окном был таким ярким, что это казалось колдовским наваждением — красный, золотой, пурпурный и багряный, с небольшими вкраплениями зеленого. Бранвен ловила ладошкой солнечные лучи, пробивавшиеся через кроны деревьев, и думала, что до смерти будет помнить пышную листву, запах мха в перелеске и шум волн Эн Фиор, стремительно бегущей к границе.

Несколько раз они останавливались на постоянных дворах, когда проезжали большие города, но чаще всего ночевать приходилось на вольном воздухе. Для Бранвен и лорда Освальда ставили шатры, остальные располагались в повозках или у костра, завернувшись в стеганные одеяла. Бранвен впервые оказалась в переносном доме и была очень обрадована, обнаружив, что жить в нем легко и приятно. Шатер был не шелковый и не шерстяной, а из какой-то странной плотной ткани с ярким рисунком. Ткань не продувалась ветром и не промокала, если шел дождь. Лорд Освальд объяснил, что такую ткань изготавливают женщины из кочевых племен, живущих на краю Трассерской пустыни. Внутри шатра бросали лапник, сверху клали доски и покрывали все коврами с пушистым и мягким ворсом. Места хватало и для госпожи и для трех ее служанок. Хватало места и для Эфриэла, который неизменно располагался за постелью Бранвен. В еде тоже не было недостатка — кормили путешественников разнообразно и сытно. Лорд Освальд прихватил с собой ловчих и хищных птиц, и устраивал охоту, пока караван двигался на юго-запад. В котелок попадали бекасы,

вальдшнепы, а порой и куропатки, у которых было такое нежное, пахнущее можжевельновыми ягодами, мясо.

Но после радости первых дней пути Бранвен загрустила. Лорд Освальд три раза в день осведомлялся о ее самочувствии и настроении, спрашивал, не желает ли она чего, и вкусен ли был обед, но дальше этих вежливых расспросов разговор не шел. Как образцовая жена, каждое утро она приходила к его шатру, чтобы приветствовать своего мужа и господина, а когда он возвращался с охоты, подавала полотенце, чтобы он вытерся после умывания. И вечером она не ложилась спать, пока не прощалась с мужем, желая ему спокойной ночи и приятных снов. Она была бы с ним дольше и чаще, но все больше убеждалась, что в замке лорд Освальд вынужден был проявлять внимание, изображая внимательного жениха, а теперь избавился от всяких условностей. Он разговаривал с ней, но смотрел так равнодушно, что она испытывала угрызения совести за то, что осмеливалась задерживать его возле своей персоны.

Зато возвращаясь с охоты лорд был весел, шутил с товарищами и ловчими, и даже смеялся. Слыша его смех, Бранвен страдала еще больше. С ней он и улыбался-то редко, что уж говорить о смехе.

Самое плохое, что ей не с кем было поделиться горем. Разговаривать с Эфриэлом она не смела, опасаясь насмешек с его стороны, а изливать душу перед служанками, которых она едва знала, ей не позволяло благоразумие.

Из кареты ей были видны все три ее камеристки. Обычно они сидели на тюках в повозке, грызли орехи и распевали веселые песни. Девицы были расторопны и проворны, но совсем не нравились Бранвен. Все три — высокие, крепкие, черноволосые и смуглые, как цыганки. Их звали Тония, Адончия и Чикита. Они прекрасно говорили на эстландском наречии, но то ли в насмешку, то ли по недомыслию, предпочитали общаться между собой на своем языке даже в присутствии госпожи.

Бранвен чувствовала себя неуютно, когда все трое начинали трещать, как сороки, о чем-то ей неведомом, убирая постель и накрывая на стол. Один раз она приказала перестать говорить при ней на ином языке, но приказ ее был больше похож на просьбу — высказан тихо, со смущением и многочисленными «прошу вас». Служанки опешили, потом обидно рассмеялись и все равно продолжали чесать языками по-своему.

Вдобавок ко всему, едва выехали из Роренброка, служанки поснимали привычные Бранвен платья и обрядились в наряды, принятые в Аллемаде — черные укороченные юбки, заложенные глубокими круговыми складками, еще больше подчеркивающими крутость бедер, и открывающие почти до колен крепкие икры в красных чулках с черными стрелками; белые рубашки с короткими рукавами и вырезами такой глубины, что золотистые ядра грудей едва не вываливались из корсажа. Волосы девицы густо намасливали и гладко расчесывали, так что головы у всех трех блестели, словно полированные деревянные шарики, а на щеки укладывали круто завитые локоны.

Такой наряд шел им необыкновенно, но Бранвен ощущала что-то похожее на страх, когда эти богини плодородия с оголенными шеями, руками и ногами принимались натягивать на госпожу узкое платье с закрытым воротом и шлейфом на два локтя.

— Это неприлично для женщины... так оголяться... — сказала как-то Бранвен, когда ее слышал один Эфриэл.

— И в самом деле, — отозвался сид, почесывая подбородок и выглядывая в окошко кареты, чтобы лишний раз посмотреть на трех девиц, — я бы их отшлепал за такую

распущенность.

— Ты невозможен! — не выдержала Бранвен и больше об этом не заговаривала.

В довершение ко всему, служанки считали, что служба у госпожи — занятие для их собственного удовольствия. Они могли бросить Бранвен одну вечером и уйти к кострам, чтобы перекидываться шуточками с мужчинами, пить пиво и плясать диковатые южные танцы. Возвращаясь, они немилосердно дышали на молодую графиню хмелем, отчего у той кружилась голова. Отяжелев от выпитого, служанки налетали на опорные столбики палатки, роняли вещи хозяйки и смеялись над собственной неуклюжестью. Утром они никогда не будили графиню, стоя почтительно у входа в шатер, а вваливались внутрь все трое, громко болтая и хохоча. Бранвен подскакивала с бьющимся сердцем, не понимая спросонья, что происходит. Подобная беспардонность выводила ее из себя, но все ее попытки обучить служанок правилам приличия заканчивались плачевно. Громогласная троица внимательно выслушивала ее претензии, недоуменно переглядывалась и... продолжала поступать по-своему. Бранвен приходила в отчаянье, и когда девицы уходили, бранилась от души, чем весьма веселила Эфриэла.

Бранвен подумывала пожаловаться мужу, но боялась надоедать ему женскими разговорами. Перед отъездом матушка сделала ей строгое внушение, что жена должна решать все хозяйственные дела сама, в том числе и управляться со строптивыми слугами. Мужчины ненавидят подобное, и жалобы ни к чему хорошему не приведут.

В конце концов, молодая графиня утешилась, что после приезда она сразу удалит невеж от себя и наберет в служанки милых, скромных и послушных девиц.

Но вскоре служанки и вовсе обленились. Теперь ухаживать за хозяйкой они приходили по двое, а то и вовсе заявлялась одна. На вопрос, куда пропали остальные, обычно следовал ответ: заняты.

— Чем таким важным они могут быть заняты? — кипела Бранвен, оставаясь одна (Эфриэл не в счет). — Разве у них есть более важные дела, чем прислуживать своей госпоже?!

Сид выслушивал ее возмущения, расслабленно валяясь на постели.

— Зачем ты высказываешь претензии мне? — спросил он однажды. — Почему бы тебе не сказать это им?

Бранвен сразу замолчала и понурилась. Она не могла даже представить, что сможет призвать к ответу трех нахалок, которые стояли друг за друга горой и при каждом удобном случае не брезговали выставить Бранвен перед супругом в невыгодном свете.

Верховодила ими Адончия — особа столь же дерзкая, сколь и миловидная. Мужчины слетались к ней, как шмели на мед. И ей не надо было прикладывать для этого никаких особых усилий — только дышать. Она держалась с госпожой особенно заносчиво и отсутствовала чаще других. А когда снисходила появиться в шатре, чтобы перестелить постель или принести кубок с водой и ужин, в шатер поминутно заглядывали солдаты, ничуть не стесняясь Бранвен и вызывая Адончию на разговор. Однажды Бранвен не выдержала и сделала ей замечание, намекнув, что длительные и частые отлучки не украшают женщину, и пригрозила, что расскажет обо всем лорду Освальду.

— Так за чем же дело стало, благородная пейнета? — спросила Адончия, ничуть не испугавшись. Она только что расчесала Бранвен и теперь укладывала ее волосы в прическу замужней женщины, заплетя две толстые косы и уложив их тугими кольцами на макушке. — Бегите быстрее, жалуйтесь. Только не забывайте, что путь до Аллемады долгий, а мне

придется ухаживать за вами еще много, много дней, — и она вонзила в затылок хозяйке острую шпильку. Бранвен закричала, вырываясь и хватаясь за голову. На ладони остались пятна крови.

— Что ты наделала, злодейка?! Теперь я точно пожалуюсь мужу!

Адонция ответила ей ленивой улыбкой.

— Эй, лучше бы ты сидела тихо, маленькая леди, — подал голос Эфриэл, который наблюдал эту сцену с начала и до конца.

— А тебя никто не спрашивает! — огрызнулась Бранвен, ничуть не заботясь, что служанки все слышат.

Тут же послали за сэром Освальдом, и он явился. Он только что приехал с охоты, богатый костюм насквозь пропылился, а светлые волосы стали темными, пропитавшись потом. Пока Бранвен говорила обличительную речь, лицо сэра Освальда становилось все более усталым.

— Зачем ты это сделала? — спросил он у Адонции, не выказывая ни возмущения, ни гнева.

— Я нечаянно, благородный гранголо Освальдо, — ответила служанка, приседая в поклоне и смиренно складывая руки под передником. — Благородная пейнета не могла и минуты посидеть спокойно, она дернулась и совершенно случайно я уколола ее.

— Ты лжешь! — вскричала Бранвен, до самого сердца возмущенная таким лицемерием. — Ты сделала это нарочно!

Лорд Освальд перевел страдающий взгляд на жену, и Бранвен осеклась.

— Миледи, — мягко сказал ее муж, — чем поднимать ссору на пустом месте, не лучше ли посидеть спокойно, пока служанки занимаются вашими волосами? Недовольны этой, пусть вас причешет другая. С вашего позволения, я пойду. Хотелось бы помыться и отдохнуть.

Он раскланялся и удалился, а Бранвен так и осталась стоять столбом, униженная и несчастная. Адонция поклонилась ей с преувеличенной вежливостью и выплыла из шатра, как лодка под парусами во время попутного ветра. Вслед за ней поспешили и ее товарки, вполголоса пересмеиваясь на своем щебечущем языке.

Двигаясь, как деревянная, Бранвен подошла к постели и упала ничком, зарывшись лицом в подушку. Эфриэл, выждав немного, потряс ее за плечо, проверяя, живая ли и не потеряла ли сознания.

— Я же говорил, чтобы ты не поднимала шума, — сказал он.

— Это невыносимо, — ответила она глухо, в подушку. — Я опозорена и унижена служанкой!

— Ты еще такое дитя, — вздохнул Эфриэл, вытягиваясь рядом с ней.

Они уже привыкли делить постель на двоих. И если раньше Бранвен просыпалась от любого случайного прикосновения, то теперь это стало таким же привычным и незаметным, как дыхание. Вот и теперь ее мысли занимала мерзкая Адонция, а не голый призрак, расположившийся в ее постели.

— Я не переживу этого позора, — сказала она.

— Переживешь. И впредь будешь умнее.

Бранвен приподнялась, подозрительно глядя на сида:

— Ты что-то знаешь?

— Скажем, так, — было видно, что Эфриэлу признание дается нелегко, и он

колеблется. — Есть вещи, на которые супруге благородного господина лучше закрывать глаза...

— Ты хочешь сказать, эта девка — любовница моего мужа?! — Бранвен села так резко, что чуть не сбросила сиду на пол.

— Ну, может она просто охраняет его по ночам, как верная сука.

— Она ночует в его шатре?!

— Клянусь всеми травами Айрмед! Неужели ты так наивна, маленькая гусыня? Об этом знают все, кроме тебя.

— И ты знал? — силы вдруг оставили Бранвен. — И ничего не сказал мне?

Она посмотрела с такой болью, что Эфриэл показался себе последней скотиной.

— Не надо принимать это близко к сердцу, дитя, — сказал он ворчливо. — Подумаешь, твой супруг завел грелку в постель.

Бранвен вскочила и забежала по шатру.

— Для тебя это ничего не значит, — запальчиво сказала она. — Но для меня нарушение супружеской верности — подобно смерти!

— Да брось, никто еще от этого не умирал. К тому же, ты сама хотела провернуть нечто подобное.

— Я?!

— Ты же обещала мне вторую ночь. Забыла? Или обманула меня?

Бранвен в отчаянии заломила руки:

— Как можно сравнивать! С тобой все совсем по-другому. Ты не человек, и помочь тебе — мой долг. Тут нет места чувствам! А то, что лорд Освальд привечает эту... эту... — она топнула. — Но я заставлю его вспомнить о священных узах! Он клялся мне ярким пламенем!

— Да-да. И задрожит от страха, едва ты об этом напомнишь, — Эфриэл покачал головой. Его глубоко уязвили слова Бранвен о долге и отсутствии чувств, но он старался выглядеть невозмутимым. До чего легко женщины умеют оправдываться: я, мол, изменю мужу, но это ничего не значит, это мой долг и ла-ла-ла. А вот муж, который честно завел любовницу, должен гореть на костре в преисподней. Все же, он решил дать ей совет: — Не делай глупостей, гусыня. Просто представь, что ты ничего не знаешь, и веди себя спокойно.

— Разве такое возможно?!

— Только все испортишь, — сказал сид, но уже понял, что легче остановить дождь, чем эту девицу. При всей своей мягкости она умудрялась быть упрямой, как сто ослов.

В этот же вечер Адонция не явилась в шатер, чтобы приготовить госпожу ко сну.

— Где ваша подруга? — спросила Бранвен, глядя на Тонию и Чикиту с неприязнью.

— Она занята, благородная пейнета, — ответила Чикита, доставая из кофра ночную рубашку и чепец.

— И чем это она занята? — потребовала Бранвен ответа. — Где она сейчас?

Служанки переглянулись, и Тония фыркнула. Этого оказалось достаточно, чтобы Бранвен бросилась в бой.

— Она у моего мужа, не так ли, змеищи? — спросила нежная леди и выбежала вон с проворством, которого от нее трудно было ожидать. Вслед ей неслись вопли служанок, а Эфриэла сдернула с постели колдовская сила и поволокла за той, к которой он был привязан невидимыми цепями заклинания.

Не слишком приятно, когда тебя тащит по пыльной дороге. Особенно, когда ты не успел встать и пашешь носом. Приложившись несколько раз о камни, Эфриэл смог-таки подняться

на ноги. Он отплеывался от грязи и сухой травы, попавших в рот, и только поэтому не припомнил вслух бобра, угря и старую сводню. Нетрудно было понять, куда полетела пустоголовая гусочка. Эфриэл поднажал, чтобы успеть перехватить ее до того, как она ворвется к муженьку и наделает глупостей, но опоздал всего лишь на секунду.

Бранвен поднырнула под руку грума, сторожившего вход в хозяйский шатер, отдернула занавесь и застыла на пороге, приоткрыв рот и жалобно моргая.

Лорд Освальд возлежал на постели, потягивая фалернское, а у его ног сидела Адончия и закалывала гребнем рассыпавшиеся волосы. Не нужно было объяснять, для чего она тут примостилась — кофта ее была спущена с загорелых плеч, во всей красе показывая тугие груди с коричневыми сосками, большими, как рожки козленка. При появлении Бранвен, служанка не спеша заправила оголенные тела в корсаж и затянула шнуровку. Она делала это со спокойной неторопливостью, будто находилась в спальне наедине с зеркалом.

— Что это? — спросила Бранвен тонко и зло. — Потрудитесь ответить, милорд.

Лорд Освальд смотрел на жену затуманенным взглядом, и Эфриэл подумал, что вино уже ударило ему в голову.

— Лучше бы тебе уйти, маленькая леди, — сказал сид. — Неразумно, что ты сюда заявила. Подумай обо всем до утра и...

— Ты еще здесь? — Бранвен, не слушая сиду, надвинулась на Адончию. — Немедленно убирайся! Я не желаю видеть тебя рядом с моим мужем.

— Неправильно, совсем неправильно, — Эфриэл досадливо прищелкнул языком

Адончия не обратила никакого внимания на приказ и не потрудились встать. Она повернулась к лорду Освальду и спросила:

— Мне удалиться, гринголо Освальдо?

Он кивнул, отставляя бокал с вином:

— Да, пока иди.

Служанка поднялась и величественно проплыла мимо Бранвен, не удостоив ее взглядом. Зато Бранвен испытывала все муки ревности и обиды, а слово «пока» резануло ее сердце ножом.

— Нахалка! — не сдержалась герцогиня, сжимая кулаки.

— Зачем вы здесь, миледи? — спросил лорд Освальд. — В такой час вам полагается отдыхать. Завтра трудная дорога.

— Как я могу отдыхать, милорд? — голос девушки зазвенел. — Как вы могли нанести мне такое чудовищное оскорбление?

Лорд Освальд пригладил волосы и подергал себя за бородку, собираясь с мыслями.

— Мне жаль, что я огорчил вас, — сказал он. — Но если бы вы не ворвались в мой шатер, нарушив этикет, ничего не произошло бы.

— То есть, если бы я ничего не узнала, все было бы в порядке? Не верю, что слышу это от вас милорд!

— Дорогая моя леди, — было видно, что герцогу не хотелось продолжать разговор, — вам лучше успокоиться и вернуться к себе. Повторяю еще раз: мне жаль, что я доставил вам огорчения. Но все мои дела и помыслы — лишь для вашего и о вашем благе. Вас вверили мне у алтаря, и я буду хранить и уважать вас, как небесную голубку, как мою супругу и...

— Уважать, но не любить?!

— Хватит! Оставь его, — Эфриэл схватил Бранвен за руку повыше локтя и попытался вытащить из шатра, но девушка вырвалась и вплотную приблизилась к мужу.

— Почему вы выбрали ее, а не меня?! Разве она лучше меня, милорд?

Поднявшись, лорд Освальд вздохнул и погладил Бранвен по голове, как несмышленного ребенка:

— Именно потому, что вы мне дороги, миледи, я так и поступаю. Ваша матушка должна была объяснить вам... По приезду в Аллемаду...

— Я не слабосильное существо! — вскричала Бранвен, вцепившись в шнуровку платья и безуспешно пытаясь ее распустить. — Я смогу выносить ваших сыновей, даже если мне придется ехать верхом до вашего замка через всю Эстландию и Норсдейл в придачу!

— Миледи, ведите себя соответственно вашему положению. Вы кричите на весь лагерь, — лорд Освальд перехватил руку жены, не давая снять платье. — Вернитесь к себе, а завтра мы поговорим. Проявите благоразумие...

Эфриэл ухватил Бранвен за кушак и потянул к выходу. Глупая девчонка! Да какой нормальный мужчина захочет ее после воплей, слез и самоуничтожения. Но она не вняла голосу разума и снова вырвалась, всматриваясь мужу в лицо.

— Милорд! Я не потревожу вас до самой Аллемады, если пообещаете, что эта девка больше и шагу не ступит в ваш шатер.

Лорд Освальд отвел взгляд и опять пригладил волосы и усы.

— Смею заметить, миледи, не пристало женщине вмешиваться в мужские дела. Подите к себе и займитесь прядением или вышиванием. Если хотите, я прикажу достать арфу, чтобы вы могли играть в дороге.

— Вы не откажетесь от нее?! От этой служанки? А как же клятвы перед ярким пламенем?.. Я — ваша жена! Я требую!..

— Безмозглая гусыня... — выдохнул Эфриэл. Боги ведают, почему он так переживал за глупышку, вздумавшую призвать мужа к ответу за любовницу. Подумать только — за любовницу! Как будто он кусок хлеба у сироты украл.

— Я из Роренброков и не потерплю, чтобы рядом с вами была чужая женщина! — кричала тем временем Бранвен. Она вцепилась в камизу[1] мужа и попыталась его встряхнуть.

Короткая пощечина мигом привела ее в чувство. Вопли прекратились, как по волшебству, а сама Бранвен застыла, прижимая ладонь к щеке.

— Мне очень жаль, миледи, что пришлось прибегнуть к столь суровому средству, — произнес лорд Освальд, не изменив ни выражения лица, ни тона, — но иного способа не было. Извольте вернуться к себе. Я никогда не бил женщину, и не хотел бы начинать с вас, моей супруги. Мы поговорим завтра, когда вы сможете мыслить здраво.

— Пошли, пошли, — Эфриэл за кушак потащил Бранвен прочь. На сей раз она не упиралась, не сопротивлялась и покорно позволила себя увести. Поодаль крутились служанки во главе с Адончией, и та не сдерживала злорадства — так и сияла. Эфриэл не сомневался, что стоит им с Бранвен уйти, девица тут же нырнет под занавес милордова шатра.

— Говорил же — ничего хорошего не выйдет! Глупышка, только себе навредила, — Эфриэл затолкал Бранвен в шатер, пряча от любопытных рыцарей и челядинцев, и усадил девушку на складной стульчик. — Приди в себя. Это не сказки и не рыцарские баллады, это жизнь.

Он был сердит на нее. Получила по холеной мордочке, сама виновата! Вела бы себя умнее, и мордочка бы не пострадала. Намочив в кувшине первую попавшуюся тряпку, он

протянул ее Бранвен:

— Приложи, будет не так больно, и следа не останется.

Но девушка продолжала сидеть, держась за щеку и глядя невидящими глазами куда-то поверх головы сиды.

— Эй! — Эфриэл легонько потряс ее за плечо.

Взгляд Бранвен стал осмысленным, брови жалобно изломились, губы задрожали, и слезы хлынули дождевым потоком:

— Он ударил меня! Мой муж ударил меня!

— Еще мало! — грубовато заметил сид, заставляя ее открыть щеку и прикладывая к месту удара холодную примочку. — Я бы тебя убил, если бы ты помещала мне с бабой.

— Лучше бы убил... лучше бы я умерла... — она забилась в рыданиях, уронив тряпку, вскочила и кинулась куда-то бежать.

Эфриэл поймал ее и прижал лбом к своей груди, укачивая, как младенца.

— Тише, тише. Подумаешь — пощечина. Я от тебя получил целых три, и ничего — жив-здоров. Э-э, не знаешь ты, как благородные господа лупят жен!

Она воззрилась на него с таким ужасом, что он поторопился исправиться:

— Не все, конечно. Твой муж не станет тебя бить.

— Но он уже ударил меня... — с упреком ответила Бранвен, как будто это Эфриэл был виноват.

Ночью Эфриэл то и дело просыпался, потому что Бранвен ворочалась и тяжело вздыхала, но стоило ему пошевелиться — таилась, как мышка. Проснувшись в очередной раз, Эфриэл с раздражением подумал, что больно уж она нежна, эта леди Рори. Ей слегка поддали, и она уже готова умереть. Ему вдруг вспомнились события очень, очень давние. Такие давние, что сейчас виделись смутно, как сквозь пелену тумана. Старшие братья — законные сыновья, сиды чистой крови, как они себя величали — в потешном поединке отлупили его до потери сознания, сломав одну руку и пальцы на другой. Чтобы знал свое место, сказали они тогда, и не мечтал прыгнуть выше головы. Сколько ему было? Девятнадцать или двадцать. Странно, что первые сто лет жизни помнятся по годам — вот здесь было десять, здесь двадцать, а тут шестьдесят четыре, в потом все мерится на сотни. Папаша, наверное, считает тысячами. Левая рука заныла возле локтя, хотя Эфриэл знал, что никакой телесной боли нет в помине — она у него в голове. Несколько переломов и синяков, пара шишек — это ничто для истинного сиды. Неделя в постели — и снова готов есть-пить и наслаждаться. Но его раны не затянулись и за две недели, а сам он стремительно слабел и уже перестал есть. Папаша тогда сказал, что такие слабаки и рождаются от дурной крови, и перестал даже интересоваться — жив или уже умер его сын от проклятого племени. И тогда появилась Айрмед. Пришла не тайком, а заявила прямо к княжескому трону. Братья сначала подняли ее на смех, но папаша разрешил лечить — в конце концов, своей серебряной рукой он был обязан и Айрмед, ведь это она помогала Мидаху, когда тот врачевал однорукого калеку, изгнанного и всеми покинутого.

Айрмед не умела лечить раны и сшивать печень. В этом ей было далеко не только до Мидаха, но и до отца — Мор Кехта, главного лекаря среди сидов. Зато она знала травы, как никто другой, и сразу догадалась, что его болезнь была не от переломов, а от израненного сердца. Она зажигала курильницы с ароматной смолой, поила Эфриэла травяными настоями с медом и молоком, и развлекала разговорами. Поначалу он дичился ее, но потом оттаял, стал отвечать на вопросы, смеяться и вскоре пошел на поправку.

Вскоре после того, как он встал на ноги, Айрмед покинула город Финнеас, но каждую новую встречу с ней Эфриэл ждал с нетерпением и радостью. Он понял свою любовь просто и однажды попросил врачевательницу утишить его страсть. Когда все закончилось, он не почувствовал удовлетворения, а ощутил себя замаранным. Наверное, то же чувствовала и Айрмед, потому что после того случая не обижалась, что он перестал искать ее постели, а вела себя так, ровно ничего и не произошло. Эфриэл не смог не оценить подобной доброты, и любил ее все больше и больше, не желая. Сначала это пугало — разве можно любить женщину и не хотеть ее? Но со временем пришло спокойствие и понимание. Можно любить, не желая, и эта любовь будет самой долгой и крепкой.

Она много рассказывала ему, Айрмед-травозная. Что бывают болезни, которые возникают от сердечного потрясения. И это самые опасные болезни, потому что лечить сердце, на котором нет ран — дело трудное, почти невозможное. Вдруг то же самое случилось и с Бранвен? Умеют ли в этом мире лечить невидимые раны сердца?

Сид лежал без сна, прислушиваясь к дыханию Бранвен. Девушка задремала только под утро, и Эфриэл боялся шевельнуться, чтобы не потревожить ее. Нога совсем затекла, но он пролежал не двигаясь до самого рассвета, пока снаружи не послышались звуки просыпающегося лагеря, не начали всхрапывать кони и не зазвенела сбруя.

В этот день лорд Освальд не подошел к жене для объяснений. Бранвен следила за ним большими глазами. Она как обычно подошла с полотенцем и хотела заговорить, но муж принял полотенце из ее рук, скупой поблагодарил и отговорился делами. Не последовало объяснений и на второй день, и на третий.

Теперь дорога в Аллемаду превратилась в сущее мучение. Бранвен молчала, глядя в окно, и думала о чем-то своем. Эфриэл пробовал дразнить ее, но девушка на насмешки не отвечала, и забава сама собой провалилась. Большую часть суток он спал, просыпаясь, когда карета подскакивала на ухабах.

В одно из таких пробуждений, он проснулся и сразу почувствовал, что тишина в карете неестественная. Он замер, напрягая слух, и вскоре услышал короткий судорожный вдох. Высокомерная леди плакала. Вот что это означало. В груди все сжалось от странного щемящего чувства. Один раз он уже видел, как она плакала и не смог вынести ее слез. Но теперь она плакала по-другому, тайком, таясь даже от него.

Приподнявшись на локте, Эфриэл посмотрел на Бранвен с беспокойством. Она ничком лежала на сиденье, укрывшись подушками, и старалась потише шмыгать носом.

— Что случилось, девочка? — спросил он, обеспокоенно.

Она затаилась, притворившись, что спит.

— Неужели ты хочешь обмануть меня? — спросил сид, усевшись рядом и осторожно потянув ее за рукав. — Ну-ка, выкладывай, почему у нас глаза на мокром месте?

Бранвен долго сопротивлялась, прежде чем показала нареванное лицо, распухшее, с красными веками.

— Испортила такую красоту, — мягко пожурил ее Эфриэл. — И как пить дать — из-за какой-нибудь ерунды.

Бранвен бросилась ему на шею, и правда вылилась наружу с потоком слез.

— Ты был прав, я — глупая, никчемная уродина, — бормотала девушка, заливая слезами его грудь, — мой муж не хочет меня... Все эти разговоры о том, чтобы лучше друг друга узнать — это только отговорки. На самом деле он и не старается узнать меня, я просто... племенная кобыла, которую он купил и поставил в конюшню до лучших времен.

— Эй, что за слова, маленькая леди?! А как же твое воспитание?

— Но это правда, — она снова разразилась слезами. — За что мне все это? Чем я ему не понравилась? Я старалась быть доброй женой... старалась! Яркое пламя видит мои старания! Но почему-то он предпочитает ее, эту вульгарную девку! Меня не замечает, меня как будто нет!

— Если хочешь, чтобы мужчины обращали на тебя внимание и восхищались тобой — никогда не занимайся самоуничтожением, — сказал Эфриэл. — Нет никого противнее женщины, которая не ценит себя.

Бранвен вытерла глаза и нос батистовым платочком и несколько раз всхлипнула.

— Как же мне поступить? — спросила она.

Эфриэл уставился на нее в немом изумленье.

— Помоги мне, пожалуйста, — смиренно сказала Бранвен. — Тебе ведь все известно о науке любви. Как сделать, чтобы муж посмотрел на меня иными глазами?

— Предлагаешь мне быть сводником между вами? Да ты с ума сошла, маленькая гусыня.

Бранвен вытерла слезы и твердо сказала:

— Ты хочешь вернуться домой или нет? Чем быстрее лорд Освальд окажется в моей спальне, тем быстрее ты получишь свою ночь.

Некоторое время Эфриэл мрачно смотрел на девушку, глаза которой горели лихорадочным огнем, а щеки так и пылали.

— Теперь я еще должен укладывать тебя к нему в постель, — заворчал сид. — Ты — глупая, бесполезная...

— Да, я именно такая! — крикнула Бранвен, заливаясь слезами. — Но я хочу измениться! И обещаю, что буду послушной ученицей. Расскажи мне, как должна вести себя женщина, чтобы мужчина пожелал ее?

Эфриэл посмотрел на нее и тут же отвел глаза. Она сама не ведала, что говорила, эта девочка.

— Ты столько видел женщин, ты все о них знаешь, — продолжала она, хватая его за плечи. — Расскажи, как они вели себя, как покоряли мужчин? Всю жизнь меня учили, как стать хорошей женой, но как стать любимой — никто не обмолвился ни слова. Мы связаны с тобой странными узами, и не зря небесный огонь свел нас... В этом мире ничего не происходит зря. Помоги мне, во имя всего, что для тебя свято.

И Эфриэл сдался.

— Хорошо, — мрачно сказал он. — Только уговор — слушаться, — он протянул руку, и Бранвен пылко ее пожала, заранее согласная на все.

— Прежде всего — дай ему полную волю. Прекрати за ним бегать. Больше никаких встреч мужа с охоты, посиделок рядом с ним возле костра и набегов в его шатер.

— Но как же...

— Поближе узнать друг друга? Успеешь узнать. Лет через десять он надоеет тебе, хуже гнилой прошлогодней репы. Во-вторых, больше никаких упреков по поводу любовницы и не пытайся удержать эту толстозадую при себе. Пусть идет, куда ей вздумается. Не выказывай ни злости, ни раздражения. И подари ей что-нибудь... да хоть вот эти серьги из бирюзы. Они же ей, вроде, понравились?

— Но это — подарок моего мужа! — ахнула Бранвен и отрезала: — Ни за что.

— Ты обещала слушаться, — напомнил Эфриэл.

— Но это подарок... — Бранвен чуть снова не пустила слезу. Она открыла шкатулку, в которой лежали ее драгоценности, и достала серьги. Это было первое украшение, которое молодой супруг подарил своей юной супруге, и она особенно ими дорожила. Серьги были из диковинного камня, какой в Вудшире не видели — голубого, не прозрачного, удивительного оттенка, как морозное небо. Говорили, что у королевы есть огромное ожерелье из бусин подобного камня, но она его бережет и старается надевать пореже. Поэтому Бранвен была рада подарку вдвойне. Лорд Освальд предупредил ее, что камень этот — чрезвычайно капризен, и может потрескаться от сильного холода или изменить цвет от жары. Осторожная Бранвен надевала подарок лишь раз — на свадебный пир, а потом спрятала в шкатулку, чтобы редкостный камень не испортился. Однажды она застала Адончию, беззастенчиво рывшуюся в ее драгоценностях. Служанка достала подаренные графом серьги и всю любовалась собой, прикладывая их к ушам. Надо сказать, камни шли ей бесподобно, став особенно яркими на фоне ее смуглой кожи и угольно-черных волос. Бранвен тогда раскричалась, отобрала серьги и надавала бы нахалке пощечин, если бы не побоялась получить пощечину в ответ, о чем Адончия ей недвусмысленно заявила. И теперь — подарить этой мерзкой женщине такое чудо?..

— Невозможно! К чему подобная щедрость?!

Эфриэл поскуцнел и развалился на подушках сиденья, теряя к происшедшему интерес.

Бранвен закусил губу. Она только что пообещала слушаться во всем, и вот уже принялась спорить.

— Хорошо, — сказала она, доставая серьги, чтобы полюбоваться ими в последний раз. — Я подарю этой горгулье серьги. Что дальше? Мне надо подарить ей еще и венчальное платье?

— Она в него не влезет, — отозвался Эфриэл, не открывая глаз. — Когда будешь дарить серьги, будь мила до приторности. А когда к тебе придет муж, скажешь ему... — и он медленно, смакуя каждое слово, разъяснил глупой смертной девице, как ей надо вести себя с супругом.

[1] Камиза — рубашка

Когда разбили лагерь, и от костра потянуло соблазнительным запахом жареной на вертеле дичи, служанки явились, чтобы накрыть стол и переодеть госпожу ко сну. Они ожидали слез, проклятий, а может и буйства, но госпожа встретила их без малейшего раздражения. Она сидела на постели, поджав ноги, и сама с собой играла в шатрандж. Бесполезнее занятия не придумаешь, но девицы встречали благородных дам и с еще большими странностями.

— Добрый вечер, красавицы, — приветствовала их Бранвен. — Адонция, возьми серьги, которые тебе понравились, это — подарок. Я была несправедлива, не хочу, чтобы ты дурно обо мне думала. И можешь идти, дорогая, сегодня я обойдусь без тебя. А вы, девушки, оставьте тарелки и тоже идите. Я сама разденусь.

Служанки переглянулись, подозревая подвох, но серьги лежали на столе, а госпожа опять обратилась к игровой доске, и казалась всецело поглощенной обдумыванием позиции, которую заняли фигуры на клетках.

— Вы так добры, пейнета, — промолвила Адонция, протягивая руку к подарку. Она вдела серьги в уши и посмотрелась в хозяйское зеркало. — По-правде сказать, при вашем бледном личике и светлых волосах, голубые камешки были бы кстати, но мне они идут больше — тут и сказать нечего.

Оставив кушанья, служанки удалились, галдя на своем языке. Скорее всего, они обсуждали удивительные перемены, произошедшие с госпожой, а Бранвен едва не скрежетала зубами.

— Наверняка они решили, что лорд Освальд задал мне хорошую взбучку! — негодовала она. — Или что я задумала подольститься к ним!

— Какое тебе дело, что они там решат? — спросил Эфриэл, передвигая коня. — Ты когда-нибудь ловила рыбу?

— Нет. Но когда была маленькая, камердинер отца брал нас с Эмер на озеро, и я видела, как он ловил щук.

— Тогда ты поймешь, о чем я, — Эфриэл широко улыбнулся и почесал живот. — Эти вот твои серьги... считай, что ты бросила наживку, а щука ее заглотила.

Подарок не остался незамеченным, и на следующее же утро лорд Освальд явился к карете перед самым отправлением каравана. Он дернул ручку, но дверца не поддавалась, закрытая изнутри. Зато открылось смотровое окошечко, и оттуда раздался нежный голос герцогини:

— Что-то случилось, милорд?

— Доброе утро, миледи, — учтиво приветствовал жену лорд Освальд. — Ничего не случилось. Но я увидел, что вы подарили служанке серьги, которые были преподнесены по случаю венчания...

— О, вам не стоит раздумывать над такими мелочами! — раздалось из кареты, но сама герцогиня так и не выглянула. — Меня мучила совесть, ведь я несправедливо обошлась с бедной девушкой. А раз и вы ее выделяете, я посчитала, что подобный подарок будет знаком признательности от нас обоих. Вы ведь не против, милорд? Но поторопитесь! Караван вот-вот отправится, не надо задерживать — кони начнут беспокоиться.

Окошко со стуком захлопнулось, и лорду Освальду ничего не осталось, как убраться.

— Он обидится и больше никогда не подойдет ко мне, — прошептала Бранвен, глядя вслед мужу через щелку между дверью и косяком.

— Глупая. Он же впервые пришел к тебе сегодня, — фыркнул Эфриэл.

— Да, чтобы выразить недовольство.

— Что же он его не выразил?

— Потому что ты сказал, чтобы я прогнала его, вот я и прогнала.

— Маленькая глупая гусыня! — сид начал терять терпение. — Ты себя слышишь? Разве имеют значение какие-то намерения, которые ты приписала своему мужу где-то там у себя в голове? Он пришел? Пришел. Все остальное — неважно.

Бранвен замолчала, обдумывая его слова.

— Пожалуй, ты прав, — сказала она неуверенно. — Прости, я была резка. Что мне делать дальше?

— Замараться, а потом блистать.

— Замараться? Ты хочешь, чтобы я ходила грязная? — она с содроганием посмотрела на непросыхающую дорожную грязь, и этим сильно рассмешила Эфриэла.

— Не бойся, я не заставлю тебя валяться в луже, как свинью с заднего двора, — поддразнил он.

Согласно плану сида, Бранвен должна была как можно реже показываться на глаза мужу и носить лишь самые простые платья, вовсе не заботясь о прическе и украшательстве. На опасения Бранвен, что граф станет презирать жену-замарашку, Эфриэл только возвел глаза к потолку, и девушке пришлось смириться. В конце концов, она сама попросила сида о помощи.

Две недели показались ей сплошной мукой. Лорд Освальд совсем позабыл про жену, полностью отдавшись охоте и забавам с Адончией. Девушка оказалась на редкость криклива — по ночам ее вопли и стоны оглашали всю округу. Бранвен затыкала уши и пряталась под подушку, чтобы их не слышать. А поначалу она думала, что это кричит тупик. Наивная! Всем известно, что тупики не селятся в лесах!

По настоянию Эфриэла, Бранвен отказалась от услуг служанок почти полностью. Особенно это касалось Адончии — ее герцогиня отправляла прочь сразу же, как только девушка касалась полога шатра.

— Не стоит утруждать себя, дорогая, — приветливо говорила Бранвен. — Ты и так устаешь — ведь приходится трудиться и денно, и ночью, — тут она старательно подмигивала служанке — этому ее тоже обучил Эфриэл. — Ужин принесут Чикита и Тония, а умыться я и сама смогу. Иди, милорд, наверное, уже заскучал!

Подобные речи давались ей с трудом, и вместо показного дружелюбия хотелось расцарапать сопернице лицо. Но Эфриэл сказал, что так надо, и она подчинилась. Теперь девушка почти не выходила из шатра во время привалов, а днем пряталась в карете. Они с Эфриэлом играли в шатрандж и болтали обо всем на свете, чувствуя себя жителями пустынного острова. Лорд Освальд три раза посылал грума, чтобы справиться о здоровье герцогини, но ответ всегда был одинаков: все хорошо, милорду не стоит беспокоиться.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — говорила Бранвен, вздыхая.

— Не беспокойся, — отвечал сид снисходительно. — Просто слушай и запоминай на будущее. Надеюсь, что не проторчу возле тебя больше года.

— Больше года?! Нет, это невозможно, — торопливо сказала она. — Это было бы

слишком обременительно для меня.

— Это было бы обременительно для меня, — поправил ее Эфриэл.

Однажды он велел Бранвен взять зеркало и держать его перед собой.

— Это будет какое-то заклинание, которое сделает меня красивой? — сгорая от любопытства, спросила девушка, разглядывая собственное отражение.

— Хватит с меня заклинаний. И с тебя тоже. Таким, как ты, они все равно без толку, — заявил сид и приказал: — Представь, что твой муж сидит слева, заговаривает с тобой, и ты должна посмотреть таким взглядом, чтобы у него сразу стало тесно в штанах.

— Фу, как грубо! — возмутилась Бранвен.

— Хорошо, — поправился сид, — чтобы у него дрогнуло сердце. Так не грубо?

Бранвен глубоко вздохнула, а потом посмотрела в сторону, как и положено доброй жене — кротко, с покорством, вниманием и нежностью.

— Никуда не годится! Ты таращишь глаза, точно лягушка на болоте. От такого взгляда у него точно в штанах станет тесно, но с другой стороны.

— Как же я должна смотреть, о учитель? — съязвила рассерженная Бранвен.

— Смотри полуприкрыв веки, чуть подрагивая ресницами, пошли взглядом осеннюю волну.

— Осеннюю волну? — Бранвен смотрела в зеркало, отводя его то вправо, то влево. — Ничего не понимаю. Какая волна? И почему — осенняя? Просто Адончия красивее меня и...

— Запомни, — наставительно сказал сид, — с твоей красотой можно у Норсдейла короля отбить, а не то что у какой-то свинарки. Но что толку от красоты, если не умеешь ею пользоваться?

— Я вовсе не красива, — возразила Бранвен. — Вот если бы ты видел мою старшую сестру Айфу...

— Если у тебя есть меч, это еще не значит, что ты — воин. Так и ты. Красота — твой меч, но что толку, если он пылится под кроватью? Научись им пользоваться. Вооружись и победи соперницу. Посылая взгляд мужу, смотри томно и немного холодно, от твоего взгляда у него все внутри должно заохладить и обмереть, именно поэтому древние говорили, что у очаровательной женщины все взгляды — как осенняя волна.

Он взял Бранвен двумя пальцами за подбородок, склонил голову и послал из-под ресниц такой многообещающий взгляд, полный затаенной страсти, но в тоже время небрежный, что девушка задрожала осиновым листиком.

— Попробуй сделать так же, — велел сид.

На этот раз Бранвен понадобилось больше пары вдохов, чтобы собраться с мыслями и силами. Она несколько раз попыталась повторить осенний взгляд, и, наконец, Эфриэл ее похвалил:

— Немного лучше. Не выворачивай шею, как гусыня, коси глазами. Взгляд искоса вливается, как кинжал, брошенный из-за угла. А теперь улыбнись. Представь, что улыбаешься мужу.

Бранвен улыбнулась, как и положено благовоспитанной девице — уголками губ, и сид опять остался недоволен.

— Не улыбка, а гримаса. Можно подумать, ты села на гвоздь и боишься в этом признаться. Улыбнись, чтобы зубы стали видны. У тебя такие красивые зубки, маленькая леди, а ты все время их прячешь. Не смешно ли, владея подобной приманкой прятать ее от рыбы?

Повторив попытку, Бранвен опять не угодила строгому наставнику — на сей раз слишком сильно растянула рот, и сид обозвал ее волчицей.

— Не улыбайся широко, не показывай все зубы сразу. Чуть приподними верхнюю губу, чтобы жемчужинки едва обозначились. Излишняя откровенность отталкивает так же, как чрезмерная скромность. Никогда не давай мужчине вдосталь насладиться твоими улыбками, любовью и преданностью, оставляй хоть немного про запас. На всё скупись. Ведь манит яблоко на вершине дерева, а не падалица.

Бранвен и верила, и не верила. Но своих планов, как вырвать мужа из лап жадной Адончии, у нее не было, поэтому приходилось следовать чужим советам.

А дорога за окном преобразилась. Леса сменились перелесками, перелески — рощами, потом начались широкие равнины, и земля открылась как на ладони до самых небес. Бранвен впервые увидела кипарисы и пришла в восторг. Она пожелала остановить карету и наломала целый веник кипарисовых веток. То же самое происходило, когда появились первые оливковые деревья, а потом — абрикосовые сады. Дорога стала людной, все чаще встречались живописные деревушки, возле которых паслись мулы — маленькие и мохнатые, как собаки. Вдоль обочин сидели торговцы, предлагая фрукты и воду, ароматизированную южными пряностями.

Юная леди позабыла о недавних переживаниях и наслаждалась солнцем, вкусной едой и чудесными видами с пылкой наивностью ребенка. Эфриэлу смотреть на деревушки и абрикосы казалось скучным — он видел их довольно, и они надоели до смерти. Но радость Бранвен оказалась заразной, и сид постоянно ловил себя на том, что улыбается. Хотя было ему не до улыбок, и не до веселья. Жить рядом с красивой и желанной женщиной и не иметь возможности ее отыметь — то еще испытание. Он стойко держался данного слова — дожидаться первой брачной ночи маленькой леди, и убежал себя, что это — жест великодушия, не более того. Пусть маленькая смертная получит своего мужа, а потом он с чистой совестью получит, что ему причитается. Правда, это было похоже на подъедание крошек, упавших со стола, что не могло не злить. Но пусть все будет, как должно.

На много миль потянулись виноградники, и Бранвен перестала закрывать ставни в окнах кареты.

— Ах, такое чувство, словно мы из осени приехали в весну, миновав зиму! — восклицала она. Но вскоре восторги ее поубавились. Солнце припекало, неподвижный воздух обжигал горло, и в платье с длинными рукавами и глухим воротом госпоже герцогине было слишком жарко. Она с завистью смотрела на девиц и женщин, встречавшихся по дороге. Все они были одеты под стать ее служанкам, которых она совсем недавно порицала за излишнюю распушенность в нарядах. Но насколько приятнее было бы примерить широкую кофту из тонкого полотна, поддерживаемую на теле лишь усилием корсажа, и широкую юбку вместо узкого платья, из-за которого коленки склеиваются от пота. Эфриэл ничуть не страдал от жары, и Бранвен оставалось только вздыхать и обмахиваться книгой. У женщин Аллемады были веера — из слоновой кости, деревянные или из тонких золотых пластин. Как жаль, что лорд Освальд не додумался подарить ей на свадьбу веер вместо арфы.

Но выпрашивать подарки Бранвена не смела, да и не умела, и сид запретил ей искать встреч с мужем. Поэтому она терпеливо потела в своих тяжелых многослойных платьях, мечтая о вечерней прохладе и кувшине с водой, чтобы освежиться.

До Аллемады оставалось полторы недели, когда им пришлось заночевать возле буковой рощи. Живописное место было пустынным — за день пути им не встретилось ни одной

деревушки, ни одного домика. Равнину за рекой занимали неухоженные дикие луга, и Бранвен вслух удивлялась, почему никто не догадался поселиться здесь.

Ночь прошла беспокойно. Было жарко и душно, и Бранвен разметалась во сне, толкая Эфриэла в бок, стоило чуть-чуть задремать. В придачу ко всему, она еще и бормотала, вскрикивала и всхлипывала, и тогда уже сиду приходилось толкать ее, прогоняя неприятные сны. Она затихала, но вскоре опять видела во сне что-то тревожное и норовила ударить коленом под ребра. Только под утро повеяло прохладой, снаружи прошуршал дождик, и Бранвен наконец-то мирно и спокойно уснула, свернувшись калачиком.

Зато сиду уже не спалось, и он покинул шатер, намереваясь прогуляться до ближайших кустов. Небо из синего стало серым, но лагерь еще спал, и только двое часовых бродили возле повозок, и еще один грелся у костра.

Ёжась от утренней прохлады, сид побрел по росе, вспоминая об отличных новеньких сапогах, оставшихся в Финнеасе. Но в этих краях было теплее, чем в Роренброке — и на том спасибо. Последние ярды до заветных березок он преодолел прыжками — виной тому была высокая трава с острыми краями. С тех самых пор, когда начало действовать призывающее заклинание, и Эфриэлу пришлось наведываться в человеческий мир, здесь появлялись и исчезали племена, города и целые страны, но это проклятущее растение росло с завидным упорством. Ничто не могло уничтожить его — ни пожары, ни засухи, ни морозы. Сид уже давно оставил попытки запомнить название травы на тех языках, что ему приходилось выучить, и называл ее просто и философски — мудорез. Только скажи — любому понятно, о чем идет речь.

Порыв ветра сбросил на голую спину пригоршню холодных капель. Эфриэл принялся ругаться вполголоса, хотя его никто не мог услышать. Если так пойдет дальше, он вернется в Тир-нан-Бео кроткий, как ягненок, и воспитанный, как мальчик из церковного хора. Ему вспомнились строки из баллады о храбром воителе Дауи Молте, которого мстительная любовница превратила в женщину: «Ночь лишь с бабой покрутился — бабой сам оборотился». А он крутился с воспитанной леди не одну ночь. Сид с удовольствием сплунул, и тут же из кустов выглянула грозная бычья морда. Чудовище высотой четыре фута в холке наклонило упрямую голову, выставив рога, изогнутые наподобие лиры, и готовилось атаковать. Только спустя несколько секунд Эфриэл сообразил, что это не настоящий бык, а искусно сделанная статуя из крашеного известняка.

— Ну и испугал ты меня, мерзавец, — прошептал сид, обходя рогатый памятник, неизвестно кем и зачем поставленный посреди буковой рощи.

Плющ и боровой хмель обвивали толстые ноги зверя и поднимались по бокам к горбатой спине. Ветер отклонил ветки деревьев в сторону, отчего Эфриэлу и показалось, что бык сам выглянул из кустов. В Тир-нан-Бео быки были признаком богатства и символизировали воинскую силу. Сид посчитал, что случайная встреча сулила удачу. Он погладил когда-то окрашенный красной краской, а теперь — светло-розовый бычий бок, на котором виднелись щербинки, и присвистнул:

— А ты еще древнее меня! Вот так встреча.

Он обнаружил плиту, на которой стояла статуя, и почти целиком ушедшую в землю каменную чашу, выточенную в форме эллипса. Меряя пальцами, Эфриэл убедился, что эллипс был сделан почти без погрешностей. Работа ему понравилась, и он покинул это место с сожалением — будь у него больше времени, осмотрелся бы внимательнее. Наверняка, здесь находилось какое-нибудь святилище. Возможно даже, поставленное еще

при сидах.

Два или три раза ему приходилось попадать в Аллемаду, но надолго он не задерживался, и мало что знал об этих краях. Кто бы мог подумать, что в древности тут поклонялись быкам.

Дойдя до шатра, он задержался, услышав, как проснувшиеся служанки разговаривали о предстоящем пути. Они говорили о городке Имерилья, в котором предстояло остановиться этим вечером, и где ожидался праздник второго урожая.

— Лучшее вино — в Имерилье, и гринголо Освальдо об этом знает, — разглагольствовала Адончия, — мы непременно остановимся там на день. Будут трубадуры, танцы и фейерверки, и гитаносы покажут фокусы и дрессированных зверей. Два года назад я была на таком празднике — ох и повеселилась! Сначала...

Дослушать Эфриэлу не удалось, потому что из глубины шатра послышался слабый вскрик. В мыслях сида сразу промелькнули скорпионы, змеи и прочие ядовитые гады, которыми кишели южные земли. Он ворвался внутрь и увидел Бранвен, сидевшую на постели. Лицо девушки было белым, как ночная рубашка, а правая рука сжимала ладанку на шее.

— Что случилось? — Эфриэл встал на колени, вглядываясь в помертвевшее лицо.

Она ответила не сразу, сначала выдавила улыбку и потерла лоб.

— Страшный сон, — пробормотала она. — Слишком душная ночь, кошмар приснился.

Эфриэл хмыкнул, испытывая одновременно облегчение и досаду, что перепугался из-за пустяка.

— Бабыё болтало, что сегодня вечером будет праздник в местном захолустье, называется — Имерилья. Твой муж, вроде как, собирается задержаться на день-два, вот и подходящий момент, чтобы тебе заблестать. Наряжайся, украшайся и будь готова его покорить. Ты слушаешь, маленькая леди?

Бранвен сидела сгорбившись, думая о чем-то своем.

— Ты слушаешь? — возвысил голос сид, и девушка встрепенулась.

— Да, конечно. Сделаю все, как скажешь.

Позавтракав сухофруктами, горячими лепешками и разбавленным вином, караван отправился в дорогу. Пока солнце не начало палить, Бранвен высунулась в окно, наслаждаясь видом олеандров, виноградников и поселян в ярких костюмах. Поселяне — поодиночке, по двое, трое или целыми семьями, с выводком детей разного возраста — спешили по направлению к Имерилье, весело переговариваясь на своем языке. Некоторые гнали коз и баранов на продажу, а на одном повороте каравану четверть часа пришлось пережидать, пока через дорогу перегоняли стадо коров. Рыцари смеялись, понукая животных идти быстрее, а Бранвен побледнела, закрыла глаза и упала на подушки, отодвигаясь подальше от окна. Эфриэл заметил это и нахмурился. До сего дня нежная леди не выказывала такого страха перед коровами, а они встречались им в пути.

— Выкладывай, что произошло, — сказал он.

— Просто вспомнился сегодняшний сон, — ответила Бранвен, силясь улыбнуться. — Я почти забыла его, а увидела этих... и вспомнила...

— Тебе приснились коровы? — сид вскинул брови. — И что в них такого страшного?

— Мне приснились какие-то странные коровы, — Бранвен опустила штору, чтобы не видеть стада. — Большие, белые, с пятнами на боках. Они мчались по равнине, посыпанной песком, а я почему-то была одета танцовщицей, с тамбурином в руках... Они налетели, как

ураган, один из них вскинул меня на рога и... До сих пор сердце колотится. Это от жары такие сны...

— Нет, не от жары, — медленно сказал Эфриэл. — У лагеря было древнее святилище, там поклонялись быку. Утром я видел его статую и чашу для жертвоприношений.

— Для жертвоприношений! Ужасно... — Бранвен снова вцепилась в ладанку. — Тогда это было нечистое, грязное место. Говорят, в старых храмах может обитать древнее колдовство, человеку лучше держаться подальше.

Эфриэл пожал плечами — суеверия людей его не занимали. Камни умеют держать образы прошлого и могут передать их, окажись рядом человек, умеющий тонко чувствовать. А кто чувствует тоньше, нежели женщина? Вот маленькой леди что-то и приснилось, только и всего.

Коровье стадо благополучно миновало дорогу, и караван двинулся дальше. Немного успокоившись, Бранвен выглянула в окно и застыла, открыв рот и на мгновение потеряв дар речи.

— О! Какое великолепие! — воскликнула она, указывая пальцем туда, где показался первый город Аллемады.

Светло-серые стены домов и башен венчали розовые черепичные крыши. Солнце клонилось к закату, и окрашивало бело-розовый город в золотистые тона. Острые шпили, характерные для Эстландии, мирно соседствовали с яйцевидными куполами зданий, построенных еще во времена завоевателей с востока. И сам город каждым своим камнем, каждым флюгером и окном являл странную смесь западного аскетизма и восточной роскоши.

Проехали через ворота, украшенные разноцветными керамическими плитками, выложенными в виде белых и голубых волн — этот рисунок символизировал реку Гудьямару, которая пересекала город почти по центру.

— Разве есть что-то прекраснее? — вопрошала Бранвен, когда Эфриэл усадил ее подальше от окна, напомнив, что до времени не след показываться мужу на глаза.

Узкие улицы — только разъехаться двум каретам — были вымощены булыжниками, подогнанными друг к другу на удивление плотно. Отполированные ногами сотен прохожих, они сияли солнечными бликами, так что глазам смотреть было больно. То тут, то там виднелись арочные мостики через искусственные каналы, на мостиках стояли нарядные люди, наслаждаясь прохладой, идущей от воды. Почти все первые этажи домов были сделаны портиками, и в их тени тоже сидели, стояли и прогуливались нарядные люди. Всюду, куда ни смотрела Бранвен, виднелись довольные, счастливые лица — красивые, позолоченные щедрым южным солнцем. Женщины ревниво оберегали свою красоту и покрывали головы кусками кружев, уложив их красивыми складками на плечи и спину. Горделивые мужчины с пламенными взорами проезжали верхом на лошадях, сделавших бы честь королевской конюшне. Уличные торговцы продавали горячие пирожки с рыбой и ливером, надрываясь криками: «Пинчо марена! Пинчо хигато!» А кроме них были еще продавцы сладких ореховых лепешек, тонких и хрупких, как стекло, были продавцы пирогов с яблоками и корицей, разносчики фруктовых напитков и родниковой воды. Завидев богатый кортеж, они бросались чуть не под колеса и наперебой предлагали товар. К карете герцогини их не подпустили, о чем Бранвен втайне пожалела. Ей до смерти хотелось попробовать и «стеклянных» лепешек, и яблочного пирога, пахнущих так заманчиво, но вместо этого приходилось сидеть в душной карете, опустив штору, и изнемогать от жары в

закрытом платье.

В этот раз остановились не на постоялом дворе, а у местного лорда, который, как Бранвен уже знала, звался на местном наречии «гринголо». Самого гринголо Бранвен не увидела, потому что сразу попала в руки его супруги — благородной пейнеты и их дочери — благородной пантилиты. Благородная пейнета звалась Радегондой и оказалась уроженкой Эстландии, откуда-то с севера. Она еще помнила родной язык, но годы, проведенные в Аллемаде, придали ее речи такой странный акцент, что поначалу Бранвен с трудом понимала, что благородная пейнета желает сказать. Однако вскоре дело наладилось, и беседа потекла почти непринужденно.

— Вы не представляете, как я рада вас видеть, моя старшая сестра, — говорила пейнета Радегонда. — Какая это честь — принимать вас в Каса Помо! А какое наслаждение видеть вашу белую кожу и светлые волосы — смотрю и вспоминаю милый Эркшир. Взгляните на мою дочь — она смугла, как хлебная корка! А видели бы вы моего сына — сущий мавр!

То, что пейнета обратилась к ней, назвав старшей сестрой, удивило Бранвен. Она была чуть ли не младше дочери герцогини, к тому же не помнила никаких родственников из Эркшира. Когда хозяйка дома замолчала, чтобы взять дыхание для следующих восторгов, Бранвен спросила:

— Не напомним ли, миледи, в каком колене и с какой стороны мы приходимся родственниками?

Пейнете Радегонде понадобилось время, чтобы осмыслить вопрос, а потом она расхохоталась:

— Что вы, моя дорогая! Вас смутило такое обращение? А ведь оно — обыкновенное в Аллемаде. Все дворяне первой ступени говорят герцогу «мой старший брат», а герцогине — «моя старшая сестра». Дворяне второй ступени будут обращаться к вашему супруг «мой старший родственник», а к вам — «моя старшая родственница».

— Как забавно и непривычно, — Бранвен чувствовала себя скованно даже с этой милой женщиной, а уж смуглая пантилита Канделария и вовсе повергала ее в трепет. Слишком она была похожа на Адончию — такая же красивая, черноволосая, с ярким и смелым лицом. Она не вступала в разговор — наверное, попросту не знала эстландского, но разглядывала Бранвен с интересом и без особой приязни, и Бранвен предпочла общение с ее матерью: — А что такое — дворяне первой и второй ступени, миледи Радегонда? Я совсем не знаю ваших обычаев и боюсь оскорбить кого-нибудь подобным незнанием...

— Не беспокойтесь, во всем со временем разберетесь, — утешила хозяйка, одновременно отдавая распоряжения, чтобы приготовили мыльню и принесли простыни. — Дворянам первой ступени — например, моему супругу, разрешается разговаривать с герцогом снимая шляпу лишь когда говорит герцог, а дворяне второй ступени должны всегда стоять с непокрытой головой. Идемте, вам надо выкупаться после дороги и поесть.

К огромному облегчению Бранвен, она была избавлена от услуг Адончии и ее товарок. Теперь за ней ухаживали личные служанки пейнеты Радегонды — девицы проворные и вовсе не высокомерные.

— Посмотри, как она наряжена, — сказал вдруг Эфриэл, о присутствии которого Бранвен успела позабыть. — Скажи, чтобы тебе дали такую же одежду.

После его слов Бранвен впервые обратила внимание, во что одеты благородные аллемадские дамы. На них были шелковые рубашки с короткими рукавами, обшитыми пышными кружевными оборками, корсажи вроде тех, что носили простолюдинки, но из

самого блестящего атласа и шнуровкой сзади, а не спереди. Юбки тоже были короче, чем носили в Эстландии. Они позволяли полюбоваться яркими чулками и остроносими туфельками с ремешками внахлест. Бранвен так и не поняла, приличен ли подобный наряд, но то, что он был красив и удобен — осознала до глубины души.

— Миледи Радегонда, мои наряды не очень подходят для вашей страны, я поняла это в дороге. Не продадите ли мне что-нибудь из одежды? — робко попросила герцогиня. — Мы с вашей дочерью одного роста... Возможно, у нее найдется какая-нибудь юбка, не слишком ей нужная, и кофта...

— Что вы говорите! — пейнета Радегонда даже всплеснула руками. — Разве мы можем предложить вам поношенную одежду?! Я сейчас же позову портних, и уже через два часа вы будете одеты по последней моде. Как я вас понимаю, дорогая! Как я сама намучилась, приехав в эту жару...

— Вы очень добры, мне не хотелось бы вас утруждать... — начала Бранвен, но Эфриэл дернул ее за волосы, чтобы замолчала.

— Это то, что нам нужно, — сказал он. — Не вздумай отказываться, пусть шьет. И пусть даст тебе такие же чулки, и туфли.

— Не слишком ли это нескромно? — зашептала Бранвен, прикрыв рот рукой.

— Не слишком, — сид покровительственно похлопал ее по плечу. — Можешь позволить себе небольшую нескромность, если они так готовы тебе услужить.

Вскоре Бранвен сидела на балкончике, выходящем во внутренний двор, и любовалась садом, засаженным цветами. Там журчал небольшой водопад, в бассейне плавали серебристые юркие рыбы, и певчие птицы в клетках заливались на разные голоса. Их свободные собратья подпевали им, присаживаясь на ветки фруктовых деревьев. Служанки пейнеты Радегонды в четыре руки сушили чисто вымытые волосы Бранвен, а шесть портних, усевшись прямо на пол, шили наряд для гостыи. Хозяйка развлекала ее беседой, а пантилита Канделария примостилась поодаль, обрывая лепестки с выющейся розы, сумевшей добраться до перилец балкона.

— Вам понравится здесь, — говорила Радегонда. — Аллемада — чудесный край. И хотя я скучаю по вересковым пустошам Эркшира, теперь я не хотела бы там жить. Все наши холодные замки, запах торфа, длинная промозглая зима — ах, как разнится от этого Аллемада, благодатная страна трубадуров. Сегодня вы насладитесь их искусством, моя дорогая, посмотрите на праздник с большого балкона — он выходит как раз на главную площадь. То-то будет славно! И какое же счастье для гринголо Освальдо, что ему досталась такая благовоспитанная и красивая женушка! Буду молиться всем сердцем, чтобы вы были счастливы, моя дорогая. А когда наведаемся в Ла-Корунью, надеюсь, вы примите меня, и мы сможем поболтать так же мило, как и сейчас.

— Бьет оленя и в голову и в хвост, — сказал Эфриэл, — подарки бери, но много не обещай. Потом не отвяжешься, всю жизнь будешь делать ей маленькие одолжения, которые вовсе не маленькие.

Но Бранвен не успела ответить. Пантилита Канделария отверзла уста и сказала на эстландском:

— Надеюсь, гринголо Освальдо в этот раз повезет больше, чем с покойной пейнетой Пилар. Его прошлый брак продлился всего три месяца.

Пейнета Радегонда ахнула возмущенно, швеи замерли с иголками наперевес, и одна лишь Бранвен глядела безмятежно, словно ничего не произошло.

— Не понял, — Эфриэл закрутил головой. — А чего все застыли?

— Как ты можешь говорить такие ужасные вещи, Кандела! Немедленно замолчи! — прикрикнула пейнета Радегонда на дочь, и пантилита, пожав плечами, вернулась к обрыванию лепестков с роз. — Не обращайтесь внимания на глупую болтовню, — захлопотала Радегонда вокруг Бранвен, — все это нас не касается, я приношу извинения за дочь.

— Она ничуть меня не оскорбила, не волнуйтесь, моя любезная хозяйка. Помня вашу доброту и радушие, я слышу в этом доме только хорошее, — сказала герцогиня с таким видом, словно ей преподнесли ручного голубя с изумрудными глазками.

— Ух ты, — не удержался Эфриэл. — Сказала, как настоящая герцогиня. А что случилось-то? Это из-за прошлой жены твоего гусака?

Бранвен не ответила, да и не могла ответить, он это прекрасно понимал, поэтому пришлось отложить объяснения.

Желая загладить неловкость, пейнета Радегонда предложила Бранвен примерить готовые наряды и сама подала ей тончайшие чулки — ярко-красные, с золотыми стрелками. Бранвен увели за пеструю шелковую ширму, сплошь вышитую танцующими поселянками и молоденькими бычками, резвящимися на траве.

Когда служанки закончили наряжать госпожу и вывели ее к зеркалу, Бранвен бросила застенчиво-вопросительный взгляд на Эфриэла.

Укороченные юбки и открытая кофта шли ей бесподобно. Верхняя юбка была черная, с алым кантом по подолу, и корсаж тоже был черный, обшитый по верхнему краю алой атласной лентой. Зато кофта была ослепительной белизны и открывала шею и плечи. Кожа девушки почти сливалась цветом с белоснежным полотном, и загорелые женщины по сравнению с ней казались грязными.

— Ты хороша, — сказал он.

Она улыбнулась благодарно и одновременно горделиво, и отвернулась к зеркалу.

Эфриэл старался унять слишком уж заколотившееся сердце. Скупые слова, что сорвались с его языка — они были всего лишь словами напоказ. Они были сказаны и исчезли, как первый снег. А в мыслях он повторял строки из древней песни, которую слышал однажды в мире смертных, позабыл, а теперь они припомнились ему с пугающей ясностью:

Сокровище мое, женщина с серыми глазами,
на груди твоей никогда не покоится моей голове.
Желание мое, женщина, которая обо мне не вздохнет,
которая позабудет обо мне, едва я покину ее.[1]

[1] Здесь использованы строки коннахтской любовной песни, о которой упоминает У.Б.Йейтс в книге «Видение».

Пейнета Радегонда хотела разделить трапезу с герцогиней, но Бранвен попросила оставить ее одну, отговорившись усталостью. Едва хозяйка замка удалилась, Эфриэл набросился на угощение, не дожидаясь, когда Бранвен отведаст хотя бы кусочек. Глядя, как он уничтожает нежнейшее мясо в острой подливке, девушка только вздохнула. Если лорд Освальд поинтересуется, каков аппетит у его жены, ему скажут, что госпожа герцогиня ест, как три рыцаря после турнира. Сама она лишь пригубила охлажденного орехового молока и съела несколько ложек знаменитого местного супа из миндаля, чеснока, хлеба и винограда.

Пока сид расправлялся с пирожками, зажаренными в масле до золотистой хрустящей корочки, Бранвен вышла на балкон. Даже сумерки в этом дивном краю были иными, нежели в Эстландии — душистыми и сладкими. Сад благоухал такими ароматами, что кружилась голова. Бранвен прижалась щекой к каменной балясине в виде цветка граната. Почему же лорд Освальд не рассказал о первой жене? Не в ней ли, этой умершей незнакомой женщине, кроется секрет его холодности к жене нынешней? Но почему тогда Адонция?.. Бранвен искала ответы на вопросы и не находила.

— Только не вздумай устраивать ему допрос насчет первой жены, — сказал сид, правильно угадав причину ее смятения. — Какое тебе дело, почему он скрывал мертвую женщину? Беспокойся о живых, а не о мертвых.

— Ты прав, — согласилась Бранвен. — У лорда Освальда могут быть свои причины для такого молчания. Может быть, рана от утраты любимой слишком болезненна, и он не хочет говорить об этом.

— Или он убил ее, потому что она наставила ему рога, — подхватил Эфриэл, — и не хочет трубить об этом по всей стране, чтобы его не называли Освальдом Рогоносцем Великолепным.

— Прекрати, пожалуйста, — попросила девушка. Она хотела вернуться в комнату, но зацепилась верхней юбкой за розовые шипы. Открылась нижняя юбка такого же красного цвета, что и чулки.

— Подожди! — Эфриэл вдруг оставил недоеденные пирожки, вытер руку о прекрасную шелковую скатерть и поднялся из-за стола. — Подожди...

Он прищурившись смотрел на Бранвен и что-то мысленно прикидывал. Потом взял алую розу из букета и протянул девушке:

— Приколи подол к поясу и укрась цветком.

— Не сошел ли ты с ума? — спросила Бранвен, приводя наряд в порядок. — Что подумают люди, если я появлюсь в юбке, завернутой на макушку?

— Сплошная чернота — чересчур уныло, а с этим красным пятном ты будешь ярче всех. Сделай, как я сказал.

Бранвен взяла розу и положила ее на туалетный столик, украдкой глянув в зеркало. Она все еще не могла налюбоваться на себя, и радовалась, и стыдилась этого, почитая грехом. Сид вернулся к столу и с удовольствием закончил трапезу, похваливая местных поваров.

— Вот такая еда по мне, — разглагольствовал он, отвалившись на подушки и поглаживая живот. — Много мяса, и все такое острое, что язык щиплет. Ел бы и ел.

— Не слишком ли много ты ешь?

— А что еще остается? Единственная радость, да и та перепадает нечасто, — пожаловался он.

— Растолстеешь, — предостерегла Бранвен полушутливо, полусерьезно. — Только и делаешь, что лежишь и набиваешь живот.

— Есть предложение, как растрясти жирок? Может, поколыхаем постель? — оживился сид. На самом деле, он уже и не надеялся, что в один прекрасный момент миледи согласится потанцевать на нём или порезвиться под ним. Спросил лишь по привычке.

Она не обманула его в ожиданиях:

— Мне этот способ не подходит, — и мягко улыбнулась, чтобы смягчить отказ.

— Было бы предложено, — пробормотал Эфриэл, глядя, как Бранвен берет булавку и заворачивает подол верхней юбки с одной стороны. Приколов его к поясу, она прикрепила розу и бросила на Эфриэла взгляд, в котором явственно читалось: посмотри, какая я послушная ученица, поэтому не надо смеяться надо мной.

— Мы ждем вас, моя старшая сестра! — раздался за дверью голос Радегонды.

Бранвен засуетилась: пригладила волосы, прочитала коротенькую молитву и поцеловала ладанку, чтобы укрепиться. Эфриэл поднялся, потягиваясь и похрустывая всеми суставами.

— Подожди, не хватает последнего штриха, — остановил он, когда рука девушки уже лежала на дверной задвижке.

— Последнего? Какого? — Бранвен оглядела себя, отыскивая погрешности в наряде.

— Вот этого.

Эфриэл взял ее за подбородок и поцеловал долгим поцелуем, принуждая открыть губы. Когда поцелуй закончился, оба некоторое время стояли неподвижно, сблизив головы и закрыв глаза. Первой пришла в себя Бранвен.

— Последний штрих точно был лишним, — сказала она.

Но щеки ее запылали, и лицо озарил тот необыкновенный свет, который снисходит на женщин, чувствующих себя желанными. Такой она и вышла к дамам — порывистая, яркая, особенно яркая с открытой нижней юбкой алого цвета и с алой розой, упояса.

— Я готова, леди Радегонда.

Но та медлила.

— Правильно ли я поняла, моя старшая сестра... — начала она, указывая на приподнятый подол верхней юбки.

— А вы не знали? — сегодня ложь легко срывалась с языка, и Бранвен даже не ощущала угрызений совести. — Это последняя столичная мода. Сама королева подворачивает верхнюю юбку.

— Ах, сама королева?.. — прошептала пейнета Радегонда.

Она взяла Бранвен под локоток и повела запутанными коридорами.

— Ваш муж уже ждет, — говорила она, посматривая на новомодно задранную юбку. — Праздник вот-вот начнется, но сначала там не будет ничего интересного, и мы немного опоздаем, чтобы появиться во всей красе.

— Все помнишь? — спросил Эфриэл, когда они с Бранвен в сопровождении дам из Каса Помо выходили на балкон.

Бранвен кивнула в ответ, облизнув еще горевшие от поцелуя губы.

Мужа она узнала сразу, хотя он стоял спиной к входившим дамам, глядя через резные перила балкона вниз, на площадь. Его силуэт был четко виден на фоне города, украшенного фонарями, лампами и огненными колесами, которые, вращаясь, рассыпали искры.

Бранвен остановила жестом леди Радегонду — та хотела объявить о появлении герцогини, на цыпочках подошла к мужу и встала рядом, тоже посмотрев вниз. Открывшееся зрелище пленило и восхитило ее. На площади танцевали сотни нарядных людей. Бранвен никогда не видела, чтобы столько танцоров исполняли столь сложные фигуры — три хоровода шли в разные стороны, женщины и мужчины пробегали к центру и возвращались обратно, создавая иллюзию цветка, распускающего лепестки и снова собирающегося в бутон. Они держали разноцветные платки и когда одновременно вскидывали руки — цветок превращался в трепещущее пламя.

Эфриэл встал позади Бранвен, и задумчиво разглядывал имерильские пляски. Бранвен забеспокоилась, ожидая каверзы. Обычно он всегда лез вперед и терпеть не мог прятаться за ее спину. Но сейчас сидел вел себя смирно, даже слишком смирно.

— Зрелище любопытное и не лишенное приятности, — сказал он о хороводе.

— Не лукавь, — шепнула Бранвен. — Разве ты когда-нибудь видел нечто подобное?

Лорд Освальд услышал шепот, повернул голову и несколько секунд рассматривал жену, неожиданно появившуюся рядом. Маска невозмутимости впервые исчезла с его лица, и брови удивленно взметнулись. Взгляд его скользнул сверху вниз и обратно, и на губах появилась улыбка. Он никогда еще не улыбался Бранвен с такой радостью.

— Миледи! Сегодня вы — наслаждение для взора! — он даже удержал ее руку после приветственного поцелуя, сам того не заметив.

«Благодарю, что соизволили отметить мою миловидность», — чуть не ответила Бранвен привычной фразой, но вовремя спохватилась и посмотрела на мужа искоса, послав осеннюю волну, и улыбнулась, как учил ее Эфриэл.

— Хорошо, хорошо, дорогуша, — подбодрил девушку сид. — А теперь не обращай на него внимания, сделай вид, что увлечена праздником.

Бранвен тут же принялась болтать с хозяйкой дома, восторгаясь красотой и зрелищностью танца. Леди Радегонда объяснила герцогине, что танец разучивают в течение года, чтобы в праздник танцоры были на высоте.

— Вы думаете, это специально обученный балет? — спросила Радегонда, поблескивая глазами. — Так нет же! Это — простые горожане. Сапожники, меховщики, водоносы. Танец у нас в крови, и в Аллемаде есть поговорка: кто не танцует, тот все равно, что мертвый.

— Прекрасная страна, удивительный народ, — сказала Бранвен нараспев, и в самом деле влюбляясь в эту жизнь сильнее с каждой минутой. — Почти все здесь я вижу впервые, но многое кажется знакомым, как будто мне снился сон, а теперь он сбывается наяву.

Эфриэл прихлопнул в ладоши:

— Правильно ведешь себя, маленькая леди! Гусак Великолепный уже расправил перышки, заточил клюв и сейчас бросится обхаживать тебя. Будь стойкой, не растекайся сразу в лужицу.

— Как хорошо вы сказали о моем крае, — лорд Освальд попытался заглянуть жене в глаза, но она упорно смотрела на танцующих. — Я рад, что вам здесь нравится. Уверен, что и мой народ будет восхищаться вами так же, как восхищаюсь вами я.

— Ах, милорд, какие неосторожные слова! — Бранвен отвернулась, заливаясь смехом. Игра увлекла ее намного больше, чем она рассчитывала. И кровь бежала по жилам быстро, словно от вина. Что уж было тому причиной, она сама не знала — взгляды ли, которые муж бросал на нее, или поцелуй Эфриэла?..

Пытаясь скрыть смущение, Бранвен продолжила веселый разговор с леди Радегондой, и

постепенно втянула в беседу пантлиту Канделарию, которая сидела рядом с матерью с таким мрачным видом, словно наблюдала похоронную процессию, а не пляски. Но постепенно вежливость и природное очарование Бранвен сделали свое дело, и пантлита оттаяла. Она даже соизволила сказать пару фраз о том, как идет герцогине новый наряд.

— Любезная Кандела (ты ведь позволишь называть тебя, как твоя уважаемая матушка?), — сказала Бранвен, мечтательно подпирая щеку, — в этом наряде я могу выглядеть только милой, зато ты — настоящая красавица! Каждый народ подбирает платье под стать своим женщинам, и эти юбки и кофты больше всего идут черноволосым красавицам с огненным взором. Если бы вы посмотрели на мою служанку... А где Адончия, милорд? — она заоглядывалась с преувеличенным старанием. — Немедленно позовите Адончию, она должна быть рядом со мной в такой праздник. Конечно, ей до тебя далеко, любезная Кандела, но мордашка у нее премиленькая! А как идет ей крестьянская рубашка!

Такая любовь к Адончии удивила лорда Освальда и не слишком понравилась ему, но возражать в присутствии благородного гринголо и его домочадцев было ниже герцогского достоинства. Поэтому он кивнул, разрешая привести служанку.

Когда Адончия пришла — наряженная в четыре юбки и с вырезом такой глубины, что еще немного, и каждый смог бы увидеть не только яблочки, но и ягодки — Бранвен усадила ее рядом, попросив передвинуть скамеечку так, чтобы служанка находилась между ней и мужем. Слева от герцогини сели дамы, справа от герцога — кавалеры.

Лорду Освальду пришлось отодвинуться в сторону, чтобы дать место служанке, и хотя она тут же посмотрела на него проникновенно и со значением, это не пришлось ему по душе. Про себя он отметил, что дурочке следовало одеться поприличнее, ине оголяться, как продажные девицы в Нижнем Городе Ла-Коруньи.

А Бранвен призывала дам полюбоваться миловидным личиком Адончии, ничуть не заботясь недовольством мужа.

— Какая она услужливая, какая расторопная, — нахваливала она служанку. — И она была поистине незаменима в пути. Что бы я делала без тебя, цветочек?

— Сейчас он закипит, — предрек Эфриэл, наблюдавший за лордом Освальдом. — Не перегибай слишком, чтобы гусак не зашипел раньше времени.

Принесли прохладительные напитки и вино. Бранвен хотела отказаться, но Эфриэл настоял, чтобы она попросила вина, и тут же выпил половину ее бокала, пока все с увлечением следили за особо лихой пляской на площади.

— Ну и вино! — изумился он, отирая губы. — Жидкий огонь, а не вино! Можно прожить не одну сотню лет, а такого не попробовать. Налей еще.

Он выпил и второй бокал, а Бранвен подпрыгивала от страха, опасаясь, что кто-нибудь ненароком оглянется и увидит, как рубиновый напиток исчезает сам собой.

— Хватит, — не выдержала она, когда был опустошен третий бокал.

— Брось, красотка! — отозвался Эфриэл со счастливым смехом, и Бранвен посмотрела на него с удивлением и опаской. — Я свою меру знаю. Это вино — оно нежное, как поцелуи девственниц. Идет легко, словно вода.

— Пустозвон, — прошептала герцогиня.

А внизу танцовщики уселись прямо на землю, чтобы передохнуть. Они образовали большой круг, в центр которого выскочила девушка, наряженная в платье, похожеена те, что привезла с собой Бранвен — со шлейфом вдва локтя.

— Сейчас будет танец быка! — сказала леди Радегонда. — Вам понравится, моя

старшая сестра!

В пару танцовщице встал мужчина — гибкий и резкий, как пламя. Красный с золотом пояс охватывал его талию, а в руках он держал два длинных кинжала. Бранвен вскрикнула, когда он помчался на танцовщицу, держа кинжалы перед собой, клинками вперед. Пейнета Радегонда погладила герцогиню по плечу, призывая к спокойствию. И правда, в последний момент танцовщица увернулась от удара, взметнув ногой юбку. Шлейф полетел, словно подхваченный ветром, превратив фигуру женщины в вихрь.

— Они представляют бой девы с быком, — объяснила пейнета Радегонда герцогине. — Эта старинная легенда, когда-нибудь я ее вам расскажу, а пока — наслаждайтесь.

Снова и снова танцовщик бросался с кинжалами на девушку, и всякий раз Бранвен трепетала, боясь, что танцовщица не успеет увернуться. Но она легко избегала ударов, кружась и притопывая каблуками. Платье летело, и само по себе было танцем.

— Может, вы сядете поближе ко мне? — предложил лорд Освальд, наклонившись к жене.

— Это доставит неудобства Адончии, ей ведь придется передвинуться на другое место, — ответила Бранвен, с увлечением наблюдая за «быком» и девой. — Но молчите, молчите! Дайте мне посмотреть на это чудо!

Лорд Освальд тоже обратил взор на танцующих, но сегодня пляски его, похоже, не занимали.

— Добавим огонька, — хрипло прошептал Эфриэл на ухо Бранвен, и прежде, чем она поняла, что он собирается сделать, поцеловал ее в шею, потом в щеку, а потом и в губы.

Ему пришлось придержать девушку за плечи, потому что она чуть не упала с кресла.

— Держись, глупая гусыня, — велел он, посмеиваясь. — Если будешь терять сознание после каждого поцелуя...

— Ты пьян, — сказала Бранвен еле слышно.

— Не выдумывай, — он вольготно расположился на подлокотнике, опираясь на спинку кресла.

— Вернись на место, — попросила она торопливо.

— Надоело стоять рядом со старухой, — заявил сид, указывая на пожилую служанку пейнеты Радегонды. — От нее веет холодом, как от могилы. А с тобой тепло. Такое удивительное чувство, — он попытался подыскать нужные слова, не смог и принялся помогать движению мысли жестами. В этом он не преуспел, зато сбил кубок со стола.

Кубок описал дугу и полетел с балкона прямо на площадь.

Бранвен в ужасе схватила за сердце, но на ее счастье никто из соседей не заметил злосчастного падения, все были увлечены танцем.

— Что творишь?! — зашипела Бранвен. — Представь, кубок свалился кому-то на голову!

— Да, неловкость вышла, — признал Эфриэл. — Зато как там внизу обрадуются — небеса разбрасываются серебряной посудой!

— Что скажет хозяйка? — простонала Бранвен. — Не пей больше!

Но Эфриэл уже пригубил вино из бокала пейнеты Радегонды.

— Всего несколько глотков, — утешил сид девушку. — И потом я — примерный мальчик.

Бранвен ткнула его локтем, не имея возможности отомстить как-то еще.

— Будешь толкаться — завалю прямо здесь, — пообещал Эфриэл.

— Не посмеешь, — пискнула она, но сердце задрожало от ужаса. Пьяный призрак —

кто знает, что взбредет ему в голову? Она стремительно поднялась и поклонилась удивленной пейнете Радегонде. — Я оставлю вас, миледи. Милорд, — она поклонилась и мужу, не быстро и небрежно. — Что-то нехорошо себя чувствую, мне надо прилечь. Адонция, проследи, чтобы милорд не скучал. И не надо меня сопровождать, любезная Кандела, я сама найду дорогу в свою комнату.

— Как же фейерверки... — растерялась пейнета Радегонда.

Но Бранвен почти бегом покинула балкон и быстрым шагом пошла по полутемным коридорам. Эфриэла сдернуло с кресла, и он громко возмущался, догоняя Бранвен:

— Ты рано уходишь, можно было еще посидеть!

— Хватит! — оборвала его она.

— Хватит — значит перехватил? — засмеялся он и вдруг поднял Бранвен на руки. — Мы идем обратно.

— Отпусти меня! — взмолилась она. — Если кто-то увидит!..

— Да, ты права маленькая леди...

Бранвен вознесла молитвы, что к сиду вернулся-таки разум, но Эфриэл не спешил отпускать ее.

— К тухлой селедке этот балкон, — заявил он. — Пойдем лучше к тебе. У меня до сих пор внутренности дрожат, как вспомню эту нелепую постройку над площадью.

— О, я и забыла, что ты боишься высоты! — несмотря на страх быть обнаруженной летящей по воздуху, Бранвен рассмеялась. — Прости, мне следовало уйти оттуда раньше.

— Я ничего не боюсь, — сказал Эфриэл многозначительно. — Просто мне там не нравилось.

— И из-за этого ты напился, — она принялась болтать ногами, требуя, чтобы он поставил ее на пол. — Уронишь!

— Я? Уроню? Тебя? За кого ты меня принимаешь, девочка?

Они довольно долго бродили по запутанным коридорам Каса Помо, ошибаясь дверьми и прячась в темноте ниш, если кто-то из слуг попадался навстречу. Всякий раз Бранвен умирала от страха, а Эфриэл оставался невозмутимым, и стоило чужим шагам затихнуть, тащил девушку дальше, разглагольствуя о личной храбрости и чудесном южном вине. Наконец они добрались до отведенной Бранвен комнаты и ввалились внутрь, хихикая, как школяры, сбежавшие от наставника.

Эфриэл поставил девушку на ноги, но так и не отпустил, а прижал спиной к стене и принялся целовать, распаляясь страстью. Бранвен пыталась увернуться от поцелуев, но сид схватил ее за затылок, сминая прическу и пресекая всякое сопротивление. Несколько минут, полных томительной сладости, Бранвен позволила себе не думать ни о чем, принимая его ласки, но потом воспротивилась.

— Опять отказываешь? — спросил Эфриэл, когда прохладные пальцы легли на его губы.

— От тебя пахнет вином, это неприятно.

— Но не в этом настоящая причина, — хмыкнул он.

— Не в этом, — эхом отозвалась девушка.

— Ты обещалась другому.

— Я обещалась другому, — она разомкнула его объятия и первым делом заперла двери. Потом зажгла свечу от лампадки и подошла к зеркалу, чтобы вытащить шпильки.

— Ты все равно будешь моей, — сказал Эфриэл, встав за ее спиной.

Взгляды их встретились в зеркале, и Бранвен вздрогнула, чувствуя, как колдовское

очарование снова сковывает волю.

— Я ведь обещала, что отправлю тебя домой, — сказала она и вышла на балкон, подальше от соблазна. Здесь было темно, и только неровный свет свечи бросал на пеструю мозаику пола желтое пятно.

— Не могла бы ты вернуться? — попросил сид, останавливаясь за прозрачной кисеей, отделявшей комнату от балкона. Его черный силуэт и пугал, и волновал Бранвен. Она заговорила шутливым тоном, чтобы не выказать волнения:

— Боишься идти дальше? Теперь буду знать, как избавиться от тебя, когда выпьешь слишком много.

Желая его подразнить, она села на балюстраду:

— Какой вид открывается отсюда! Жаль, нет луны. Наверное, розы чудно выглядят при лунном свете. Но и так неплохо. Они кажутся белыми, словно перламутр. Ты не находишь?

— Когда наступит моя ночь, — сказал он, — я тебя так отымею, что наутро ходить не сможешь.

От этих слов Бранвен чуть не слетела с перилец. Чтобы не упасть, она ухватила за розовый куст и оцарапала ладонь, но даже не успела вскрикнуть, потому что Эфриэл сделал шаг и ухватил ее за юбку, стащив вниз.

— Лучше не испытывай судьбу, — посоветовал он, усаживая девушку на скамейку у стены.

Хоть Бранвен и не считала себя слишком сообразительной, но рассудила, что лучше не спрашивать, о каком испытании говорилась. Эфриэл сел у ее ног и заставил открыть ладонь.

— Совсем небольшая царапина, — сказал он. — Айрмед советовала промывать царапины вином, но вина у нас нет...

— Я скажу, чтобы принесли, — Бранвен попыталась отнять руку, но Эфриэл не пустил.

— Обойдемся и без вина, — сказал он и лизнул ранку.

— Не надо тебе так делать, — тихо произнесла Бранвен.

Он посмотрел на нее снизу вверх:

— Мне не надо было встречать тебя.

Она не смогла сдержать лукавства и прошептала:

— Я настолько плоха?

Свеча и лампадка погасли одновременно, погрузив двоих в темноту. Теперь Эфриэл видел лицо Бранвен неясным белым пятном, зато сильнее ощутил ее близость. Благодаря короткой юбке стройные девичьи ноги были почти открыты, если не считать преграды в виде шелковых чулок. И он немедленно погладил тонкие лодыжки, скользнул ладонями выше, по округлым икрам, и уже возмечтал о коленях — белых и гладких, как мрамор, но не каменно-холодных, а теплых. Было бы так сладостно их сдавить и развести в стороны, чтобы открыть себе путь к настоящему наслаждению, превратив в реальность мечты последних месяцев.

Но мечты остались мечтами, потому что нежная леди тут же залепетала привычное «нет-нет-нет» и начала отбиваться, будто спасала собственную жизнь.

— Измучила, — выдохнул Эфриэл и уткнулся в ее колени, понимая, что ненавидит добродетельных женщин больше всего на свете. Он обнял Бранвен за талию и замер, пытаясь утишить страсть, усиленную вином. На девичьих коленях было хорошо и покойно, и от этого совсем расхотелось вставать. Мысли путались, и глаза закрывались сами собой, и все члены сковало блаженное оцепенение.

Четверть часа Бранвен боялась пошевелиться, стиснутая кольцом крепких мужских рук, и только потом осмелилась легонько встряхнуть Эфриэла и наклонилась, убирая волосы, упавшие на его лицо. Он спал. Дыхание было ровным, а стиснутая щека придавала ему совсем мальчишеский вид.

— Что же мне с тобой делать? — Бранвен укоризненно покачала головой.

Она долго смотрела на спящего, и рука ее машинально поглаживала длинные жесткие волосы сиду. Как же так получилось, что теперь она с волнением ожидает не первой ночи с мужем, а ночи совсем с другим мужчиной? Даже не с мужчиной — с призраком, который исчезнет, как только... Бранвен усилием воли отогнала греховные мысли. Он принадлежит другому миру, и она обязана отпустить его. Какое, однако, суровое слово — обязана. И почему обязанности никогда не совпадают с желаниями?

Тишина ночи нарушилась веселыми возгласами и треском фейерверков. Площадь находилась по ту сторону дома, и Бранвен не могла видеть ни ослепительных комет, ни огненных мух, взрывающихся в небе — только отблески на облаках. Эфриэл зашевелился, разбуженный шумом, и забормотал что-то, тычась ей в колени, как слепой котенок.

— Проклятое вино, — произнес он почти внятно, — пьется, будто вода, а валит с ног похлеще бешеного быка. Я долго спал?

— Совсем нет, полчаса или меньше. Как ты себя чувствуешь?

— Как распоследний дурак, — огрызнулся он, потирая голову и усаживаясь на скамью рядом с девушкой.

Места было ровно столько, чтобы сидеть, тесно прижавшись. Бранвен сочла это неприличным и поспешила подняться. Сид тут же развалился, заняв всю скамейку, вытянул ноги и прислонился затылком к стене.

— Не представляешь, какой кошмар мне приснился... Будто заявился мой папаша, и его серебряная рука громыхала, как сотня несмазанных колесниц.

— Ты звал во сне Айрмед, — сказала Бранвен. — Кто она?

— Айрмед? Это женщина-мечта. Прекрасна, нежна и добра, как сама доброта.

— Добра? Наверное, она не отказала тебе, — уколола Бранвен. Ей показалось, что сид несколько смутился, чего за им обычно не водилось.

— Можно сказать и так, — признал он. — Но я бы выразился по-другому: она проявила больше сердечности и понимания, чем некоторые.

— Да, именно так тебе и должно казаться.

— Язвишь, дитя? — Эфриэл потер виски. — Не самое подходящее время. Я сейчас не вспомню даже имен своих бабушек, поэтому вряд ли смогу достойно ответить.

— Принести воды? — спросила она участливо.

— Если госпоже герцогине не трудно.

Бранвен вернулась в комнату, нашарила кремень и кресало и попыталась высечь искру, чтобы зажечь свечу, но так и не смогла. Зато Эфриэл заворчал, что она ходит долго, как за смертью.

— Тороплюсь со всех ног, милорд, — пропела Бранвен, наливая в высокий бокал воды из кувшина. Делать это приходилось наугад, и она благополучно перелила — налила воды вровень с краями. «С горкой», — как выразился Эфриэл. Он пил долго, почти осушив бокал до дна. Напоследок закашлялся и пролил остатки на грудь.

— Это все ты наколдовала, незадачливая ведьма? — возмутился он, стряхивая ладонью воду. — Не слишком приятно, знаешь ли.

— Просто ты слишком торопишься, — ответила Бранвен, доставая из потайного кармашка платок. — Давай помогу.

Она легко коснулась его груди, осушая воду, потом промокнула ему губы и подбородок.

— Как чудесно у тебя получается, — сказал Эфриэл. — Жаль, воды не осталось, я бы пролил и на...

— Я поняла, — оборвала его Бранвен, закрыв ему рот ладонью. — Не надо продолжать.

Сид медленно поднялся, пытаясь разглядеть выражение ее лица.

— Теперь ты перестала меня бояться, — сказал он. — Почему?

— Ты спал на моих коленях. Разве женщина станет бояться мужчины, чей сон она берегла?

— Не надо продолжать, — сказал Эфриэл и поцеловал ее.

На этот раз его поцелуй был осторожен, почти робок. «Совсем немного, — подумала Бранвен, опуская ресницы, — совсем чуть-чуть греха... Яркое пламя простит мне, если я только...» Но руки ее сами легли на его плечи, поглаживая гладкое, плотное — словно полированное дерево — тело.

— Я умираю, едва лишь посмотрю на тебя, — прошептал Эфриэл, отрываясь от нее. — Что ты со мной сотворила, колдунья?

— Что я могла сотворить? — ответила она тоже шепотом. — Ты же знаешь, я ужасно неумелая...

Соловей завел свою песню совсем рядом, да так громко, что оба вздрогнули. И аромат роз, и соловьиные переливы, и тепло и таинственность южной ночи — все располагало к любви. Бранвен приподнялась на цыпочки и приникла к губам сиды. «Еще чуть-чуть греха, совсем капельку... — успокаивала она себя. — И все, не буду грешить».

Они переговаривались шепотом, перемежая слова поцелуями.

— Не забуду этой ночи до конца жизни, — сказал Эфриэл.

— Наверняка, ты говорил это тысячи раз.

— Говорил. Но никогда — искренне. Только сейчас.

— И это ты тоже говорил тысячи раз...

Тихий стук развеял волшебство.

— Вот и гусак явился.

Глаза Бранвен стали огромными и почти умоляющими. Руки ее так и лежали на плечах Эфриэла.

— Мне открыть?

Эфриэл смотрел на нее не отрываясь и молчал. Казалось бы, чего легче — велеть ей впустить мужа и получить сполна ту награду, к которой она стремилась. А следующей ночью оказаться дома, послав в драконову пасть мир смертных, милорда Гусака и миледи Гусочку. Он заставит ее поклясться никогда не вызывать его, и значит, пятьдесят-шестьдесят лет спокойной жизни обеспечены. Но время шло, стук становился все требовательнее, а Эфриэл молчал.

— Мне открыть? — снова спросила Бранвен.

— Нет, — сказал Эфриэл, ругая себя при этом последним глупцом и бабским прихвостнем. — Гони его трижды. Он ведь говорил, что не тронет тебя, пока вы не приедете в родовой замок? Вот и напомни об этом. Мужчина должен отвечать за свои речи. Так он сильнее распалится, и ты станешь для него еще желаннее.

Она кивнула, уясняя. Она сняла руки с его плеч, и сразу стало холодно, словно подуло

ветром с севера. Хотя никакого ветра не было и в помине, и розы доверчиво льнули к балкону нежными бутонами, а соловей продолжал заливаться в кроне мирта. Но женщина с серыми глазами ушла, и все стало ненужным — и эта ночь, и розы, и соловьи.

Эфриэл слышал, как Бравен подошла к двери, постояла, скрепя половицей, а потом спросила:

— Кто здесь?

Когда жена удалилась, лорд Освальд ощутил недовольство, беспокойство и раздражение. Причем, к жене ни одно из этих чувств не имело никакого отношения. Он сразу же прогнал Адончию, потому что ее сладострастный лепет после сдержанных речей Бранвен был противен. Герцог выпил еще два бокала вина, и хотя оно было разбавлено водой, ощутил головокружение.

— Благородной старшей сестре нездоровится? — спросил его гринголо Селсо. — Она так рано покинула нас.

— Да, герцогиня устала в дороге.

— Какая жалость. Она украсила собою праздник. Позвольте поздравить вас, мой старший брат, такой красавицы не найти во всей Аллемаде. Теперь я понимаю, что путь на север стоил такого сокровища.

— Да, стоил, — пробормотал гринголо Освальдо.

Остаток празднества он просидел, как на иголках. Но едва начались заключительные фейерверки, распрощался с хозяевами и пошел к себе. Им с герцогиней отвели две смежные комнаты, но дернув внутренние двери, он обнаружил, что они заперты.

Грум помалкивал, понимая, что господин его в таком состоянии, что за каждое неосторожное слово можно получить плюху, а то и две. Он пропустил в комнату слуг, тащивших принадлежности для умывания и горячую воду, но когда появилась Адончия, заколебался.

— Господин уже приготовился ко сну? — спросила она медоточиво.

— Кто там, Чириако? — окликнул из комнаты господин, и груму пришлось ответить.

— Пришла Адончия, гринголо, — сказал он. — Впустить?

— Гони прочь, — последовал ответ.

Грум с удовольствием захлопнул двери прямо перед вытянувшимся личиком девицы. Устраиваясь возле порога и ожидая, когда позволено будет удалиться или остаться охранять покой господина, Чириако размышлял, насколько было бы проще и лучше, если бы благородные господа были также благородны и в семейной жизни. Взять, к примеру, герцогиню. Что еще надо мужчине? Конечно, она не так мясиста, как Адончия, но толстые женщины — улада для крестьян. А женщина благородная должна быть соткана из воздуха и лепестков розы. Последним сравнением грум позволил себе погордиться. Он был не слишком-то учен, но постоянно сопровождая гринголо Освальдо слышал много утонченных выражений. Это нравилось ему особенно. Да! Из воздуха и лепестков розы! И зачем было наносить такому нежному существу такое не нежное оскорбление? Адончия сама по себе неплоха, и с остальными держит себя в строгости, но разве ее можно сравнить с герцогиней?

Когда слуги удалились, герцог пригладил волосы, глядя в зеркало, и спросил, натягивая свежую рубашку:

— Адончия ушла?

— Мне позвать? — грум с готовностью вскочил. Соображения — соображениями, а

воля господина всегда превыше благоразумия и справедливости.

— Нет, не зови. Выгляни в коридор, нет ли там кого?

Чириако мигом понял, к чему это идет и выглянул в коридор с удвоенным старанием.

— Пусто, гринголо! — возвестил он. — Дать вам плащ?

— Не надо плаща. Постой у лестницы и не пускай никого.

— Будет сделано, — грум поклонился и зарысил к указанному месту, чтобы заворачивать всех любопытных и захожих, если такие появятся посреди ночи возле господских покоев.

Сам же Освальд выскользнул в коридор и стараясь ступать потише подошел к комнате герцогини и прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Он знал, что с недавних пор герцогиня отказалась от услуг служанок и предпочитала ночевать одна, обходясь без компаньонки. Раньше это казалось ему странным, но сейчас — необыкновенно разумным.

Он постучал трижды, ожидая заветного щелчка замка. Потом постучал громче и еще громче, решив, что супруга уснула. Наконец по ту сторону двери послышались легкие шаги.

— Кто здесь?

— Миледи, откройте, — сказал лорд Освальд, в нетерпенье нажимая на дверную ручку. — Это ваш супруг.

— Что-то случилось?

Грум на лестнице закашлялся. То ли предупреждал, что кто-то идет, то ли решил прочистить горло.

— Зачем вы здесь, милорд? — спросила жена, но открывать не спешила.

— Впустите меня, а там решим, зачем я здесь.

— Но я уже разделась, милорд.

— Тем лучше, — он поскреб ногтями косяк, приникая к щели, чтобы голос не так громко раздавался под сводами Каса Помо.

— Нет, милорд.

— Нет?

— Я привыкла спать одна, — заявила она без капли жалости. — А у вашей милости есть Адончия.

— Но мне не нужна Адончия! — возмутился герцог. — Мне нужны вы!

— Придется потерпеть до Ла-Коруни. Ведь таково было ваше желание.

— Тогда я был не в себе, — покаялся герцог. — Откройте.

— Нет. Ваша милость прекрасно скоротает время с Адончией. А у меня болит голова, не беспокойте меня.

— Я могу принести вам лавровые капли...

— Благодарю, у меня есть.

— Сыграю вам на лютне, чтобы вы крепче уснули...

— О, не утруждайте себя. Я уже засыпаю, лютня мне только помешает.

— Не будьте так жестоки! — возмутился лорд Освальд.

— И не смею, мой дорогой супруг. Все, что я делаю — только лишь для вашего блага, — в ее голосе чувствовалась непритворная забота. — Спокойных снов, милорд.

Отвергнутый муж еще какое-то время тщетно взывал к супруге, но она хранила молчание, и лорд Освальд поспешил скрыться в своей комнате, чтобы не выставить себя на посмеище перед слугами, которые будто бы невзначай решили наведаться в эту часть дома.

— Она не открыла мне! — доверился он груму, который вошел следом за господином.

— Ах, негодяйка, — вздохнул грум.
— Не смей говорить подобными выражениями о моей жене! — вскипел лорд Освальд.
— Прошу прощения, я не так выразился.
— Но она не открыла! — не мог успокоиться герцог.
— У нее болит голова...
— Я уверен, это всего лишь отговорки!
— Позвать Адончию?
— Видеть не хочу эту жабу! Она надоела мне еще в дороге.
— Тогда вам лучше лечь спать, милорд.
— Я сам виноват.
— Все верно...
— Она сказала, мне придется ждать до Ла-Коруни!
— Ах, не... коварная.
— Но это пять дней пути!
— Если поторопимся, доберемся за четыре.
— Поди вон, — махнул на грума рукой лорд Освальд. — Твоя тупость утомляет.
— Как прикажете, — грум подождал, пока герцог устроился на пуховых перинах, яростно взбив подушку кулаком, после чего прикрыл ставни и удалился.

В соседней комнате Бранвен обессилено опустилась в кресло, глядя на Эфриэла сияющими глазами.

— Я все сделала правильно? — спросила она голосом маленькой девочки.

— Более чем. Ты быстро учишься, маленькая леди.

Бранвен была слишком взбудоражена тем, что произошло, и не заметила его недовольства. Хотя, с чего бы ему быть недовольным? Все складывается, как нельзя лучше.

— У меня получилось! — она до сих пор не могла поверить успеху. — У меня получилось! Он сказал, что ему не нужна Адончия!

— Слишком не обольщайся, — буркнул сид, укладываясь в постель. — Ты еще не победила, просто выиграла сражение. А теперь умолкни, я хочу спать.

Он отвернулся, и Бранвен, воспользовавшись этим, с горем пополам расшнуровала корсаж и переделала в длинную рубашку для сна. «Милая Тильда пришла бы в ужас и прочитала мне тысячу нравоучений, если бы знала, что я научилась сама раздеваться перед сном», — подумала девушка. Нырнув под одеяло, она свернулась клубочком, стараясь не коснуться сиды ни рукой, ни ногой, но ей никак не спалось, и мысленно она снова и снова повторяла разговор с мужем, пока не вспомнила кое о чем важном.

— Я не поблагодарила тебя, — сказала она смущенно. — Спасибо, что возишься со мной.

— Если ты сейчас же не замочишь, я тебя задушу, — пообещал Эфриэл и с размаху опустил ей на лицо подушку.

Глава XII (начало)

В последующие три дня пути лорд Освальд совершенно переменялся. Он позабыл об охоте и все время ехал рядом с каретой супруги. По совету Эфриэла, Бранвен разговаривала с мужем неохотно и исключительно через окошечко, открытое наполовину. В карете было душно и темно, но герцогиня терпеливо переносила сии неудобства, возлежа на подушках, подперев голову рукой, и слушая, как супруг разглагольствует о чрезмерной жестокости некоторых красавиц.

Теперь не было необходимости разбивать на ночь шатры — на пути повсеместно попадались деревушки и небольшие города. В первую же ночь после праздника в Имерилье, заночевав в гостинном доме, Бранвен не могла уснуть до полуночи — лорд Освальд приходил несколько раз, то умоляя, то требуя, чтобы его впустили. Начинались переговоры через дверь, но Бранвен стояла на своем — есть Адончия, вот к ней и надо отправляться милорду герцогу.

Но любовница, разрешение на которую было получено, сразу потеряла половину прелести. Однажды утром Бранвен оказалась свидетельницей, как Адончия получила от лорда Освальда выволочку из-за того, что осмелилась подойти слишком близко и надоедать разговорами. А в другой раз он велел служанке ехать в хвосте каравана, сочтя ее наряд неприличным и безвкусным.

Зато когда Бранвен объявила, что не желает надевать прежних платьев, в первой же лавке был куплен ворох юбок, ярких чулок и кофт с короткими рукавами. Примерила Бранвен и кружевное покрывало, которое помогли ей надеть Чикита и Тония, весьма заважавшие герцогиню, и теперь всячески старавшиеся ей услужить. Оказалось, что нацепить кружева — вовсе не простое дело, как могло показаться. Девушки объяснили Бранвен, в чем тут хитрость. Чтобы кружева лежали на плечах красивыми складками, их требовалось приколоть к рукавам. Сначала нужно было склонить голову к левому плечу и приколоть кружева справа, а потом наклонить голову к правому плечу и закрепить покрывало слева.

— Так ваша светлость уберезет личико от загара, — услужливо объяснила Чикита, — и будет совсем не жарко.

Но больше всего Бранвен нравилось, что кружевная накидка не скрывала волосы. В Аллемаде замужние женщины не носили генины, и внешним видом почти ничем не отличались от девушек, только прическу украшали массивными гребенками с резьбой и драгоценными камнями, а девушкам полагались гладкие гребни без особых украшений.

Все складывалось, как нельзя лучше, но особой радости Бранвен не ощущала. Да и Эфриэл сделался чересчур задумчив. Так они и ехали молча, думая каждый о своем, и даже шатрандж не занимал умы. И от беспокойных дум, а может и от жары, Бранвен почти каждую ночь мучилась тяжелыми снами, и даже ведро со льдом, поставленное на ночь возле постели, чтобы охладить воздух, не избавил герцогиню от кошмаров. Раз за разом она просыпалась в холодном поту, с колотящимся сердцем. Эфриэл, которого она будила вскриками, поначалу ворчал, а потом принимал каждое пробуждение с покорной обреченностью.

— Ты переела перечного супа за ужином, — сказал он, когда в очередной раз Бранвен

вскочила в постели, блуждая взглядом. — Переходи на фрукты. От них желчь не попадает в кровь.

— Прости, прости, — бормотала Бранвен, снова укладываясь. Иногда она пыталась пересказать ему свои кошмары — какие-то путанные и непонятные сновидения, где ей слышались плач и стоны женщин, заключенных в подземельях, и все время были быки, мчавшиеся яростно и грозно, и пытавшиеся поддеть на рога.

— Бред, — вздыхал Эфриэл. — Спи давай, я зеваю до ушей.

И она засыпала, отыскав прежде в темноте его руку, и вздрагивая в полудреме.

День накануне прибытия в столицу ознаменовалось появлением нового лица. Эфриэл удалился в коридор, предоставив Бранвен время на утренний туалет, а вернувшись сказал:

— У порога стоит какая-то старуха.

— Наверное, лорд Освальд прислал новую служанку.

— Не знаю, не знаю, — сид окунулся головой в таз для умывания и вынырнул, отфыркиваясь и отряхиваясь, как собака. — На служанку она не похожа, скорее, на опытную ведьму.

— Сейчас посмотрю, — ответила Бранвен, заинтригованная.

— Посмотри, — проворчал Эфриэл, отметив про себя, что с памятного дня, когда почтительный супруг припечатал нежной супруге по личику, она перестала говорить о нем с придыханием «мой муж». Теперь он был всего лишь лорд Освальд — ни больше, ни меньше.

Бранвен накинула на ночную рубашку длинную шаль с кистями — еще одна излюбленная деталь наряда женщин в Аллемаде, и выглянула в коридор.

За порогом стояла женщина в строгом черном платье — ничего похожего на легкомысленные южные наряды. Когда дверь скрипнула, женщина живо оглянулась и заулыбалась.

— Доброго утра вам, госпожа герцогиня!

Белый отложной воротничок освежал ее лицо с морщинками-лучиками в уголках глаз. На носу ловко сидели круглые очки, черная кружевная накладка красиво выделялась на седых волосах. Несколько оплывшие с возрастом черты придавали женщине вид доброй бонны-нянюшки. Бранвен сразу вспомнила милую Тильду, прониклась к женщине приятной и подсадовала на Эфриэла, как всегда поспешившего наговорить гадостей. В руках «нянюшка» держала шкатулку, запертую на миниатюрный замок.

— Позвольте представиться, госпожа герцогиня, — женщина поклонилась, разглядывая Бранвен с благожелательным интересом. — Меня зовут Леоакадия, я экономесса в Каса Люостросо, замке вашего супруга. Обычно меня зовут пейнета Кайя, но я вовсе не благородного происхождения, поэтому называйте меня по имени.

— О! Что вы! Если позволите, я буду называть вас пейнета Кайя, — сказала Бранвен, приглашая женщину войти.

— Если позволю! — засмеялась она. — Ах вы, моя дорогая! Кто же я такая, чтобы позволять вам что-то или запрещать? Позвать ваших горничных? Сегодня можно не торопиться с выездом — до Ла-Коруньи осталось несколько часов пути. Герцог распорядился, чтобы вас не беспокоили и дали отдохнуть. В Ла-Корунье будет большой праздник по случаю вашего приезда, вам надо выглядеть соответственно.

— Горничные, да... — Бранвен смущенно заулыбалась, услышав о празднике. Похоже, в этой стране любили праздновать каждый день, когда всходило солнце.

Тония и Чикита по приказу пейнеты Кайи явились с быстротой, достойной ветра. Под

строгим взглядом экономессы девицы совсем присмирели.

Внимательно следя за действиями служанок, пейнета Кайя рассказала Бранвен, что едва только прибыл гонец от герцога, она собралась в дорогу и выехала навстречу каравану. Шкатулку она держала на коленях, рассеянно поглаживая крышку.

— Я привезла вам фамильные драгоценности рода Аллемада, — экономесса достала из поясной сумочки пергаментный свиток, поправила очки и зачитала, водя пальцем по строчкам: — Гребень, серьги, ожерелье, два кольца с рубинами, золотая печатка, три цепочки, шесть браслетов...

— Зачем вы подвергали себя опасности, путешествуя с таким богатством! — воскликнула Бранвен.

— Никакой опасности, — заверила ее пейнета Кайя. — По распоряжению герцога, драгоценности сопровождал целый отряд. Нам никто не был страшен. Зато вы въедете в столицу во всем великолепии.

— Как хорошо, что вы об этом подумали...

— Служить вам — моя обязанность. Я в Каса Люостросо с пяти лет, надеюсь, что и дальше буду вам полезной.

— Это несомненно! — пылко заверила ее Бранвен.

— Поменьше чувств, гусочка, — напомнил Эйриэл. — Ты ничего об этой старухе не знаешь. И лично мне она не нравится.

— Тебе никто не нравится, — прошептала Бранвен.

Когда герцогиня была готова к выходу и горничные ушли, экономесса одобрительно кивнула.

— Вы очень правильно поступили, что надели махо, — похвалила она и пояснила: — Так называется этот костюм, он бывает и мужским и женским, и всех, кто носит их, тоже называют махо. Не знаю, известно ли вам, но милорд Освальд очень любит все, что связано с традициями народа Аллемады. Как он танцует чакону! Как самый заправский погонщик быков! А дома носит только махо и даже засовывает за пояс кинжал, как делают простолюдины. В Аллемаде носить длинные клинки разрешается только благородным гринголо, но простолюдины изобрели складные ножи. Вы еще увидите их, милочка. Это ужас, что такое! Нажимаешь кнопчку, и острие выскакивает, как по волшебству!

Бранвен слушала ее со смешанным чувством любопытства и уныния.

— Я даже не подозревала, что лорд Освальд так любит народные обычаи и привычки, — сказала она.

Пейнета Кайя уловила в ее голосе грусть и тут же спросила, в чем причина. И Бранвен не смогла промолчать и выложила этой доброй женщине все свои переживания и обиды. Услышав, что лорд Освальд пренебрегал молодой женой из-за Адончии, экономесса сдвинула брови с самым непреклонным видом.

— Какой позор!.. — прошептала она и решительно поднялась, со стуком поставив шкатулку на стол.

— Куда вы? — спросила Бранвен.

Но пейнета Кайя не ответила, прошествовала до двери, распахнула ее и громко приказала прислать Адончию. Когда служанка появилась — и очень расторопно, надо сказать, — экономесса с ходу отвесила ей две пощечины.

— Ого! А ведьма развоевалась, — насмешливо сказал Эфриэл.

Бранвен только передернула плечами. Она терпеть не могла подобных разборок, и по ее

мнению, даже Адонция не заслужила оплеух. И если кто-то находит в сих зрелищах интерес и удовольствие — он варвар из варваров, но все же такое заступничество приободрило ее.

— Это чтобы ты знала свое место, — объявила экономесса расплакавшейся служанке. — Пока не приедем в Ла-Корунью — не показывайся мне на глаза, а когда приедем — возмешь жалованье и уберешься, откуда пришла. В деревне тебе самое место. Она хлопнула дверь с оглушительным стуком и вернулась к Бранвен.

— Извините, ваше сиятельство, но меня так возмутило поведение этой негодницы...

— Мне кажется, вы слишком жестоко наказали девушку, — сказала Бранвен. — Избивать ее, да еще и выгнать — за что? Она всего лишь служанка, и когда герцог обратил на нее внимание, не смогла отказать. Оставьте ее в замке, пожалуйста.

— Ты это серьезно? — насмешливо спросил Эфриэл. — Какая святость и глупость!

— Вы очень добры, госпожа герцогиня, — сказала пейнета Кайя, — и пристыдили меня. Но Адонция заслуживает урока. Сделаем так. Пусть она отправится в деревню, скажем, на месяц — чтобы подумала о спасении души и женской добродетели, а потом мы ее вернем. Я отправлю ее на кухню или в портомойню, чтобы поубавила лоска. И там она точно не попадется больше на глаза милорду Освальду.

— Вы просто чудо! — Бранвен в порыве благодарности схватила экономессу за руки, и та в ответ ласково пожала пальчики герцогини.

— Какое вы еще дитя, — умилилась она. — Но я полюбила вас с первого взгляда! Если что-то понадобится — только скажите мне, я все сделаю и все решу.

— Зовите меня по имени, — попросила Бранвен, — вы так похожи на мою любимую нянюшку, которая осталась в Эстландии... У вас и голос такой же. Я буду закрывать глаза и представлять, что это Тильда говорит со мной.

— Скучаете по дому?

— О! Это пройдет, — вздохнула Бранвен.

— Конечно, пройдет, — пейнета Кайя потрепала Бранвен по щеке. — Как только вы увидите маскарад, бои быков и Каса Люстросо — ваша тоска по дому значительно уменьшится, а может и вовсе исчезнет. Герцогский замок — самое красивое строение во всей Аллемаде. Да что там Аллемада! И в Эстландии не найдете такого великолепия.

— Можно спросить вас... — сказала Бранвен, ужасно стесняясь.

— Говорите, ваше сиятельство, — с готовностью подалась вперед пейнета Кайя.

— Это касается первой жены милорда Освальда... — проговорила Бранвен, запинаясь.

Проницательная женщина сразу же догадалась о причине ее смущения:

— Он не сказал вам.

Бранвен покачала головой и поторопилась оправдать мужа:

— Должно быть, для милорда это очень болезненная утрата...

— Нет-нет, не переживайте, — экономесса ободряюще погладила девушку по руке. — Никакой привязанности там и быть не могло. Они были едва знакомы, прожили вместе чуть больше месяца, и вдруг пейнета Пилар — пусть яркий огонь озарит ее путь — скоропостижно скончалась. Об этой смерти многие говорили. Но люди всегда болтают лишнее, когда умирает молодой и здоровый человек. Не думайте о ней, не омрачайте начало семейной жизни. Он просто не хотел вас волновать, — она поправила кружева на рукавах кофты Бранвен. — Кому захочется огорчать призраками прошлого такую милую девушку?

Бранвен покраснела, чувствуя, что начинает любить эту женщину, как кровную родственницу.

— Большая удача, что я встретила вас, — сказала она.

— Удача — это то, что наш герцог нашел такую прекрасную жену, — ласково ответила пейнета Кайя. — Я оставляю вам драгоценности, завтракайте, наряжайтесь — и отправимся. Люди в Ла-Корунье ждут вас с нетерпением. Не обманите их ожидания.

— Лживая, лицемерная старуха, — сказал Эфриэл, когда экономесса удалилась.

— Почему ты всегда хочешь видеть в людях лишь зло? Пейнета Кайя добра и заботлива, ты просто не понимаешь, что люди могут быть добры по своей природе.

— Где уже мне, дураку, устриц есть, — холодно ответил Эфриэл.

Не желая ссориться, Бранвен сделала вид, что ее очень интересует содержимое шкатулки. Ключик прилагался — висел на тонкой цепочке, прикрепленный к петельке в крышке. Девушке пришлось повозиться, открывая замок, и ее труды были щедро вознаграждены. Даже у леди Дерборгиль из Роренброка не было таких драгоценностей. Бранвен принялась доставать украшения, ахая от восторга. — Какие огромные и прозрачные камни! Какая тонкая работа! Ты только посмотри!

Но Эфриэл даже не взглянул, пробормотав что-то о дамских побрякушках и пустоголовых леди. Больше всего его занимал завтрак. Все время, пока он с аппетитом поглощал морские гребешки в сливочном соусе, Бранвен расхваливала экономку из Каса Люэстросо. И даже когда они вышли во внутренний двор, где запрягали коней, она продолжала петь дифирамбы пейнете Кайе.

— Тебя так вдохновила плюха, которую она отвесила твоей сопернице или барахлю, которое она тебе привезла? — спросил Эфриэл, но Бранвен не пожелала заметить насмешки.

— Она замечательная! Теперь я почти не боюсь, а раньше трусила ужасно. Все-таки, яркое пламя милосердно. Вот, оно направило мне навстречу добрую и милую помощницу.

— С каким это пугалом разговаривает твоя милая и добрая ведьма? — поинтересовался Эфриэл, указывая на пейнету Кайю, беседовавшую с неприглядного вида верзилой. Верзила был рябой и кривой на один глаз, но одет богато — почти как гринголо, в черный бархат и алый атлас. Короткие штаны украшал золотой позумент, а на башмаках сверкали серебряные пряжки.

Пейнета Кайя и ее кривой собеседник не заметили Бранвен — она стояла в тени портика, а Эфриэла и подавно никто не видел. До слуха девушки долетели обрывки фраз:

— ...пять самых отборных курочек, — говорил кривой, — в самом соку, нежные...

— Очень хорошо, — деловито сказала экономесса. — Привезешь в Ла-Корунью, я их посмотрю лично. Герцог любит, чтобы все были...

— Все беленькие, Кайя! Разве я тебя когда-нибудь подводил?

— Наверное, он ее родственник, — сказала Бранвен, усаживаясь в карету. — Я уверена, что пейнета Кайя содержит все в порядке и довольстве. Ты не представляешь, как хорошо, что есть кому заниматься хозяйством. Даже в Роренброке я ничего не решала — где уж мне справиться с огромным замком в столице. Но пейнета Кайя научит меня всему, я стану хорошей женой, — она помолчала и добавила, будто убеждая саму себя: — Да, хорошей женой.

В Ла-Корунью въехали уже в сумерках, и Бранвен сразу поняла, какой глупышкой она была, восхищаясь городком Имерильей. Там все было игрушечным, розово-кремовым, как яблочная пастила. Здесь же белоснежные башни напоминали драконьи зубы — они возносились к небу хищно и твердо, а стена вокруг города походила на неприступные белые

скалы Дувра. И если в Имерилье девушку переполняли восхищение и радость, то Ла-Корунья посеяла в ее сердце безотчетный страх.

Ради въезда в столицу, Бранвен пришлось пересест в седло. Она была не ахти какая наездница, поэтому страшно трусила, хотя и пыталась это скрыть. Эфриэл шел рядом, держась за стремя, чтобы не отставать. Когда его локоть прикасался к лошадиному боку, бедное животное всхрапывало и дергало ушами, а Бранвен судорожно сжимала поводья, боясь, что кобыла понесет.

Едва сиятельная пара проехала в городские ворота, сверху обрушился дождь цветочных лепестков. Люди лезли чуть не под копыта лошадям, желая прикоснуться к башмакам своего господина. Рыцари, пешими сопровождавшие герцогскую чету, отгоняли особо настойчивых.

Навстречу шествовала пестрая толпа благородных пейнет. Бранвен увидела их и беспокойно заерзала в седле, а Эфриэл расхохотался. Пейнеты были разнаряжены, что твои павлины, но у каждой подол был подвернут к поясу, выставляя на всеобщее обозрение яркие нижние юбки.

— Ты создала новую моду, девочка, — сказал сид довольно. — Не надо смущаться. Это большая честь для такой глупышки, как ты. Но как они хороши! Кобылицы, а не женщины!

— Очередная глупость наших модниц, — сказала с досадой пейнета Кайя, ехавшая на смирном муле рядом с лошастью герцогини. — Если так пойдет дальше, скоро они вообще снимают юбки или сделают их короткими, как передники.

Бранвен благоразумно промолчала и вдруг вскрикнула — ей показалось, что голова одной из дам запылала, зажженная факелом. Уже в следующее мгновение она увидела, что ошиблась. Что-то сверкающее, горящее беспламенным огнем, пряталось в волосах красивой гордой пейнеты, расцвечивая драгоценные камни на ее гребенке всеми цветами радуги.

— Это какое-то волшебство? — спросила Бранвен у экономессы.

— Нет, моя дорогая, это всего лишь лампириды.

— Лампириды?

— Жуки, которых наши модницы специально покупают к праздникам. Эти жуки светятся в темноте.

Некоторые дамы нанизали светящихся жуков вместо ожерелий, и от этого их резкие монументальные лица светились, будто древние статуи, озаренные жертвенным огнем. Бранвен подумала, что никогда не смога бы носить на голове или шее жуков. Будь они сколь угодно красивыми и блестящими.

Вслед за прекрасными пейнетами юную герцогиню приветствовали благородные гринголо, а затем выскочили дети, забросав долгожданную гостью душистыми цветами.

— Вы всем очень нравитесь, — сказал лорд Освальд Бранвен на ушко. — Что же касается меня, то я просто очарован... И драгоценности нашего рода вам очень к лицу. А теперь — внимание, мы подъезжаем к замку.

Каса Люстросо ошеломил Бранвен. Никогда еще она не видела более грандиозного здания. Удивительный, ни на что не похожий замок казался неприступным, как скала, но в то же время легким, воздушным. Впечатление усиливали красные колонны, основание которых было уже, чем верх. Коньки крыш венчали каменные флюгера в виде мчащихся быков.

— Он весь пронизан светом, — лорд Освальд открыто любовался замком. — Поэтому его и называют Каса Люстросо — Замок Света.

— Он великолепен, — шепотом согласилась Бранвен. Она невольно вздрогнула, когда

тень замка упала на нее, и втайне обрадовалась, что лорд Освальд пообещал показать замок после праздника, а не сейчас.

Столы с угощениями стояли на улицах, и каждый мог выбрать понравившееся кушанье. Виночерпии разливали всем желающим вино из пузатых бурдюков, всюду слышались смех, песни и музыка.

Они проехали мощеными улицами и оказались у другого здания — тоже огромного, но круглого, как чаша. Лорд Освальд помог Бранвен спешится и торжественно провел внутрь здания-чаши. У странного строения не оказалось крыши — первые звезды уже поглядывали на ровную круглую площадь, окруженную каменным ограждением высотой в три локтя. Земля была посыпана белым песком и выровнена, совсем как на ристалище. Сотни факелов освещали площадь и стояли вдоль рядов каменных сидений, поднимавшихся до самого верха. Ряды быстро заполнялись людьми, а лорд Освальд и его супруга расположились в крытой, усыпанной цветами, ложе возле самой площади. Каменные сидения прикрыли мягкими подушками, и сидеть было мягко и удобно.

— Будет турнир? — спросила Бранвен. — Но где же рыцари?

— Сегодня будет кое-что поинтереснее турнира, — пообещал ей лорд Освальд. — Вы увидите нечто такое, что сам король позавидовал бы вам.

Бранвен посмотрела на Эфриэла, он встретил ее взгляд и вопросительно приподнял брови, но девушка покачала головой и отвернулась.

Площадь между тем запрудили нарядные люди — мужчин, женщины и даже дети. Громко запела труба, а потом вдруг в боковые двери выскочили быки — маленькие, как мулы, но сильные и верткие, черные, с короткими рогами. Люди завопили и бросились в разные стороны, а быки помчались за ними, наклонив лобастые головы в жестких кудряшках.

Бранвен вцепилась в подлокотники кресел — быки сорвались с привязи! Праздник будет испорчен, если кого-то поранят. Она ждала, что сейчас появятся загонщики быков, чтобы поймать и утихомирить зверей, но загонщики не появились, а через открытые двери загоняли новых и новых быков. Люди с воплями и криками улепетывали от разъяренных животных, взбирались на ограждения и уже оттуда, сидя верхом на изгороди, криками подбадривали тех, кто оставался на площади.

— Почему никто не остановит быков?! — Бранвен жестом отказалась от фруктов и воды, что ей поднесли. Как можно есть и пить, когда люди рядом нуждаются в помощи?

— А? — лорд Освальд с трудом оторвался от зрелища и повернулся к жене. — Зачем же их останавливать, моя леди? Это традиционная игра в Аллемаде — забег с быками. Считается, кому удастся избежать бычьих рогов, те будут удачливы и счастливы. Видите, сколько желающих поучаствовать в этом древнем обряде? Самые ловкие получают награду. Каково?! — лорд Освальд засмеялся и захлопал в ладоши. — Взгляните на того, в красных штанах! А!.. О!.. А!.. Как он ловко увернулся!.. Еще прыжок, еще! Да шевелись ты, гусеница! Иначе отведаешь рогов!

Несмотря на восторги герцога, Бранвен смотрела на площадь с омерзением. Люди бежали, сталкивались друг с другом, падали, пачкая красивые костюмы, разбивали в кровь лица — нет, она решительно не понимала, чем может быть забавна такая игра. Но трибуны ревели, лорд Освальд забыл обо всем, кроме бычьих бегов, и стучал кулаком в такт барабанной дроби. Бранвен подумала, что у него хищный профиль, и улыбка больше похожа на оскал.

Когда победитель подошел для награды — окровавленный и оборванный, но чрезвычайно довольный, Бранвен даже не смогла поднять глаз. Ей было так стыдно, словно она совершила что-то предосудительное.

— Тебе не понравилось, — сказал Эфриэл, стоявший за ее креслом.

— Как такое может понравиться? — прошептала Бранвен.

— Да, они здесь отличаются от тебя, стыдливый северный цветочек, — заметил сид. — Но ко всему привыкаешь.

«Я никогда не привыкну», — подумала Бранвен, но вслух ничего не сказала.

Объявили тавромахию, и Бранвен приободрилась. Еще будучи невестой, она мечтала увидеть легендарные бои с быками, о которых ей столько рассказывали. Бык, выпущенный на площадь для поединка, оказался гораздо огромнее и свирепее тех, что участвовали в бегах. Фыркая, он обежал площадь, злобно поглядывая на зрителей, а следом за ним на площади появились всадники в пестрых костюмах. Всадники закружились вокруг быка, то наскакивая на него, то отступая, когда животное бросалось вперед, наклоняя голову.

— Что они делают? — спросила Бранвен, для которой происходящее было столь же лишено смысла, как и бестолковая беготня до этого.

— Это загонщики, — пояснил лорд Освальд. — Видите, у них в руках маленькие копья, к которым привязаны ленты? Загонщики метают копья в быка, чтобы он разозлился до красных глаз. А потом...

— Но ведь ему больно!

Лорд Освальд посмотрел на жену удивлено, но особого значения ее восклицанию не придал.

— Что поделать, миледи, — пробормотал он, — жизнь — это всегда боль.

Загонщики еще долго метались по арене, и толпа отвечала восторженным ревом всякий раз, когда очередное копье вонзалось быку в толстую шею.

Принесли охлажденный сорбет, и лорд Освальд, освежившись, решил вернуться к разговору о тавромахии.

— Посмотрите на это с другой стороны, миледи, — сказал он, смакуя ледяной напиток, в котором плавали полупрозрачные ломтики лимона. — Наша национальная игра — тот же рыцарский турнир. Вы ведь не упрекаете Его Величество в жестокости?

— Но на турнирах никого не убивают! — сказала Бранвен, с отчаянием следя за тщетными попытками раненого зверя настичь людей, причинявших ему боль. — И не издеваются над беззащитными животными!

— Это Эль-торо беззащитный? — герцог рассмеялся. — Не приведи яркое пламя оказаться вам сейчас рядом с ним. Бык — самое опасное и коварное животное. Победить такого врага — это очень трудно и почетно. Ага, вот загонщики удаляются... Сейчас в игру вступит эспадас — человек с тонким мечом. Он будет дразнить быка, разворачивая перед ним плащ. А потом, когда зверь окончательно взбесится, пронзит его сердце. Это огромное искусство — ударить разъяренного быка точно в сердце. Бывали случаи, когда бык убивал недостаточно удачливого и расторопного эспадаса!

— Разве это не ужасно? — запротестовала Бранвен, но муж только снисходительно улыбнулся.

— Вы слишком нежны, миледи, — сказал он.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

К зрителям выбежал мужчина в костюме махо — в коротких штанах, розовых гольфах и короткой куртке, расшитой золотым позументом. Талию его опоясывал алый атласный пояс, а на локте висел плащ с алой подкладкой.

Толпа встретила эспадаса таким ревом, что Бранвен зажала уши. Мужчина поклонился герцогской чете и тут же отпрыгнул в сторону, потому что бык не стал ждать, пока он отдаст

дань уважения, и попытался поддеть на рога. Эспадас развернул плащ и замахал им перед мордой быка, распаяя животное еще больше. Бык бросился на плащ, но эспадас отскочил в сторону, пропуская животное на расстоянии пяди от себя, и снова взмахнул плащом. Раз за разом бык атаковал человека, но человек уворачивался от удара. Это походило на танец — точный, выверенный до последнего движения, но Бранвен не могла проникнуться его красотой. Один из загонщиков выскочил на площадь и передал поединщику тонкий меч — оружие выглядело игрушечным, вроде кинжала, но длиннее клинком.

Эспадас в очередной раз уклонился от острых рогов, и бык пробежал мимо, а толпа опять взревела. Люди вскакивали на сиденья, хлопали в ладоши и принимались танцевать прямо тут же. Их лица виделись Бранвен бледными пятнами с черными провалами разинутых ртов. Она не поняла такого веселья, но вот бык замедлил шаг, споткнулся раз, другой, заревел и вдруг упал на колени, а потом и на бок, рухнув всей тушей. Песок взвился пылью, огромный выпуклый бок поднялся в последний раз и замер. Алая кровь пропитала арену, вытекая из глубокой раны.

— Какой удар! — кричал неистово лорд Освальд. — Вот это сила! Вот это точность! Отдайте ему главную награду и сто золотых сверх того!

Тушу быка уволокли, зацепив крючьями, кровь засыпали свежим песком, и выпустили нового быка.

Бранвен казалось, что она очутилась в страшном и непонятном сне. Она беспомощно повернулась к Эфриэлу, стоявшему возле ее кресла, боясь увидеть и на его лице удовлетворение от кровавого зрелища, и облегченно вздохнула, обнаружив, что сид не слишком-то доволен. А может быть, ему просто были скучны человеческие развлечения.

Следующие поединки девушка пережила закрыв глаза и вздрагивая всякий раз, когда толпа воплями отмечала очередную победу эспадаса. Когда лорд Освальд говорил, Бранвен заставляла себя обернуться к мужу и изобразить улыбку. Лучше всего было бы уйти, но она не представляла, какой выдумать предлог, чтобы покинуть празднество, устроенное в ее честь.

В разгар боев с быками запахло жареным мясом, и люди — начиная от простых зрителей, заканчивая благородными гринголо — заволновались. Лорд Освальд тоже не остался равнодушным:

— Божественный аромат! — сказал он, затрепетав ноздрями. — Сейчас его принесут!

— Кого? — спросила удивленно Бранвен.

— Быка! Кого же еще? Убитых быков разделявают, маринуют и жарят на углях, и самый первый кусок достанется нам, миледи! Вы влюбитесь в это блюдо, едва попробуете. Вот его уже несут! Нет ничего вкуснее!

Бранвен смотрела на серебряную тарелку, где лежал кусок жаркого. Вернее, кусок того, что еще недавно было быком, так яростно отстаивавшим свою жизнь. Девушка почувствовала тошноту и поспешила отвернуться:

— Я не голодна, благодарю вас.

— Вы зря не хотите попробовать, — герцог был разочарован. Он достал серебряную вилочку и серебряный столовый нож из деревянного футляра, что ему поднесли, и принялся за говядину, истекавшую ароматным соком. — Поистине, дивное, божественное блюдо! — восторгался он, отправляя в рот отрезанный кусок. — Самая лучшая прожарка — когда мясо остается сочным, с кровью... Что с вами?

— Мне немного нехорошо, — с трудом произнесла Бранвен, откидываясь на спинку

кресла и закрывая лицо рукой. — Позвольте удалиться...

— Вы совсем выбились из сил, — сказал лорд Освальд. — Конечно, можете покинуть праздник, — и добавил, понизив голос до интимного шепота: — И я удалюсь вместе с вами, ведь я так давно мечтаю об этом.

На сей раз Бранвен не поехала в седле. Для нее подали небольшие носилки с натянутым полотном вместо крыши. Носилки несли четыре человека, и Бранвен нашла этот способ передвижения весьма удобным, хотя и удивительным. Она не представляла, чтобы в ее родном Роренброке какая-нибудь дама велела носить слугам свое кресло. Но в Аллемаде это оказалось привычным делом, потому что по дороге им встретились еще несколько носилок. В которых восседали не только пейнеты, но и гринголо.

Лорд Освальд не пожелал воспользоваться носилками и ехал в седле, красуясь выездкой. Он посылал Бранвен ласковые улыбки, от которых она дрожала, как кролик перед лисой. Она боялась посмотреть и на Эфриэла, шагающего рядом, опасаясь, что он станет потешаться над ней за ее трусость.

Каса Люстросо встретил их тишиной и темнотой. Несколько слуг вышли встречать герцогскую чету, держа факелы и светильники, но лорд Освальд приказал подать свечу и никому не беспокоить, пока он будет показывать герцогине замок.

Муж долго водил Бранвен по огромным залам и коридорам с высокими потолками-арками, показывал зеркала, закрывавшие стены на два человеческих роста, отчего комнаты представлялись бесконечными. Он нес свечу, и их путешествие по Каса Люстросо напоминало блуждание в подземелье, где в каждой пещере скрывалась сказочная сокровищница. Но и богатства замка не привлекали Бранвен. Она мечтала, чтобы муж указал ей ее покои и оставил одну, но у герцога были иные планы, и девушке оставалось лишь следовать за ним, покорно кивая в ответ на хвастливые речи о богатстве и роскоши замка.

Не были обойдены вниманием и предки династии Аллемада. Подолгу останавливаясь у каждого портрета, герцог подробно рассказывал историю того или иного представителя его семьи, и вскоре Бранвен совершенно запуталась в именах, датах и событиях.

Эфриэл зевал во весь рот, да и сама Бранвен устала так, что еле передвигала ноги. И лишь лорд Освальд был полон сил, бодр и говорил с неутомимой красноречивостью.

Они остановились возле бархатной драпировки, скрывавшей одну из стен. Бранвен машинально затеребила витой шнур с толстой кистью, но лорд Освальд перехватил ее руку.

— Там нет ничего, заслуживающего внимание, — сказал он и увлек ее к противоположной стене. — Лучше взгляните сюда.

Он поднял свечу повыше, освещая мозаичное изображение, сложенное из мельчайших кусочков окрашенного стекла.

— Какая красивая картина, — голос Бранвен дрогнул.

— Удивительно красивая! — подхватил лорд Освальд. — Я приказал восстановить ее по рисунку из древней рукописи, — он любовно погладил золоченую раму. Подкрашенные стекляшки, уложенные вплотную друг к другу, изображали странную сцену — горбатый белый бык с рыжими пятнами на боках и с лировидными рогами мчался во весь опор. На его спине стройный, как тростинка, акробат выполнял стойку на руках, изящно изогнувшись в талии. Еще два акробата стояли по обе стороны от быка вытягивая руки и приподнимаясь на носках, словно в момент прыжка. Волосы их, завитые крупными кудрями, развевались по плечам, а на большеносых лицах сияли улыбки, словно акробатов ничуть не пугало разъяренное чудовище, и они наслаждались опасными плясками. Бранвен невольно схватила

мужа за руку, почувствовав слабость в коленях. Но не только бык, столь похожий на быков из сновидения, был тому виной. Испугали ее и людские фигурки, наряженные танцовщиками — в легких туниках до колен, сандалиях с высоким переплетением ремешков, а одна из фигур держала тамбурин.

— Вам нравится? — спросил лорд Освальд.

Бранвен только и смогла, что кивнуть, глядя на свой кошмар, вдруг обретший реальность.

— Мой род — очень древний, — принялся рассказывать лорд Освальд. — В летописях записано, что мои предки приехали с далекого острова, который погиб во время землетрясения. На этом острове поклонялись морю в образе быка. Старинная легенда рассказывает, как бог моря превращался в белого быка, выскакивал на сушу и убивал всякого, кто встречался на пути. Он не хотел, чтобы люди стали повелителями волн. Но однажды, когда он был у далеких берегов далекой земли, навстречу ему вышла юная прекрасная дева. Она не испугалась и не убежала с криками при виде чудовищного зверя. Она утормила его одним лишь взглядом, одним мановением руки. И бог моря лег у ее ног, признав власть женщины. Он увез девушку на свой остров посреди моря и возлег с ней под платанами. От их союза пошел род королей и великих мореходов. Моя мать принадлежала к этому древнему и славному роду. Красивая легенда, правда?

— Д-да, — Бранвен немного пришла в себя и смогла ответить внятно.

— Народ Аллемады позабыл о своих корнях, — продолжал рассказчик, — но старинные обычаи еще живут. Наши знаменитые сражения с быками — тавромахии, это отголосок прошлого. В память о деде, утормившей бога моря, юноши и девушки выходили против быков, чтобы утормить их и станцевать на их спинах танец победы. Невероятно красиво... — он смотрел на мозаику, как завороженный. — Мы никогда не вернем былого величия, но эта красота не должна исчезнуть. Что может быть пленительнее зрелища, когда юная девушка побеждает чудовище?

— Но это так опасно, — сказала Бранвен, содрогнувшись.

— Да, опасно. Но и в опасности есть своя прелесть. Зато победитель чувствует себя равным богам. Наверное, и вы сейчас представляете себя богиней любви и красоты?

— Не понимаю вас, милорд...

Эфриэл только вздохнул:

— Что тут понимать, наивная крошка? Ты победила. Сейчас Гусак Великолепный признается тебе в любви, поклянется в вечной верности и сложит к твоим ногам рога... то есть, перья, клюв и яйца.

— Гусаки не несут яиц, — машинально ответила Бранвен.

— Что вы сказали? — переспросил лорд Освальд.

— О! Простите, милорд... задумалась о своем, — смутилась Бранвен.

— Несут, детка, еще как несут, — сказал Эфриэл. — И носят. Я удаляюсь, чтобы не мешать воссоединению семьи.

Он и в самом деле удалился — на десять шагов. Подошел к мозаичной картине и принялся разглядывать быка и танцоров, как будто ничто больше его не интересовало. На самом деле, он разглядывал отражение пары, стоявшей за его спиной. В стеклянных камешках отражались тысячи Бранвен и Освальдов, взявшихся за руки. Усилием воли, Эфриэл заставил себя не подглядывать. Ведь Бранвен столько раз стыдила его за бесстыдное подглядывание.

— А я не верил этой красивой легенде... До недавнего времени. Но теперь точно знаю — все правда, — говорил лорд Освальд тихо и страстно.

— И опять не понимаю, — Бранвен мягко высвободила руку из пальцев супруга и принялась обмахиваться веером так, словно хотела взлететь.

— Я вам объясню. Вы укротили меня, как древнего быка, и я у ваших ног.

«Это он-то — укрощенный бык? — желчно подумал Эфриэл. — Гусак, мнящий себя быком — что может быть смешнее?»

Но слова герцога пустили корни в его сердце. Дева, укротившая быка... Да, она такая эта Бранвен Роренброк. Сид досадливо поморщился, вспомнив, что никакая она не Роренброк. Она — Аллемада. Дурацкая фамилия. На редкость дурацкая. От нечего делать, он ковырял ногтем бычий глаз на мозаичной картине и изо всех сил прислушивался к шепоту за спиной.

Шорох одежд и слабый всхлип Бранвен подсказали ему, что милорд перешел в наступление и полез обниматься.

— Вы так нежны и обольстительны, я все время забываю, что вы — моя жена и принадлежите мне по праву. Раньше я считал вас обыкновенной девицей — чопорной, холодной и благовоспитанной до оскомины, но вы — другая. Простите мою откровенность, я знал многих женщин, но ни одна не зажгла моего сердца. И вот появились вы...

— Поосторожней в выражениях, милорд, — застенчиво произнесла Бранвен, тоже переходя на шепот. — А как же Адонция? Она так красива и так любит вашу милость...

— Адонция забыта! — герцог нетерпеливо схватил Бранвен за руку, покрывая ее пальцы поцелуями. — Отныне — только вы. Никто, кроме вас.

— Назначь ему свидание сегодня ночью, — сказал Эфриэл резко. — Теперь он твой с потрохами.

— Я приду к вам сегодня, моя прекрасная жена. Путь до Аллемады и так дался чрезвычайно тяжело. Надеюсь, вы не будете жестоки и не оттолкнете меня.

— Но дорога была вам по душе, милорд, — возразила Бранвен.

— Я был слеп.

— А сейчас прозрели?

— Несомненно.

— Вы заставили меня страдать...

— Я обязательно искуплю свою вину. Назначьте мне любое наказание, но будьте милосердны.

— Скажи, чтобы пришел к тебе ночью — и делу конец, — проворчал Эфриэл. — Хватит изводить почтенного господина. Надоело это слушать.

— Прошу простить меня, но я вынуждена... — Бранвен не успела договорить, потому что в галерею вошла пейнета Кайя — как всегда спокойная и решительная.

— Зачем вы здесь? — вскипел лорд Освальд. — Я же сказал, чтобы гас с герцогиней никто не беспокоил!

Но пейнету Кайю было не так легко смутить. Она сразу заметила умоляющий взгляд Бранвен, и суровый тон герцога ее не испугал.

— К вам прибыли гонцы от гринголо Пиченто, — заявила она. — Там произошла потрава полей, и гринголо Пиченто обвинил в этом людей гринголо Илдефонсо. Срочно нужно ваше вмешательство, если не хотите, чтобы эти двое поубивали друг друга.

— Скажи, чтобы отправили кого-нибудь из городских судей, — приказал лорд Освальд.

— Думаете, благородные гринголо послушают какого-то судью? _ обвиняющее сказала пейнета Кайя. — Здесь нужен королевский выездной суд, так что не говорите глупостей.

Лорд Освальд смешался и посмотрел на Бранвен.

— Но моя жена... — начал он.

— А о госпоже герцогине я позабочусь, — заверила его экономесса. — Пойдемте, моя дорогая. Вы устали, вам надо выпить мятного чаю и отдохнуть.

Она взяла Бранвен под руку и увела из галереи, оставив герцога тоскливо вздыхать. Разумеется, Эфриэлу пришлось отправиться следом за женщинами.

— Я что-то плохо понял, — сказал он, не обращая внимания не воркотню экономессы, — сдается мне, ты хотела отказать мужу? В наши планы это не входило.

Ему сразу не понравилось выражение лица Бранвен — взгляд устремлен в одну точку, губы упрямо сжаты. Он уже знал, что это означает, и забеспокоился не на шутку. И дело тут было не столько в том, что маленькая леди снова обманула его, помахав леденцом перед носом, а подсунув козью ягоду. Дело было в том, что он очень даже обрадовался подобному повороту — вроде как нашел предлог остаться.

Громкий плач раздался из внутреннего двора, когда они проходили по портику. Бранвен замедлила шаг:

— Кто это кричит?

— Адончию отправляют в деревню, — спокойно сказала пейнета Кайя. — Пойдемте, ваше сиятельство.

Но Бранвен уже спешила к воротам. Не выходя из портика, она остановилась, наблюдая такую картину: Адончия, заливаясь слезами, простоволосая и одетая очень просто — никаких драгоценностей, шелков и ярких юбок — брела к воротам, заламывая руки и причитая, словно на похоронах. Рядом с ней шел мальчишка лет двенадцати, он держал узел с вещами. Мальчишка был высок и строен, как все мужчины в Аллемаде, но светловолосый. Когда он оглянулся, бросая последний взгляд на башни Каса Люстросо, Бранвен увидела, что у него тонкие и благородные черты, так напоминавшие лорда Освальда. Глаза паренька были полны слез, но он решительно вытер их рукавом и отвернулся, поддерживая плачущую мать.

— Это... это... — забормотала она, указывая на мальчика.

— Это бастард герцога, — спокойно подтвердила ее догадку экономесса Леоакадия. — Но вам не стоит переживать из-за этого. Вельможи любят плодить бастардов. Мне следует просить у вас прощения, что я не удалила мальчишку раньше, и он попался вам на глаза. Но лорд Освальд выделял его.

— Вы не можете... — Бранвен все время оглядывалась на мать и сына, покидавших дворец, пока экономесса вела ее по портику, взяв под локоть твердой рукой.

— Им лучше уехать, госпожа герцогиня, — говорила экономесса. — Скоро у вас родятся законнорожденные дети, гринголо Освальдо будет заботиться о них.

— Но он — его сын! — воскликнула Бранвен. — Как вы можете разлучить сына с отцом?!

— Герцог сам предложил отправить Адано вместе с матерью.

— Лорд Освальд согласился изгнать сына?! — Бранвен не верила ушам. — Нет, этого просто не может быть!

Она вырвалась из рук пейнеты Кайи и помчалась со всех ног обратно в галерею.

— Ты опять лезешь не в свое дело! — возмутился Эфриэл, догоняя девушку. — Внебрачный сын — забота отца, не надо вмешиваться!

Но она не послушалась. Кто бы сомневался?

Когда герцогиня ворвалась в галерею, герцог еще был там. Он как раз поднял бархатный занавес на дальней стене и любовался скрытой там картиной. Появление жены застало его врасплох, и он не успел опустить драпировку.

— Миледи! Зачем вы здесь?

— Милорд, неужели вы распорядились прогнать не только Адончию, но и... сына? — Бранвен прижала руки к груди, стараясь отдышаться от быстрого бега.

— Да, распорядился, — нехотя ответил герцог. — Не понимаю, что вас так взволновало. Леоакадия, — обратился он к экономессе, которая вошла следом, — я же просил, чтобы их отправили быстро и незаметно. Не следовало так волновать мою супругу.

— Милорд, оставьте мальчика с матерью здесь, где они привыкли жить, — Бранвен смотрела умоляюще. — Разве сердце ваше не разрывается от жалости, глядя на них. Ведь он — ваша плоть и...

— Довольно, — лорд Освальд положил Бранвен руку на плечо, и девушка сразу замолчала и сникла. — Я не желаю, чтобы вы видели их. Мои дети... наши дети, — повторил он со значением, — станут наследниками этого замка. Только вы достойны быть матерью моих детей. Не терзайте себя понапрасну.

— Это слишком... слишком... — Бранвен выскользнула из-под тяжелой руки мужа и попятилась.

Пейнета Кайя тут же оказалась рядом и приобняла ее:

— Пойдемте, моя дорогая. Вы слишком устали и слишком разволновались.

Бранвен приникла к женщине, словно ища у нее защиты, и тут увидела картину, на которую герцог не успел опустить штору. Картина изображала быка и обнаженную женщину с длинными светлыми волосами. Женщина и зверь слились в любовных объятиях, женщина ласкала крутолобую голову зверя, а он касался мордой ее лба, словно целуя. С большой точностью и в мельчайших подробностях было показано могучее орудие быка, проскользнувшее между женских ног, бесстыдно раздвинутых.

— Мы удаляемся, — сказала сухо пейнета Кайя, награждая растерявшегося лорда Освальда негодующим взглядом поверх очков.

Бранвен была потрясена и молчала до самой спальни, а там пожелала остаться одна, попросив принести ужин. Эфриэл был рад, что леди не позабыла об ужине, он здорово проголодался и мечтал о хорошем куске мяса и бокале вкусного вина в придачу.

Им принесли много тарелочек с закусками — маринованными оливками, мелкой рыбешкой, обжаренной в масле до хрустящее корочки, солеными орешками и прочим. В качестве основного блюда подали острую мясную подливку и жареную курицу, а к нему — свежие овощи и ароматные зеленые травы. Принесли и сладости — пахнущие медом, разнообразные по виду, осыпанные мелкими семенами или колотыми орехами.

К сладостям Эфриэл не притронулся, но курицу уничтожил полностью, и даже косточки обглодал. Душевные терзания по поводу наличия у лорда Освальда бастарда его не одолевали, и он поужинал с отменным аппетитом, чего нельзя было сказать о Бранвен. Она брала кусочек хлеба, но забывала подносить его ко рту, а если и подносила, то забывала открыть рот. В конце концов, она съела ломтик яблока и чуть пригубила лимонный напиток из стеклянного бокала, а потом забилась в уголок кровати, спрятавшись под балдахин.

Эфриэл не стал мешать ее уединению. Он даже опасался начинать с ней сейчас разговор, не зная, что хотел бы услышать по поводу сегодняшнего посещения галереи.

Вымазав куском лепешки остатки соуса из чаши, где лежала курица, он с удовольствием похлопал себя по животу.

— Ты тоже не можешь его есть? — спросила Бранвен из-под балдахина.

— О чем ты, дитя?

— Ты тоже не можешь есть этого бедного быка? Они принесли блюдо из него.

Эфриэл встал, разминая мышцы, и уселся на подоконнике, подтянув колено к груди и оперевшись на него подбородком. Комната герцогини располагалась на втором этаже. Вид из окна был ограничен кипарисами с одной стороны и дворцовой стеной с другой, но между ними, как в раме, открывалась очаровательная картина — излучина реки и остроконечные крыши городских домов, все в ярких огнях.

— Разочарую тебя, девочка, — сказал сид, наблюдая закат. Солнце уже село, но по небу пролегли алые перья закатных облаков, такие же огненные блики трепетали на поверхности реки. — Я не столь нежен, как ты, но есть говядину — это зарок для меня. У нас его называют гейс. Когда я стал юношей, мне запретили есть мясо быка, моего тезки. Иначе я потеряю свою силу, и злые духи смогут найти меня.

— Какая нелепость, — сказала Бранвен. — Дух боится духов.

— Эй, милашка, сколько тебе повторять? Я — не дух. Это ты и весь твой мир — иллюзия. Когда я вернусь домой, то не успею выпить кружку пива, как здесь не будет ни тебя, ни твоего мужа, ни Алемады вкупе с Эстландией, — тут он вспомнил, что не желал начинать подобного разговора и тихо выругался, чтобы не услышала впечатлительная леди.

— Прости, я снова подвела тебя, — произнесла она покаянно, и спросила: — Я кажусь тебе странной?

— Ты кажешься мне глупой, — сказал Эфриэл, хотя на самом деле так не думал.

— Да, я тебя понимаю... — прошептала Бранвен.

— Много ты понимаешь.

— Не много, но кое что... Я должна была принять его и... не смогла. Я... я всегда была самой слабой, — заговорила она торопливо, словно спешила излить душу, опасаясь, что сид не станет слушать. — В моей семье таких больше нет. Айфа с самого рождения сияла, как солнце — красивая, грозная. Когда она родилась, то каждому было ясно, что в ней древняя кровь — еще древнее Роренброков. Та кровь попала к нам через королеву Сан Сомарец, она была колдуньей, одной из самых могущественных в Эстландии. Айфа очень похожа на нее. Эмер — превосходная наездница и охотница, а я никогда не смогла бы убить зверя, и в седле себя чувствую, как... как... — она замялась, подыскивая сравнение, — как кусок теста. Тигриша — она вообще ничего не боится. Видел бы ты, когда она ездит по краю пропасти на колеснице! И даже у тихони Киараны стальной характер. Матушка почему-то всегда обижает ее, а она молчит. И только я — слабачка и глупая трусиха!

— Вас прорвало сегодня, — проворчал Эфриэл. — Поистине, день откровений гусиной семьи.

И тут она огорошила его:

— Не знаю, смогу ли я стать женой лорда Освальда...

— Эй! — Эфриэл рывком повернулся к ней.

— Что-то перевернулось во мне, когда я увидела, как он поступил с Адончией. Выбросил, будто вещь, ставшую ненужной. Разве это благородно? А прогнать сына? А эти странные развлечения с быками... Эта ужасная картина... А поедание несчастного животного, которого закололи на потеху толпы? Чем больше я вспоминаю об этом, тем

более он становится мне противен.

Эфриэл ощутил внезапную слабость:

— Не намекаешь ли ты...

Она испуганно отодвинула краешек балдахина и выглянула:

— Нет-нет! Я не нарушу своего слова! Как только лорд Освальд вернется, я... впущу его в спальню. И потом отправлю домой тебя. Просто...

— Что — просто?

— Едва ли я буду ему хорошей женой. Жена, которая презирает мужа — это проклятье.

Ах, что я наделала...

— Не казись, — успокоил ее сид. — Все вполне обычно. Если бы ты знала, сколько жен презирают своих мужей.

— Это неправильно, — сказала она с отчаянием.

— Это жизнь, дитя, а не лады-балады о рыцарях и дамах.

— Да, ты прав, — она снова опустила полог и скрылась с глаз.

Поразмыслив, Эфриэл улегся на кушетке, чтобы не тревожить нежную леди лишний раз. А она так и уснула не раздеваясь, свернувшись клубочком в углу широкой кровати.

Глава XIII (начало)

— Не могу позабыть той картины, — призналась Бранвен на следующее утро, за завтраком. — Она ужасна.

— По мне, скорее, забавна, — пробормотал Эфриэл, отдавая должное еде.

— Не хочу думать, что ты говоришь искренне.

— И не думай, — заверил ее сид. — Когда женщина думает, она совершает столько глупостей, что и боги хватаются за голову.

К окончанию трапезы появилась пейнета Кайя с подносом, на котором горкой лежали солнечно-рыжие фрукты — апельсины.

Бранвен коснулась пальцем одного плода, другого, и закрыла глаза, упиваясь свежим ароматом. Экономесса смотрела на нее с улыбкой.

— Гринголо Освальдо очень переживал, что оставил вас одну, — сказала она. — Он хотел сделать подарок...

— И подарок удался. Передайте милорду мои благодарности и восторги.

— Но это не единственный подарок, — загадочно сказала экономесса. — Апельсины привезли из садов в Пампанейре. И эти сады господин герцог дарит вам. Поверьте, это очень богатый подарок. Апельсиновые сады Пампанейры — самая плодородная почва во всей Эстландии. Там собирают два урожая за год.

— Милорд восхитительно щедр. Я пробовала апельсины всего раз или два. А целая роща...

— И не одна! — смеясь перебила ее экономесса. — Вот что. Пока гринголо Освальдо уехал, мы могли бы навеститься в Пампанейру. Это всего лишь день пути. Скоро начнут убирать урожай, и вам придется ждать полгода, чтобы увидеть, как золотистые апельсины усыпают все дерево от верхушки до самой земли.

— Это и в самом деле можно устроить? — обрадовалась Бранвен. — Я никого не обременю такой поездкой?

— Вы — герцогиня, — напомнила ей пейнета Кайя. — Любое ваше пожелание — закон для нас. А раз господин герцог велел, чтобы его милая жена не скучала, мы приложим все усилия, чтобы вас развлечь. Я заметила, бои с быками не пришлись вам по душе.

— Вы все замечаете! — в порыве благодарности Бранвен обняла женщину, та сняла пенсне и долго протирала его кружевным платочком, смущенная таким изъяснением приязни.

— Значит, решено, — подытожила она, — мы сейчас же собираемся и едем смотреть апельсиновые сады. Не будем брать большой эскорт, чтобы вас не замучили соблюдениями этикета и чрезмерной опекой. Три человека — как раз столько, сколько нужно. Прогулка будет безопасной и необременительной.

— Не слишком разумно ехать с этой бабой, — сказал Эфриэл, когда Бранвен крутилась возле зеркала, пытаясь самостоятельно воткнуть в прическу гребень. — И охрана маловата, и знаешь ты ее полдня в обед.

— Не говори глупостей, — отмахнулась Бранвен. — Наговариваешь на тетущку Кайю...

— Она уже и тетущка?

— Я должна хоть немного развеяться после вчерашнего. Прогулка мне поможет. А апельсиновые сады — самая лучшая прогулка на свете.

Она направилась к выходу, и Эфриэл потянулся за ней.

— И все же, стоило бы побережиться...

Но Бранвен сбежала по ступеням, пропустив его ворчание мимо ушей и объявила экономессе, поджидавшей ее во внутреннем дворе:

— Я готова, можем отправляться! Мечтаю увидеть апельсиновые сады!

— Садитесь, ваше сиятельство, — пейнета Кайя сама распахнула дверцу кареты и помогла Бранвен забраться внутрь, после чего села и сама. — Ну вот, объявила она, — расправляя юбку, — теперь можно и трогаться.

Она постучала в перегородку кареты, и кучер свистнул на лошадей.

Солнце припекало, и пейнета Кайя посоветовала не открывать ставни, чтобы было не так жарко. Бранвен было бы интереснее ехать, посматривая в окно, но она уступила пожилой женщине — та была одета, как обычно, в глухое черное платье. А что такое закрытое платье в жару, герцогиня знала по собственному опыту. Раз невозможно было поглазеть в окно, оставалось развлекаться беседой, и Бранвен доверительно болтала с экономессой, рассказывая ей о своей жизни в Роренброке, о матери и о сестрах. Пейнета Кайя слушала внимательно, иногда что-то переспрашивая, Эфриэл дремал, сложив руки на груди — женские разговоры всегда приводили его в уныние.

В полдень сделали остановку на пустынной дороге, поели, умылись в ручье и отправились дальше.

— Мне не дает покоя изгнание Адончии, — призналась экономессе Бранвен. — Я хочу, чтобы она и ее сын вернулись.

— Это было бы неразумно, — ответила пейнета Кайя. — Сейчас Адончии лучше находиться подальше от Каса Люстросо. Когда все начнется, нужно, чтобы она была вне подозрений.

— Каких подозрений?

— Если с вами что-то случится, в первую очередь станут подозревать Адончию. Она глуповата, Адончита. Никогда не знает, где лучше придержать язык. Даже ради собственной выгоды не может пораскинуть мозгами. А ей надо думать о сыне. Ведь Адано еще и сын герцога. Если не будет законнорожденных детей, герцог признает Адано единственным сыном и наследником. Нет, конечно же, он не женится на Адончии, но она станет хозяйкой Каса Люстросо, пока Адано не вырастет и не обзаведется семьей.

— Мне не очень приятно, когда вы так говорите, — произнесла Бранвен запинаясь. — Я желаю Адончии и мальчику всех благ, но...

— Лорд Освальд всегда прислушивался к моим советам, — продолжала пейнета Кайя, словно не слыша ее. — Когда он отправился на север за невестой, я настояла, чтобы первая брачная ночь произошла здесь, в Аллемаде. Это хорошо, что лорд Освальд не тронул вас до сих пор. Видите ли, моя дорогая, я уже не молода, и брать лишний грех на душу весьма неприятно. Убить девушку гораздо проще, чем убить женщину в тягости. Мне хватило и бедняжки Пилар.

— Что вы такое говорите? — прошептала Бранвен, а Эфриэл очнулся от дремоты, уставившись на экономессу.

— Ты слышала то, что слышал я? — спросил он.

— Конечно, вы взволнованны, — пейнета Кайя как ни в чем не бывало сняла очки и

тщательно протерла стекла, — и мне искренне жаль, что именно вас герцог выбрал в жены. Вы — милая, славная девушка, но что поделать, если яркое пламя решило так распорядиться вашей судьбой.

Она стукнула в перегородку, и карета остановилась.

— Выходите, милочка, — сказала экономесса. — Мы приехали.

— Это апельсиновые сады? — Бранвен заикалась от страха. — Вы говорили, мы доберемся до них только к вечеру.

— Нет, дорогая моя, это не Пампанейра, — пейнета Кайя распахнула дверцу, приглашая герцогиню выйти первой. — Это Хальконова круча. Считается, что это место проклято, поэтому здесь редко кто бывает. Но тем лучше — вашу могилу никто не потревожит.

— М-мою могилу?..

— Я сделала ошибку, поступив так с Пилар, — пейнета Кайя смотрела на Бранвен задумчиво. — Она умерла, герцог погоревал и решил жениться снова. Но если бы его жена пропала — никто не позволил бы гринголо Освальдо заключить новый брак. Поэтому вы пропадете. Ваше тело никогда не будет найдено, и герцог никогда больше не женится. А значит, Адано станет его наследником. Не беспокойтесь, вас убьют не больно. Я настолько добра, что даже предоставлю вам выбор.

— Выбор?..

— Да, выбор, — экономессе надоело, и она крепкой рукой без лишних нежностей выпроводила Бранвен вон из кареты. Снаружи их ждала невозмутимая троица — кучер и двое сопровождающих. — Вы можете выбрать, как вам угодно умереть. Яд, удавка и кинжал. Что вам больше по вкусу?

— Ничего себе, поворотец, — присвистнул Эфриэл. — Есть предложения, что нам делать?

— Вы не можете говорить серьезно, пейнета Кайя, — бормотала тем временем Бранвен, бледная, как смерть. — Вы были так добры ко мне, я не верю, что вы причините мне вред...

— Оставьте пустые слова. Ваш выбор? — экономесса посмотрела на Бранвен поверх очков.

— Говори ей что-нибудь, — велел Эфриэл, — и готовься — сейчас побежим, и очень быстро.

Он прошелся мимо мужчин и экономессы, задержался возле кучера, потом подошел к лошадям. Животные сразу же испуганно захрапели и стали нетерпеливо переступать копытами.

— Зачем вы это делаете? — тем временем спросила Бранвен. — Какая вам выгода от моей смерти?

— К чему вам знать, ваше сиятельство? Чем это может изменить вашу судьбу? Но раз уж вы так любопытны и перед смертью, скажу. Адончия — моя единственная племянница. Помогая ей, я помогаю своей семье.

— Значит, вы готовы лишить меня жизни только для того, чтобы обеспечить племянницу? Но я дам вам много, много денег! И никому не скажу, что произошло!

Леоакадия со вздохом приподняла брови, как бы говоря, что такова жизнь и ничего не поделаешь.

— А вы, милорды, неужели у вас нет жалости ко мне? — Бранвен молитвенно сложила руки, переводя взгляд с одного мужчины на другого, но их лица не выразили ни душевного волнения, ни сострадания.

— Зря тянете время. Что ж, тогда мне придется сделать выбор за вас, — спокойно сказала экономесса. — Бертальдо, нож.

Ее спутник — бравый, молодой усач, вынул из-за пояса складной нож и выбросил лезвие одним движением пальца.

— Умоляю, не делайте ничего, о чем потом пожалеете! Яркое пламя накажет вас! Святая Голейдуха не оставит мою смерть без отмщения, — Бранвен так судорожно хваталась за ладанку, что порвала цепочку, и мощи святой упали в траву.

— Бертальдо, — мягко позвала пейнета Кайя.

Тут Эфриэл коснулся лошадиных круп, и животные, взбрыкнув, вдруг освободились от упряжи и помчались по лесной дороге — только комья земли полетели из-под копыт.

И Леоакадия, и ее сообщники, и сама Бранвен оглянулись на шум. Кучер разразился проклятьями, бросаясь вслед за сбежавшей парой, и усатый Бертальдо опустил нож.

— Бежим! Чего застыла?! — крикнул Эфриэл, хватая девушку за руку и бросаясь напролом через кусты.

Несколько минут бешеного бега едва не убили Бранвен. Она совсем задохнулась, а в глазах стоял туман, не позволявший видеть ничего вокруг. Эфриэл тащил ее почти волоком, петляя, как заяц. В зарослях олеандра найти их было не таким уж легким делом — преследователи отстали, хотя бродили где-то неподалеку, было слышно, как трещат кусты.

Эфриэл толкнул Бранвен за мшистый валун и зажал ей рот — слишком громко она дышала.

— Ты дура, — ругал он ее спокойно и методично, как будто они сидели в алькове, наслаждаясь вечером. — Я говорил тебе, что ехать без охраны с этой бабой — опасно. Но дураки всегда учатся не на чужих советах, а на своих ошибках. Сейчас они отойдут, и мы побежим в другую сторону. Поняла?

Бранвен кивнула, убежденная, что если сделает хоть шаг, то и ножи убийцам не понадобятся — она испустит дух прямо здесь, от усталости и напряжения.

Из кустов выскочил черноусый Бертальдо, и Бранвен не успела взвизгнуть, как оказалась пойманной. Зато Эфриэл не растерялся — схватил камень и стукнул нападавшего в висок. Черноусый упал, а беглецы помчались дальше, не разбирая дороги. Страх так подстегивал Бранвен, что она неожиданно для самой себя обогнала Эфриэла. Опомившись, девушка остановилась и подождала, пока сид догнал ее. Он как-то странно пошатывался и то и дело встряхивал головой.

— Ты... убил... его?.. — спросила Бранвен, держась за сердце и пытаясь отдышаться.

— Нет, только оглушил, — вяло ответил он.

— Быстрее, быстрее! — Бранвен схватила его за руку и потащила через жимолость и олеандры. Через десять или двадцать шагов сид снова пошел впереди, придерживая ветви, чтобы девушке легче было пробираться через заросли.

В который раз Бранвен благодарила яркое пламя за новый наряд — короткая юбка облегчала движения. Кто знает, смогла бы она бежать так прытко в прежних платьях. Она уже давно потеряла кружевную наколку и гребень, и шпильки, и теперь цеплялась рассыпавшейся гривой за каждую колючку.

Эфриэл вдруг остановился. Бранвен столкнулась с ним и сразу повалилась на землю. Сид поднял ее, схватив за шкуру.

— Вот невезенье, клянусь яйцами Бреса! — пробормотал он и повернул назад.

Но тут уже Бранвен вцепилась в него мертвой хваткой. Он сошел с ума? Убийцы совсем

рядом! Она потянула его дальше, но тоже замерла, готовая помянуть чьи-нибудь чресла и седалище заодно, хотя это и не пристало благовоспитанной леди. Они выбежали к реке и стояли на обрывистом берегу высотой локтей в сорок, а внизу бурлила вода, закручиваясь водоворотами. Черные камни выглядывали там и тут, подобные затаившимся гигантским жабам. Бранвен в отчаянье взглянула на সিда, а голоса преследователей раздавались все ближе. Убийцы двигались с трех сторон, и Леоакадия резким голосом отдавала команды проверять кусты, чтобы беглянка не сбежала с Хальконовой кручи.

— Вот влипли, — сказал Эфриэл, теперь такой же бледный, как и Бранвен.

— Надо прыгать, — сказала она, и чуть не упала в обморок от одной мысли о высоте и камнях внизу.

— Ты спятила, — прошептал он, порываясь отойти подальше от края.

— Что ты будешь делать? Драться с ними? Один, без оружия и голый? — Бранвен потащила его к обрыву. — Закроем глаза и прыгнем. Это лучше, чем умереть от ножа.

— Говори за себя!

— Надо прыгать, яркое пламя убережет нас...

— Да не верю я в твое яркое пламя!

Они боролись уже не на шутку. Эфриэл был гораздо сильнее, но Бранвен вцепилась в него, как клещ, и все время валилась на землю, не давая себя поднять.

— Сдохнем, сдохнем! Стёганный крот, сдохнем же! — говорил Эфриэл заплетающимся языком. Он старался не смотреть вниз, и был уже не просто бледный, а бледный до зелени.

— Трус! — Бранвен оттолкнула его, и сид сразу отступил от обрыва.

Он поздно сообразил, что она собирается сделать, и не успел остановить. Поднявшись на ноги, Бранвен задрала юбки и прыгнула.

Сила колдовского заклятья дернула Эфриэла следом за ней. Ему показалось, что полет продолжался невероятно долго, и зеленоватые бурунчики водоворотов приближались медленно, как в кошмарном сне. Но на самом деле все произошло в считанные секунды. Они рухнули в воду почти одновременно, по счастливой случайности миновав камни.

Эфриэл погрузился в плотную мутную воду, забыв закрыть глаза. Он сразу наглотался соленой жижи пополам с водорослями и тиной и заработал руками, чтобы всплыть, но его потянуло вниз, туда, куда уходила тупоголовая и безрассудная леди. Отчаянным рывком он выбрался на поверхность и успел глотнуть воздуха, а потом его уволокло ко дну. Сид расслабился, позволяя заклинанию направить его в нужном направлении, мутная вода не позволяла видеть далеко, и пару раз он принимал водоросли за длинные девичьи волосы. Но вот рука его нащупала ткань, а потом и плечо. Схватив Бранвен, он начал подниматься, молясь, чтобы хватило дыхания.

Водовороты затягивали, как живые. Борясь с их жадными ртами, Эфриэл совсем выбился из сил. Надо думать, простой человек на его месте тут бы и сдох. Но, благодарение богам, был папаша Нуада, который легко поднимал быка, и мамаша Ли-А, которая легко могла справиться с папашей — взмах за взмахом, он постепенно вырывался из смертельных объятий реки. Ему даже удалось выплыть под ивовые кусты, свесившиеся до воды, чтобы спрятаться. Потому что над кручей показались четыре человека и принялись сматриваться в воду под обрывом.

Теперь можно было передохнуть. Эфриэл взглянул на Бранвен. Она висела у него на руке, как мертвая. Он похлопал ее по щекам, приводя в чувство, и увидел на пальцах алые подтеки крови. Тут уже стало не до смеха. Ругаясь, на чем свет стоит, он перехватил девушку

покрепче и откинул волосы с ее виска, пытаясь определить, тяжела ли рана.

— Все хорошо, — отозвалась Бранвен, не открывая глаз. — Просто царапина...

— Заткнись! — шикнул на нее сид. — Твоя добрая старушка смотрит с обрыва!

Несостоявшиеся убийцы долго переговаривались. Должно быть, решали, надо ли спускаться и искать тело. Когда они убрались, Эфриэл выждал немного и закинул Бранвен на ивовый ствол, как куль с мукой, после чего выбрался на берег сам.

Они долго брели, выбирая каменистые и глиняные тропы, и постоянно прислушивались — нет ли погони. Но в лесу были слышны только птицы, да ветер играл в кронах деревьев.

Наконец беглецы остановились возле молодых буков, где бил родник. Бранвен рухнула на траву, как подкошенная, а Эфриэл склонился над водой, жадно зачерпывая горстью.

— Вот так тетушка Кайя! — сказал он, утолив жажду и падая рядом с Бранвен. — Еле ноги унесли. Впрочем, тут я был не умнее тебя. Надо было сразу догадаться, что старуха задумала недоброе. И окно в карете не открывай, и поехали всего лишь на паре, а не на четверке, как полагается герцогине. Готов поклясться, мерзкая ведьма вернется в замок и объявит, что ты сбежала с любовником под покровом ночи. А ты... ты — отчаянная. Я бы не осмелился сигануть с такой высоты.

— На самом деле все было не так уж и страшно, — сказала Бранвен, стуча зубами то ли от того, что замерзла в мокрой одежде, то ли сказалось пережитое потрясение.

— Да уж, не страшно, — Эфриэл стащил с нее мокрую кофту и юбки и развесил их на кустах. — Хорошо, что на мне штанов не было. Пришлось бы их выкинуть, даже выполаскивать не стал бы.

Девушка сидела на солнце, обхватив колени руками. Ее почти просохшие волосы были ужасны — свалявшиеся, грязные, с впутанными зелеными плетями водорослей. Сид принялся вытаскивать из ее прядей щепки, траву и куски грязи.

— Что ты сделал с лошадьми? — спросила Бранвен, помогая ему.

— Ничего особенного. Вытащил нож у кучера и перерезал дышловые ремни.

Бранвен вдруг хихикнула.

— Что тебя так развеселило? — спросил Эфриэл. — Скажи, посмеемся вместе.

Она смеялась все громче и громче, и он уже испугался — не помешалась ли от страха. Или слишком сильно ударилась головой при падении? Но девушка смахнула набежавшие слезы и объяснила причину веселья:

— Когда-то я читала одну балладу, ее написал бард Слайне из Клиад. Там рыцарь и его возлюбленная тоже спасались от погони, и чтобы не достаться врагам прыгнули с обрыва в реку. Я плакала, когда читала их прощание над обрывом.

Она кашлянула и произнесла с выражением:

— Умрем, так вместе, — молвил он.

Ее к груди прижал.

Рубином уст воспламенен -

В уста поцеловал.

Губами слезы осушил

С прекрасного лица.

— Не плачь, любимая, с тобой

Я рядом до конца.

— И что смешного? — не понял Эфриэл.

— Теперь я думаю: вот так врун этот Слайне из Клиад! Там, наверху, перед прыжком, мне было вовсе не до поцелуев.

— Ну, про наш прыжок баллады никто не сложит, — ответил сид.

— А жаль, — она посмотрела на него смеющимися глазами. — Получилась бы отличная история. Представляю, как юные барышни плакали бы и замирали от восторга, мечтая испытать хотя бы половину того, что выпало испытать мне.

— Ты странная. Только что тебя пыталась убить экономка твоего мужа, ты едва не умерла, сдуру бросившись с обрыва, а теперь сидишь и смеешься, как ни в чем не бывало, и вещаешь баллады.

— Мы живы — и это главное. Теперь надо решить, куда идти.

Сид прикинул по солнцу:

— Карета ехала с юго-востока. Наверное, туда и надо возвращаться.

— Может быть, нам удастся набрести на какую-нибудь деревню или городок. Я представляю, и нам помогут добраться до Ла-Коруньи, — она замолчала и задумалась.

— Старуху надо сразу казнить, — сказал Эфриэл.

— Нет.

— Нет? Ты спятила, гусыня?

— Она защищала свою племянницу, — сказала Бранвен. — Я не могу ее осуждать.

— Вот и дура, — грубо сказал сид. — Она уже прихлопнула одну нежную леди и чуть не расправилась со второй.

— Убийство первой герцогини — это тяжкое преступление, — согласилась Бранвен. — Но в этом случае приговор должен вынести король, а не я и не лорд Освальд. И Адонция ничуть не виновата. Ее надо немедленно вернуть в Каса Люстросо вместе с сыном. Сын не должен разлучаться с отцом. Как и женщина не должна быть разлучена с тем, кого любит.

— Вообще-то, он — не ее мужчина, а твой муж по закону, — напомнил Эфриэл, переворачивая наполовину просохшие на жарком солнце юбки. — И перейди в тень. Ты такая белокожая, сгоришь за несколько минут.

Бранвен перебралась под тень буков и задумалась, подперев голову. Эфриэл сел рядом с ней и толкнул плечом:

— Не морочься слишком. Решишь все, когда доберемся до столицы.

— Ты прав, — девушка посмотрела на него и вдруг нахмурилась: — А это что?

Она коснулась большого кровоподтека на виске сиду:

— Ты тоже поранился, когда мы прыгнули! Почему же молчишь?!

— Когда ты прыгнула, — поправил ее сид, отодвигая голову. — Я не поранился. Я упал в воду, а не на камни.

— Тогда что же это?.. — она замерла, пораженная. — Это от удара камнем! Ты ударил того человека камнем и у тебя появился синяк, как и у него!

— Такая вот ерунда получается, — ответил сид с натянутой улыбкой.

— Но ты ничуть не удивлен, — продолжала Бранвен. — Это какое-то древнее заклятие, верно? Вот почему сиды проиграли людям? Вы не можете причинять нам вред — все возвращается к вам сторицей... Если бы ты убил того человека... ты бы тоже?..

— Кто знает? — философски ответил Эфриэл. — Проверять не хочется. Небеса и вправду проклинали нас, запретив вредить людям.

— Но ты поджег воротник лорда Освальда, тогда, после свадьбы...

— Я же не вредил именно ему. И если сиды устроят обвал или путем магии обрушат на

головы смертных гору — то не получают ничего в ответ. Нельзя лишь причинять прямых увечий. Это опасно для нас.

— Но ты напал на человека, чтобы спасти меня, — Бранвен взяла Эфриэла за руку. — Благодарю от всего сердца.

— Что за гусячьи нежности! — Эфриэл отвернулся, но девушка заставила его посмотреть на нее, положив ладонь ему на щеку.

— Не надо стесняться благодарности.

Несколько мгновений они глядели друг другу в глаза, сидя в разнотравье, обнаженные, как прародители в небесном саду.

— Твои юбки уже просохли, — сказал Эфриэл. — Оденься, если не хочешь предстать перед мужем уже не девушкой.

— Ты ничего мне не сделаешь, я знаю, — Бранвен принялась натягивать юбки, а Эфриэл неудержимо косился на ее задик, который она так неосмотрительно выставила. Но вскоре задик был надежно упрятан, и оставалось только помечтать о несбыточном.

— Что ж, вперед! — маленькая леди была полна решимости, но очень скоро присмирела, а потом выяснилось, что туфельки герцогини не подходят для прогулок по лесу. Подошвы протерлись до дыр, и юная леди умудрилась даже поранить ногу об острый сучок. Пришлось вложить в ее туфельки по кусочку древесной коры. Но дело обернулось еще хуже, когда выяснилось, что и ножки герцогини не были приспособлены для долгих пеших путешествий. Эфриэл заметил, что Бранвен прихрамывает, и несмотря на ее возражения слупил с нее обувь, убедившись, что никчемная девчонка стерла пятки в кровь, но доблестно терпела и молчала. О том, чтобы она продолжила путь, не могло быть и речи, и сиду пришлось усадить ее сиятельство на закорки и тащить на себе. Не слишком радостное занятие — по жаре и пересеченной местности. Но Бранвен чувствовала себя очень и очень неплохо, восседая на его спине.

Прижавшись щекой к шее сиды, она болтала не умолкая.

— Прости, что я обозвала тебя трусом, — сказала она застенчиво. — Я не должна была так говорить.

— Ладно, чего уж там, — пробормотал Эфриэл, стараясь сберечь дыхание.

— Сама я ужасно боюсь мышей, поэтому ничуть не осуждаю тебя за страх.

— Угу, — Эфриэл не забывал сверяться по солнцу, куда идти, вполуха слушая лепет герцогини. Вот уж точно — птичка-малиновка, сразу же начавшая щебетать, чудом вырвавшись из когтей коршуна.

К вечеру юная леди проголодалась, хотя и пыталась скрыть за беззаботным щебетанием урчание в животе. Выдохся и Эфриэл, и они устроились передохнуть, усевшись на поваленном дереве. Рядом проходила лесная дорога, и путешественники ободрились. Дорога — это такая замечательная штука, которая двумя концами упирается в людские жилища. Еще бы не прогадать, какой конец короче. Бранвен увидела куст с красными ягодами и хотела нарвать их для вечерней трапезы, но сид не позволил.

— Мне других забот не хватает — еще и возиться с отравившейся красавицей! — прикрикнул он. — Вдруг они ядовитые, как цикута? Съешь — и Леоакадии не о чем будет беспокоиться.

— Ах, я все бы отдала за кусочек хлеба, — сказала присмирившая Бранвен. — Если бы яркое пламя сейчас послало нам помощь — всадников на могучих конях, тогда я...

Лесная чаща ответила ей эхом людских голосов, а потом и конским ржанием. На дорогу выехали три всадника. Гнедые кони чинно выступали друг за другом, а всадники весело переговаривались на аллемадском наречии.

— Небеса слышали мои молитвы! — Бранвен вскочила, забыв про боль в ногах.

— Не спеши, — посоветовал Эфриэл. — Кто знает, что у них на уме?

Но она уже бежала, размахивая руками, не подумав, что встреча в пустынном месте с тремя мужчинами может быть опасной. Всадники заметили ее и остановили коней.

— Благородные господа! — пока Бранвен добежала до них, то окончательно запыхалась, и ей потребовалось несколько минут, чтобы отдышаться.

— Кто ты, девушка? — спросил один из всадников на эстландском, с обычным для южан акцентом. — И как здесь очутилась?

— Я — герцогиня Бранвен Аллемада, и прошу о помощи. На мой эскорт напали разбойники, мне удалось спастись, но я потеряла своих людей, экипаж, и заблудилась. Помогите добраться до ближайшего города, и мой супруг вас щедро вознаградит.

Всадники переглянулись, и тот, что заговорил первым, спросил с преувеличенной вежливостью, которую Бранвен не разгадала:

— Вы — герцогиня Аллемада?

— Да, — радостно подтвердила она.

— Очень польщен знакомством, — всадник снял шляпу. — А я — король Эстландии!

Он и его спутники разразились смехом, и Эфриэл, как раз догнавший безрассудную леди, угрюмо уставился на них, соображая, не пойдет ли непочтительность дальше хохота. Но всадники спешиваться не собирались, а кружили вокруг Бранвен, разглядывая ее с насмешливым любопытством. Бранвен и сама поняла, что громким словам никто не поверил, и опустила голову, затеребив юбку.

— Не грусти, милашка, — сказал первый всадник. — Мы не настолько жестоки, чтобы бросить красавицу в беде. Хочешь, я отвезу тебя в Мостоле? Оттуда до Ла-Корунии всего восемнадцать лиг. Отправишь письмо своему супругу, и он заберет тебя.

Они опять посмеялись, а Бранвен торопливо закивала, согласная на все, лишь бы добраться до какого-нибудь города.

— Я благодарна за вашу доброту, милорды, — сказала она, — но не найдется ли у вас

чего-нибудь съестного? Я целый день блуждала по лесу и ужасно голодна.

Из седельной сумки немедленно бы извлечен кусок лепешки и сыра, и Бранвен, издав стон восторга, впилась зубами в нехитрое угощение. Она все еще жевала, когда первый всадник протянул руку, чтобы помочь взобраться на коня. Девушка несмело приняла ее, а Эфриэл подтолкнул неуклюжую, чтобы не распласталась по крупу, как лягушка на коряге. Разумеется, ему руки и лошади никто не предложил, и пришлось следовать за благородными господами, увозившими Бранвен, своим ходом. Сначала леди оглядывалась, отыскивая его взглядом, но потом усталость взяла свое — она уткнулась лбом в спину мужчины и задремала.

В отличие от спящей леди, у Эфриэла сна не было ни в одном глазу — он старался не отставать и запоминать дорогу, потому как теперь они ехали в сторону, противоположную столице.

Мостоле, о котором говорили их случайные спутники, оказался не городом, а деревушкой, приютившейся на вырубке. Несколько домов, церковь и постоялый двор с треснувшей вывеской — вот тебе и город. Всадники остановились под вывеской, тихо переговариваясь. Их гортанного языка Эфриэл не понимал, а то, чего он не понимал, всегда его тревожило. Но всадники покамест вели себя достойно, и легонько потрясли Бранвен, призывая ее проснуться.

— Это Мостоле. Отсюда до столицы несколько часов пути, но ночь лучше провести под крышей. Вы ведь не против, пейнета?

— Конечно же нет, милорды, — заверила их Бранвен. — Понимаю ваше недоверие, но я и вправду герцогиня, и за каждый потраченный на меня медяк мой муж вернет вам чистым золотом.

— Золото нам было бы очень нелишним, — показал в улыбке белоснежные зубы всадник. — Меня, кстати, зовут Пако, а это — мои друзья, Игнасио и Изандро. И мы будем счастливы вам помочь даже без вознаграждения. Мы же благородные гринголо, верно, ребята?

Они снова рассмеялись, а Бранвен излила потоки словесной благодарности, заверив, что добрые дела не остаются без вознаграждения, и что герцог будет счастлив одарить тех, кто помог в трудную минуту его жене.

— Мы это запомним, — прервал ее заверения Пако. — А теперь давайте-ка поужинаем. Хлеб с сыром — неважнецкая замена ужину.

Бранвен и здесь с ним радостно согласилась. «Король» Пако помог ей спуститься с лошади и гостеприимно распахнул двери.

По-правде сказать, гостиный двор был не особенно роскошным, но для Бранвен показался небесным царством. Посетителей было мало — четверо мужчин сидели за столом, играя в кости и потягивая сидр из глиняных кружек.

— Эй, трактирщик! — крикнул Пако. — Нам нужна комната для дамы, да побыстрее. И чего-нибудь пожевать, тоже побыстрее. Шевелись, пейнета страдает от голода!

Смуглый до черноты мужчина бросил кости и расторопно поднялся, кланяясь, как деревянная кукла. Он проводил их на второй этаж по скрипучей лестнице и зажег свечу, а толстая женщина в замусоленном чепце принесла поднос, на котором стояли миски с вареными яйцами, ломтями ветчины и ячменным хлебом. Принесла она и кувшин с сидром, к которому Бранвен потянулась прежде всего, изнывая от жажды. Поднос с едой и питьем пришлось поставить прямо на кровать, потому что ни столов, ни стульев в комнате не было.

— Располагайтесь, благородная пейнета, — говорил Пако. — Поужинаем, переночуем, а завтра пошлем человека оповестить вашего мужа.

— Благодарю, добрый милорд, — сказала Бранвен, отпивая из кружки. — Вы не обидитесь, если я пожелаю ужинать одна?

— Обижусь? Ну что вы, как можно! Мы уже уходим, мы отлично поужинаем внизу, а утром зайдем вас провести, — заверил ее Пако и покинул комнату вместе с друзьями.

Оставшись одни, изголодавшиеся путешественники накиннулись на еду.

— Вот видишь, нам встретились хорошие люди, — сказала Бранвен, едва справляясь с куском хлеба пополам с ветчиной.

— Не знаю, не знаю, — Эфриэл не отставал от нее в поглощении еды, но успевал поглядывать по сторонам. — Какой-то странный трактир — комната изнутри не запирается, зато снаружи — крепкий засов.

— Но нас ведь не закрыли, — Бранвен с наслаждением откусила сразу половину очищенного яйца и отпила еще сидра. — Возможно, эта комната была раньше кладовой, поэтому и засов снаружи. Разве ты не понимаешь, что нас ведет яркое пламя? Я помолилась — и...

— Ешь, а потом сбежим отсюда. Переночуем в лесу и пойдем в сторону столицы.

— Нет, — решительно сказала Бранвен. — Я намерена отдохнуть по-человечески, в тепле и в постели, и завтра не двинусь с места — у меня ноги распухли, я идти не могу. Утром отправим гонца в Ла-Корунью, чтобы за мной прислали. Или лучше послать письмо лорду Освальду... — она замялась.

— Лучше лорду Освальду, — сказал свое слово Эфриэл. — Неизвестно, кого старуха Леоакадия отправит за тобой. Мне хватило приключений. Больше я не буду прыгать с обрывов даже ради тебя. И все же, хорошо бы нам обратиться...

Они съели все до крошки, выпили все до капли, и продолжали спорить о том, где провести ночь, пока Бранвен не уснула на полуслове.

— Слабосильный воробышек, эк тебя повело, — сказал Эфриэл, хотя она уже не могла его слышать. — Выпила из наперстка и тут же свалилась!

Он хотел разуть ее, но передумал, и сам улегся, ощущая тяжесть во всех членах. Странно, выпили они совсем немного, да и питье было не слишком забористым. Неужели, обитая в мире смертных, он сам стал слабаком, вроде них?

Бранвен дышала тихо и ровно, Эфриэл накрыл рукой ее руку и уснул, так спокойно, как никогда не спал в Тир-нан-Бео. Ему редко снились сны. Последний он видел лет двести-триста назад. Тогда ему привиделись лесные коты, шнырявшие по постели и скалившие мелкие острые зубки. Но тут все было понятно — перед этим его шесть ночей подряд вызывала женщина по имени Кат — Лесная Кошка, которая в порыве страсти кусалась до крови. Так он и ходил в Финнеасе — искусанный, весь в красных круглых отметинах, вызывая насмешки.

Этот же сон был другим.

Эфриэлу снилось, что он бредет через леса Тир-нан-Бео, и ветви, словно живые, хватают его за плечи, за волосы и царапают каменными листьями. Из чащи появляются и исчезают братец Адамайр в папашином плаще, и Айрмед с корзиной трав, и одноглазый привратник Иререо, и Ли-Бан, которая хмурится, чем-то недовольная. Всякий раз Эфриэл бросался туда, где возникала знакомая фигура, но видение рассеивалось, словно пар над котелком с кипящей водой. А потом лес закончился, и он очутился на краю пропасти.

Черные скалы, поросшие медной травой, уходили отвесно вниз, и дно пропасти терялось в тумане. Эфриэл снова испытал ужас, пережитый при падении с Хальконовой кручи. Он хотел отступить, но как это бывает во сне — тело налилось каменной тяжестью, и невозможно было сделать ни шага. Из темноты вышел папаша Нуада, пристукивающий ногтями по серебряной длани. Папаша что-то говорил, но Эфриэл не мог разобрать слов. А потом кто-то обнял его и увел от кручи, и от папашы, и от хмурой Ли-Бан, которая вдруг вылезла из пропасти. И этот кто-то повел его через каменный лес, потом серебряным лугом, и как-то незаметно вывел на луг настоящий, где светило самое настоящее солнце, и пчелы роились над цветущим вереском. И Эфриэл даже не удивился, обнаружив, что следует за леди Бранвен. Она была в голубом свадебном платье — как когда-то в церкви, и волосы у нее так и лились с макушки до колен — светлые, как воск, но мягкие, как горностаевая шкурка. «Я все обдумала и решила, — говорила маленькая леди, важно кивая в такт словам. — Я все решила». «Что ты решила?» — хотел спросить Эфриэл, но не смог пошевелить губами. «Ты останешься со мной навсегда!» — торжественно объявила она. В тот же миг поднялся ветер, сорвал с деревьев осеннюю листву, закружил ее золотым вихрем. Солнце скрылось, а луг заблестел серебром, и Эфриэл понял, что он опять оказался в Тир-нан-Бео. Понял и испугался. Он метался по лугу, разыскивая Бранвен, но она исчезла, и только ветер все усиливался, а потом загремел гром поздней осенней грозы...

Сид с трудом очнулся от дремоты, когда почувствовал присутствие чужих. Их голоса он и принял за громовые раскаты. Человеческая речь была прямо в мозг, хотя люди разговаривали вполголоса. С трудом разлепив веки, Эфриэл увидел «короля» Пако и двух его друзей. Они стояли у постели и рассматривали спящую Бранвен. Эфриэл взметался — ему показалось, что сейчас придется защищать девушку от насильников, но тело отказывалось слушаться, да и мысли текли лениво, все еще переживая события сновидения. Впрочем, мужчины не спешили нападать на Бранвен.

— Уснула. Теперь проспит до обеда, — сказал Пако, осторожно пошевелив Бранвен.

— Она сказала, что жена герцога, — опасливо пробормотал один из его друзей.

— Верь всему, что услышишь, — презрительно фыркнул Пако. — Ты столько ездил по окрестностям Ла-Коруньи — и часто видел разбойников?

Он засмеялся, и остальные засмеялись тоже.

— Но герцог и вправду недавно женился, — вспомнил опасливый.

— И что? Ты думаешь, что герцогиня Аллемада сразу после свадьбы помчалась в захолустную дыру под названием Мостоле? Что ей тут понадобилось? Настоящая герцогиня в Ла-Корунье, там устраивают праздник за праздником в ее честь. Говорят, веселье продлится еще две недели. Если Фонс не опоздает, мы успеем вдосталь погулять.

— Но у нее руки, как у благородной.

— Ага, а ноги — как у бродяжки. Ты дурак, Начо. С тебя станется — посмотришь, какие руки у шлюх, и всех их примешь за знатных пейнет. Нам главное — получить деньги с Фонса, а там пусть сам решает, что делать с этой красоткой.

Мужчины удались, тихо прикрыв двери, и Эфриэл позволил себе закрыть глаза, раздумывая над тем, что услышал. А услышанное ему не нравилось. Почему это Игнасио вдруг отзывается на имя Начо? И что это за Фонс? И какие деньги с него хотят получить, и почему он должен решить судьбу Бранвен? Превозмогая слабость, Эфриэл заставил себя сползти с кровати, и около четверти часа сидел на полу, переживая головокружение.

«Крысиные дети опоили чем-то, — лениво подумал он. — А всему виной — глупость

некой маленькой леди, которая мнит себя чересчур умной».

Он все же встал, пошатываясь добрел до порога, выглянул и обнаружил, что на двери висит вполне себе крепкий замок. Сид подергал его для верности, но замок был закрыт, и ключа рядом никто не оставил. Это было плохо, очень плохо. Будь дверь не заперта, он бы унес глупую леди отсюда подальше, но люди, к сожалению, не имеют способности просачиваться сквозь доски.

Вернувшись, Эфриэл открыл ставень и убедился, что «король» Пако знал, что делал — на окнах были двойные решетки, а в комнате не нашлось ничего острого и крепкого, чем можно было сломать решетку или скovyрнуть замок.

Он попробовал разбудить Бранвен, но та лишь сонно бормотала в ответ.

— Вот, значит, как, — поругал он ее, укладываясь рядом. — Тогда и я посплю, а то придется спасать тебя, а я уставший...

Они проспали почти до рассвета. Сквозь сон Эфриэл слышал, как заорали петухи, предвещая утро, а проснулся оттого, что кто-то склонился над кроватью, держа перед собой светильник. Заслонившись ладонью, он приподнялся на локте. Что касается Бранвен, она по-прежнему сладко спала, и ее сна не потревожили ни свет, ни мужские голоса, ни касания. Мужчина в бархатном костюме бесцеремонно ощупывал тело девушки, но делал это без малейшего намека на страсть — деловито, будто покупал барашка на рынке.

— Хорошенькая мордашка, но тельце жидкое, — сказал он. — Беру за два золотых.

— Фонсик, а не дешево ли? — отозвался «король» Пако.

— Три, уговорил.

— Ну ты и скупердяй, Фонсик! — зло ответил «король». — Пять. Или я забираю девчонку.

— Четыре.

— Согласен, — прошипел Пако. — Но когда-нибудь ты треснешь от жадности.

Фонс невозмутимо отсчитал четыре монеты, и «король» Пако исчез, а вместо него появились двое верзил, завернули бесчувственную Бранвен в покрывало и понесли вон. Эфриэл тащился за ними, падая на колени через каждые пять шагов, но сознание уже прояснилось, и слабость медленно, но верно отступала.

Попали из огня, да в горнило! И гадай теперь — что это за люди, зачем и куда несут нежную леди, и как теперь ее спасать.

Невозмутимый трактирщик проводил взглядом троих мужчин, двое из которых несли сверток, откуда торчали ноги в стоптанных туфлях, и продолжил меланхолично протирать кружки.

Во дворе стояла крытая деревянная повозка, запряженная парой тяжеловозов, и запертая на засов. Фонс отодвинул засов, и его помощники попросту вытряхнули Бранвен из покрывала внутрь повозки. Эфриэл слышал, как покатилося тело, и сразу же пролез следом. В повозке сидели и лежали шесть девушек — все простоволосые, оборванные и грязные. Они только что проснулись и боязливо сгрудились в дальний угол, не спеша помочь еще одной пленнице. Посреди в полу была прорезана дыра в четыре ладони — справлять нужду, и валялись три соломенных коврика, протертые до дыр.

Снаружи кто-то крикнул на лошадей, и повозка покатила, подпрыгивая на камнях. Эфриэл устроился возле Бранвен, время от времени высовывая голову, чтобы узнать, куда они едут. Но пока солнце не взошло, определить путь было невозможно. Через два часа после рассвета Бранвен слабо застонала и открыла глаза.

— С пробуждением, — сказал Эфриэл.

— Где я? — спросила Бранвен, пытаюсь сесть.

Пленницы тотчас отвернулись от нее, прячась за распущенными волосами. Они и между собой не болтали, эти пленницы. Только всхлипывали иногда.

— Что происходит? — спросила Бранвен, сжимая виски. — О, как болит голова...

— Голова болит? — сид прислонился затылком к стене повозки. — Поблагодари своего благородного друга Пако. Он продал тебя какому-то бандиту за четыре золотых.

Бранвен воззрилась на него с ужасом:

— Но в Эстландии нет рабства, — сказала она запинаясь.

— Конечно, нет. И бандитов нет, которые подсыпают в вино сонный порошок. И экономессы, которые пытаются убить своих хозяек, тоже нет. И вообще — все это нам снится. На самом деле мы с тобой лежим в тепленькой постельке, а под постелькой стоит ночной горшок с голубками.

— Прекрати, не время язвить...

— А для чего время? Подскажи мне, маленькая гусыня? Может, сейчас время забиться в истерику или заплакать? Так начинай. А я пока отдохну.

— Не буду я плакать, — сказала Бранвен, но слезы потекли сами собой.

Эфриэл увидел и смягчился.

— Слезами не поможешь, — сказал он, вытирая ладонью мокрые щеки девушки. — Не плачь, как-нибудь выпутаемся. Что такое повозка по сравнению с прыжком с Хальконовой кручи?

— И то правда, — шмыгнула носом Бранвен.

Повозка неспешно ехала от Мостоле к востоку. По подсчетам Эфриэла, они крутились где-то рядом со столицей, и вскоре добрались до очередного живописного городка.

— Проезжаем городские ворота, — оповестил Эфриэл. — Названия не вижу, но точно не столица.

Повозка резко остановилась, и снаружи послышался голос: «Что везешь?» И Фонс весело ответил: «Курочек! Смотреть будешь?» Мужчины захохотали, а потом первый голос отозвался: «Потом посмотрю, когда будут бегать по арене».

Повозка опять двинулась и несколько раз круто свернула в одну сторону и в другую. Потом загремел засов, и в повозку хлынул яркий солнечный свет, заставив пленниц зажмуриться.

— Выходите, вот и благословенная Тавра! — скомандовал Фонс.

Он стоял возле повозки, засунув большие пальцы рук за алый атласный пояс.

Бранвен вышла последней, и Эфриэл, помогавший ей спуститься по лесенке, почувствовал, как она вздрогнула.

— Этот мужчина... — прошептала она, — это родственник Леоакадии...

Теперь и Эфриэл припомнил, где встречал господина Фонса. Ну конечно же, пригород Ла-Коруньи, старуха беседовала с ним о курицах. Стоп! О курицах ли?

— Да у них тут все повязано, — сказал он медленно. — И трактирщик тоже в доле. Не удивлюсь, если и твоему мужу обо всем известно. Вспомни, что они говорили про белых курочек для герцога, а тут все девчонки светловолосые. Похоже, их подбирают твоему муженьку в постель. Попробуй напугать этого торговца. Пригрози ему мстостью герцога и пообещай богатое вознаграждение.

— Нет.

— Нет?

— Я ничего не скажу ему. Пусть считает меня обыкновенной вилланкой.

— Глупо.

— Не спорь, — твердо сказала Бранвен. — Я хочу узнать все наверняка. И либо перестану подозревать лорда Освальда, либо...

— Либо — что?

Но она не ответила.

Торговец в бархате вышел перед пленницами, выстроенными в одну линию. Его сопровождали охранники, и у каждого к поясу была приторочена сыромятная плеть.

— Слушайте меня! — провозгласил Фонс, прохаживаясь перед девушками, которые испуганно горбились, стараясь прикрыться — рубашки их были обветшалыми и изодранными. — Все вы ехали сюда, оплакивая свою судьбу, и не знали, дурочки, что вам несказанно повезло. Здесь вы будете жить в тепле и сытости, о вас будут заботиться, вы станете богаты и знамениты, а наиболее удачливые смогут заполучить в любовники знатных вельмож, если, конечно, в этом вы находите свое счастье. Каждая из вас будет получать жалование ежемесячно, кроме того — одежду, еду и кров.

Некоторые девушки оживились, заслышав про деньги и возможности.

— От вас требуется только усердие и послушание, — продолжал Фонс. — И первое, с чего мы начнем — с имен. Забудьте, как вас звали. Теперь вы получите новые имена, я назову их, а вы запомните и впоследствии обращайтесь друг к другу только так. Когда вас вызывает старший, прежде всего называйте свое новое имя. Ослушниц накажут плетью. Ты, — он ткнул пальцем в первую девушку, — у тебя длинный нос, ты будешь Наригуда. Ты низкого роста, будешь Пекинья. У тебя родинка на щеке — Люнара.

Когда очередь дошла до Бранвен, Фонс взял ее за волосы надо лбом и повернул лицо девушки из стороны в сторону.

— Ты слишком нежная, будешь зваться Марикуза.

Он снова вышел на середину и объявил:

— Вас проводят по комнатам, сегодня отдыхайте и наедайтесь, а завтра начнется обучение. Помните: прилежание в школе тавропол поощряется, непослушание карается.

— Школа тавропол? — Бранвен посмотрела на Эфриэла. — Это что-то связанное с быками?

— Ты! — заорал Фонс, указывая на Бранвен, и девушка подпрыгнула от испуга. — Кто разрешил тебе говорить? Выйди вперед!

Она сделала несколько шагов, колени ее подгибались.

— Имя!

— Что? — пробормотала она.

— Ответ неправильный! Ты — Марикуза. За нарушение правил получаешь три удара.

Эфриэлу оставалось только стиснуть зубы, глядя, как нежную леди тут же уложили на землю и трижды вытянули сыромятной плетью поперек икр. Хозяин не желал портить товар, за который платилось золотом.

— Вернись на место и не болтай, — велел Фонс, толкая Бранвен ногой. — Остальные смотрите и помните, что будет с вами в случае неповиновения.

Эфриэл хотел помочь Бранвен подняться, но его опередила стройная девушка лет пятнадцати, светловолосая, как и большинство пленниц. Только выглядела она не замороженной и не несчастной, и была одета в чистую тонкую рубашку и мужские штаны

длиной до колен.

— Надо слушаться, — сказала девушка, — будешь слушаться — тебя не станут бить. Пойдем, все покажу тебе и расскажу. Меня зовут Джасинта, будешь жить со мной, так хозяин велел. Теперь я — твоя старшая сестра, — добавила она важно, хотя была года на три младше Бранвен. — Ты должна меня слушаться.

К остальным пленницам тоже подошли девушки и повели их в сторону одноэтажного глиняного здания с узкими зарешеченными окнами.

Бранвен утерла слезы и несколько раз шмыгнула носом.

— Меня зовут...

— Марикуза, — закончила за нее Джасинта. — Забудь про прежнее имя, если не хочешь снова отведасть плетей. Это больно, зачем терпеть боль из-за собственного упрямства?

— Золотые слова, — поддакнул Эфриэл.

Джасинта привела Бранвен в маленькую комнату, в которой хватало места только на две лежанки, а пол был обмазан глиной.

— Вот здесь будешь спать, — Джасинта указала на одну из лежанок. — Сейчас принесут одежду и я отведу тебя в мыльню. Грязнуль тут не терпят.

— Я не грязнуля, — торопливо ответила Бранвен, вытирая чумазные щеки. — А что такое — школа тавропол? Чему здесь учат?

И Джасинта начала рассказ об удивительно прекрасном месте, где бедные девушки получают кров, защиту и деньги. Взамен их обучают благороднейшему занятию — играм с быками.

— Совсем как эспадас, понимаешь? Но у нас все красивее и сложнее, — говорила Джасинта, и глаза ее блестели. — Мы не убиваем быков, мы их укрощаем, и когда бык укрощен и становится покорным, как ягненок, танцуем на их спинах, а зрители рукоплещут и бросают на арену цветы! Я здесь уже третий год и заработала пятьдесят серебряных монет и десять золотых. Если так пойдет дальше, хозяин сделает меня старшей над таврополами, и я сама стану готовить девушек для выступления. Выступать тоже буду, ведь надо же мне когда-то завести покровителя? Мне уже предлагали любовь два гринголо — один судья из Нижнего Города, а второй — капитан гвардейцев при ратуше, только они мне не нравятся. Подожду еще, но слишком затягивать не стану. Еще лет пять или восемь — и я уже не смогу участвовать в играх, буду слишком старая. Да и случиться может всякое.

— Всякое?..

— А вдруг я допущу ошибку, и бык подкинет меня? Или упаду неловко? И такое бывает, но ты не бойся. Главное — хорошо тренироваться и забыть про страх. Я ничего не боюсь, — она улыбнулась горделиво.

— Как интересно, — протянул Эфриэл, со вниманием слушавший молоденькую покорительницу быков. — А в этой стране и вправду возродили древние обычаи. Теперь ты удовлетворила свое любопытство, маленькая леди? Пора заканчивать представление. Не затягивай до того момента, когда тебя бросят быку на рога.

Бранвен вздрогнула, едва представив такую возможность, но незаметно отмахнулась от сида.

— Значит, тебе здесь нравится?

— И тебе понравится, — спокойно сказала Джасинта.

— Но другие девушки... Их ведь похитили! Разве такое может понравиться?

— Похитили? Тебя похитили, что ли? Сюда собирают всех бродяжек и воровок, которые

шляются по городам и мешают жить добрым людям. Я и сама когда-то была такой. И что бы со мной стало, не попади я сюда? Так что я благодарна Фонсу. И ты тоже поймешь, что лучше быть богатой и знаменитой, чем бродить, как бездомная собака, побираясь огрызками.

Принесли одежду — простую рубашку из некрашеного полотна и полотняные же штаны, похожие на мужские. Джасинта взяла одежду и кусок чистой ветоши, чтобы вытереться после

— Господин Фонс — он родственник экономессы герцога? — задала новый вопрос Бранвен.

— Я не знаю, но он вхож во многие благородные дома, — Джасинта внимательно посмотрела. — А почему спрашиваешь? Ты решила стать его любовницей? Тогда остерегайся Амаранты, она давно с ним спит и так просто его не отдаст.

— Нет-нет! — испугалась Бранвен. — У меня и в мыслях не было!

— Тогда не задавай глупых вопросов и идем мыться, — сказала Джасинта.

Несмотря на почти холодную воду и жалкое количество мыльного корня, выданного каждой новенькой, Бранвен вымылась с огромным удовольствием. Потом Джасинта увела ее отдохнуть и даже помогла расчесать волосы.

— У тебя даже нет вшей, — сказала она, — ты, наверное, бродяжничала совсем недолго?

— Да, совсем недолго.

— Ты красивая, — продолжала Джасинта, — но будь осторожна. У Лючиты тоже были длинные волосы. Хозяин все время заставлял ее их распускать, когда она выходила на арену. Однажды бык зацепил ее за прядь и поволок. Она сломала ребра, и Фонс от нее избавился. Она все равно не смогла бы больше выступить.

— Тебя это не пугает?

Джасинта пожала плечами:

— У меня же короткие волосы. Конечно, случиться может всякое, но я знаю, что у меня особенная судьба. Возможно, однажды я понравлюсь самому герцогу, и он заберет меня, как Дулсе и Лузу. Теперь они важные дамы, вербуют новых тавропол и неплохо на этом зарабатывают.

— Значит, герцогу известно, чем заставляют заниматься девушек?

— Известно? Да он — владелец этой школы. Он не пропускает ни одного выступления.

— Вот как...

— Интересный парень твой муж, — сказал Эфриэл. — И как хорошо у него поставлено дело — все для народа, все для зрелищ!

Бранвен опять отмахнулась.

— А ты нацелилась на герцога? Высоко метишь, подруга! — засмеялась Джасинта. — Слишком смело для новенькой. Смотри, как бы мордочку не испортили. Многие мечтают ему понравиться.

— Нет-нет, ты неправильно меня поняла...

Только что прибывшим полагался день отдыха, но Бранвен не пожелала валяться в прохладе комнаты и запросилась с Джасинтой, которая как раз собралась на вечерние занятия. Та охотно взяла ее с собой, похвалив за усердие.

— Есть такие трусихи, которые думают, что если будут лениться, то никогда не попадут на арену. Не делай так. Фонс знает, как получить назад свои деньги.

— И как же?

— Пока не думай об этом, — сказала Джасинта.

Школу окружала высокая глинобитная стена, а охранников было больше, чем самих покорительниц быков — тавропол.

— Зачем столько охраны? — спросила Бранвен, опасливо косясь на свирепого вида мужчин, вооруженных плетью и кинжалами. — Неужели мы так опасны?

— Не так опасны мы, как опасно то, чем тут занимаются, — хихикнула Джасинта. — Если кто-то сбежит и донесет епископу, что здесь возродили старинные игры, школа будет немедленно закрыта. Яркое пламя не терпит древних обычаев.

— Разве дело только в древности? Разве не главное, что здесь погибают люди?

— Люди? О ком ты? О нас с тобой? Или об этих бродяжках, воровках и портовых шлюхах? Да мир станет чище, если их не будет, — сказала Джасинта.

— Ты говоришь страшные вещи, ведь ты тоже одна из них.

— Одна из нас, — поправила ее Джасинта. — Пока одна из нас. Если я буду стараться, то все изменится.

За стеной школы виднелось круглое строение, вроде того, что Бранвен видела в Лакорунье, правда, размером поменьше. Джасинта объяснила, что это — театр, и именно там выступают ученицы.

— Смотреть нас приезжают со всей Аллемады, — рассказывала она, — и наши зрители — богатые и благородные господа, а не какие-нибудь голодранцы.

В самой школе было две площадки для тренировок — одна побольше, там гоняли быков, вторая поменьше — там девушки обучались безукоризненной балансировке на бревне, положенном на козлы и подвешенном на канатах. Здесь же были беговые дорожки и перекладины, на которых висели, прицепив к ногам груз.

Джасинта показала Бранвен быков — черных низкорослых и белых, с рыжими пятнами на боках, которые в холке были выше человеческого роста.

— Обычно быков нашей, аллемадской породы, учат бегать ровно, чтобы на их спинах можно было танцевать. А других, белых, привозят с юга, они злее, с ними всегда нужно быть начеку. Но новичков против них не выпускают, это дело более опытных, — она самодовольно улыбнулась. — Главное — тренироваться каждый день.

Что она и продемонстрировала на второй площадке — сначала пробежала несколько кругов, чтобы разогреться, а потом принялась вытворять немыслимые акробатические номера на бревнах. Ее маленькое гибкое тело складывалось пополам, крутилось колесом и волчком, и Эфриэл лишь прищелкивал языком, выражая восхищение. Зато Бранвен пришла в ужас.

— Все как в моем сне, — сказала Бранвен Эфриэлу. — Плененные девы, быки и страх. Ты чувствуешь, что все здесь пропитано страхом? И развращенностью, и алчностью? Как получилось, что в таком прекрасном краю творятся такие гнусности?

— За эти гнусности платят хорошие деньги, — Эфриэл уселся на каменную изгородь и прищурившись оглядывал окрестности. — Ты попала в плохое место, малышка. Советую подумать, как выйти отсюда.

Вернулась Джасинта и повела новенькую на ужин.

Уже вечером, когда таврополы укладывались спать и их заперли по комнаткам в длинном доме, Эфриэл вернулся к разговору.

— Не хочешь заявить о себе? — спросил он. — Поднять шум и потребовать, чтобы сообщили герцогу?

Бранвен лежала на жесткой соломенной подстилке, покрытой грубой простыней, и смотрела невидящими глазами в темноту. Луна заглядывала в каморку, и тень от оконной решетки косо лежала на полу, похожая на зубы мифического чудовища.

— Лорд Освальд прибудет в столицу только через пять дней, — сказала, наконец, девушка. — Я боюсь, что Фонс сообщит обо всем Леоакадии, и они найдут способ избавиться от меня. К тому же...

— К тому же?

— Только представь, какой может начаться скандал — жена герцога оказалась в таком месте. Не знаю, что страшнее — то, что меня схватили, как бродяжку, или то, что смогут подумать, будто я сама пришла сюда тайно, чтобы поучаствовать в играх.

— Хочешь попробовать сбежать? — понял ее Эфриэл.

— Наверное, с твоей помощью это будет нетрудно? — робко спросила Бранвен.

Джасинта заворочалась и приподняла голову:

— Ты чего там бормочешь? — спросила она сонно.

— Молюсь, — ответила Бранвен.

Два дня в школе тавропол прошли для Бранвен достаточно спокойно. Причиной тому были сбитые ноги. Фонс самолично осмотрел ее израненные ступни и велел привести лекаря.

— Пока не вылечишься — смотри внимательно и все запоминай, — прочитал он Бранвен нотацию. — Но не болтайся праздно. Если увижу, что бездельничаешь — накажу.

И Бранвен не бездельничала.

Она смотрела, как кормят и обучают быков, она наведывалась в кухню, чтобы помочь поварихам готовить еду для учениц и охранников, а потом даже занялась уборкой птичьего помета — над школой кружили стаи голубей, ворую ячмень из кормушек.

Надо ли говорить, что по собственному желанию Бранвен никогда бы не стала заниматься такими грязными делами, но Эфриэлу это казалось чрезвычайно важным, и она покорно подчинялась, даже не задавая вопросов.

Остальные новички приступили к обучению. Пробежки, балансировка на бревнах, накачивание мышц — к вечеру девушки падали замертво от усталости. Тем, кто терял силы или желание заниматься, добавляли и того и другого сыромятной плетью.

— Это надо прекратить, — говорила Бранвен всякий раз, когда плеть опускалась на голени девушек, провинившихся тем или иным. — Епископ узнает об этом, и король узнает.

— Потихе, — осадил ее Эфриэл. — Сначала выберись отсюда. А потом... Твой муж замешан в этом. Донесешь епископу и королю — он тоже будет наказан. Доносы на мужей входят в кодекс чести верных и почтительных жен?

Бранвен переплела пальцы, раздумывая.

— Если он виновен, он должен понести наказание, — сказала она. — А если избежит наказания, яркое пламя покарает его. Правда превыше всего.

Эфриэл только покачал головой.

Ночью Бранвен проснулась, вся дрожа. Сначала ей показалось, что виной всему — очередной кошмар. Она осенила себя знаком яркого пламени, пробормотала молитву на отгнание злых сил и перевернулась на другой бок, но тут раздался страшный вопль, полный ужаса и боли.

Бранвен рывком села на постели, наступив на Эфриэла, который примостился на полу. Он вскочил, ничего не понимая спросонья.

— Опять кошмар?

— Нет! Кто-то кричит!

Вопль повторился, еще более ужасный, чем первый, а потом Бранвен слышался приглушенный ропот многоголосой толпы.

— Я должна узнать, что происходит! — она вскочила и кинулась к двери, но дверь была заперта снаружи.

Потревоженная шумом, проснулась Джасинта.

— Чего это ты разбегалась, Марикуза? Горшок в углу...

— Кто-то кричит, разве ты не слышишь?

Крики и мольбы о помощи перешли в надсадный вой, а потом оборвались. Джасинта долго прислушивалась и изрекла:

— Все, отмучилась. Туда ей и дорога.

— Кто отмучился? — Бранвен схватила за голову. — Да что происходит?

— Ложись спать, — посоветовала Джасинта. — А если надумаешь сводить счеты с жизнью — делай это по уму, чтобы потом господин Фонс не тратился на твоё лечение. И чтоб не визжать потом, как эта вот слабачка, — она укрылась с головой, давая понять, что разговор окончен.

— Послушалась бы ты её, — сказал Эфриэл. — Неизвестно, чем тут любят развлекаться по ночам.

— Разве я усну после такого? — Бранвен дрожала, и руки у неё были холодные, как лёд.

— Иди сюда, — Эфриэл притянул девушку к себе, пытаясь согреть. — Бывает, что-то происходит — и ты ничего не можешь с этим поделать. Тогда не надо казнить себя, а надо просто успокоиться. Таким неженкам не место в школе тавропол. Эх ты, Марикуза...

Она прижалась к нему, обхватив за шею, и зашептала:

— Я бы хотела улететь отсюда далеко-далеко. Или вернуть время вспять, чтобы опять оказаться в Роренброке...

— Бежим завтра днём? Ноги у тебя почти зажили, можно и в путь.

Услышав слова сиды, девушка встrepенулась:

— Зачем днём? Я думала, бежать лучше под покровом ночи, потому что...

— ...потому что так написано в рыцарских романах, — закончил за неё Эфриэл. — Если хочешь сбежать, то изволь меня слушаться, маленькая леди.

— Я слушаюсь, слушаюсь, — покорно сказала она. — Итак, мы бежим днём.

— Днём, перед самым полуднём, через западную стену. Она пониже, и там есть бойница, будет на что опереться.

— Но стена там в два человеческих роста! Смогу ли я перелезть через неё даже при помощи бойницы?

— Одна, конечно, не сможешь. Я тебя подсажу, а потом поймаю с той стороны.

— Охранники заметят, пока я буду перелезать через стену.

— Не заметят. Мы отвлечем их. Устроим пожар.

— Пожар? Нет-нет! Это опасно! Вдруг погибнут люди! — Бранвен, как и все эстландцы, воспитанные на печальной балладе о пожаре в Тансталле, панически боялась любого, даже самого незначительного возгорания.

Эфриэл поморщился:

— Это будет крохотный и неопасный пожар. Просто дым и почти никакого огня.

— Разве такое возможно?

— Положись на меня, — усмехнулся сид. — Нам останется только поджечь у восточной стены, перейти к западной стене, а потом ты крикнешь, что начался пожар. У нас есть четверть часа, прежде чем все откроется. Надо успеть.

— Надо, значит, успеем, — ответила Бранвен, и вдруг помрачнела.

— Что ещё? — Эфриэл уже знал, что ничего хорошего это не сулит.

— Джасинта...

— Что — Джасинта?

— Я не брошу её.

— Когда вернешься к мужу, приедешь за девчонкой.

— Нет, ты не понял. За мой побег её жестоко накажут...

Это было одним из правил школы. За проступки учениц наравне с нарушительницами

отвечали их старшие сестры.

— Надо взять ее с собой, — решительно заявила Бранвен.

Эфриэл потратил все свое красноречие, убеждая упрямую леди, что это безрассудно, и что он не сможет подсадить Джасинту на стену.

— Нам нужна веревка, только и всего, — сказала Бранвен. — Ты подсадишь меня, я затащу наверх ее, а потом спущу.

— И где ты возьмешь веревку? Попросишь услужливо у Фонса? — спросил Эфриэл, теряя терпение.

Бранвен задумалась, и лицо ее прояснилось:

— Простынь. Чем не веревка?

Эфриэл сдался:

— Поступай, как хочешь. Обещай только, что если нас остановят, тут же начнешь кричать, что ты — важная леди, поднимешь шум до небес и не станешь бояться скандала.

— Обещаю, — легко согласилась Бранвен.

На следующий день, улизнув в комнату после завтрака, они разорвали простынь на длинные полосы и связали их вместе. Бранвен не умела вязать узлов, но Эфриэл умел, и она попыталась запомнить эту хитрую науку. Кроме того, сид подобрал обломок палки, которыми гоняли быков, и привязал веревку из простыни к ней.

— Зачем это?

— Затем, — раздельно сказал Эфриэл, — что одна маленькая, но очень глупая леди рвется спасти всех подряд, и наивно полагает, что сможет затащить кого-то на стену. У тебя хватит сил разве что хлеб преломить.

Бранвен рвалась посвятить Джасинту в план побега, но Эфриэл запретил. У него были свои коварные соображения — он надеялся, что в суматохе они не найдут девчонку, и придется уйти без нее.

К полудню они стояли у восточной стены, где располагался хлев и склады с сеном и зерном.

— Отойди подальше, — приказал Эфриэл, — а когда я крикну — беги что есть духу.

— Это опасно? А как же ты?

Он постучал указательным пальцем ей по лбу:

— Беспокойся за себя, гусочка.

Довольно долго он возился у стены, а Бранвен изнывала от нетерпения и любопытства. Как это сид собирался устроить дым без огня? Не иначе, использует колдовскую силу! Она была так поглощена размышлениями о волшебстве потустороннего мира, что пропустила его команду и побежала, только когда он сам полетел к ней навстречу. Они отбежали на пятнадцать шагов, когда позади раздался глухой хлопок. Бранвен оглянулась. От стены столбом валил черный дым. Она явственно ощутила запах серы, но огня видно не было.

— Пожар! Кричи — пожар! — заорал на нее Эфриэл.

Но кричать Бранвен не пришлось. Дым заметили охранники и забили в сигнальный колокол. Бранвен увидела Джасинту, та выскочила с малой площадки и закрутилась на месте, не зная, куда броситься в поисках спасения.

— За мной! — Бранвен потащила ее к западной стене.

На них никто не обращал внимания — в загоне ревели быки, бестолково носились охранники и девушки-таврополы. Кто-то кричал, чтобы прикатили бочку с дождевой водой.

Перепуганная Джасинта следовала за Бранвен не задавая вопросов, но когда они

оказались у глухой стены, запрыгала, как заяц.

— Зачем мы здесь? Надо было к воротам!..

— Сейчас я залезу на стену и втащу тебя, — сказала Бранвен.

Эфриэл подставил спину, и девушка неуклюже вскарабкалась на него.

— Переходи ко мне на плечи, — велел он, медленно выпрямляясь, — и взбирайся на стену.

— Все, сию! — отозвалась Бранвен уже сверху.

Эфриэл поднял с земли палку с намотанными на нее лентами простыни, и бросил вверх. Со второй попытки Бранвен поймала палку, просунула ее в бойницу и сбросила конец импровизированной веревки Джасинте.

— Скорее, поднимайся! — заторопила она таврополу. — У нас мало времени! Сейчас поймут, что пожара нет!

Та стояла разинув рот, наблюдая за такими чудесами.

— Ты сбегать, что ли, собираешься? — догадалась она.

— Скорее!

Ей не потребовалось подтягивать девушку — Джасинта справилась сама, перебирая руками и упираясь в стену ногами.

Эфриэл уже стоял по ту сторону стены, дожидаясь, когда Бранвен прыгнет. Она прыгнула, почти не боясь. В конце концов, что такое прыжок со стены в четыре локтя после прыжка с Хальконовой кручи? Эфриэл поймал ее, даже не пошатнувшись, и она в который раз убедилась, насколько он был сильнее смертных мужчин. Соскользнув по его торсу, Бранвен встала на землю и замахала Джасинте:

— Спускайся!

Тавропола спустилась в мгновение ока и спросила:

— Куда теперь?

— В Ла-Корунью, — Бранвен торопливо шагала за Эфриэлом, который шел впереди, указывая дорогу.

— Ты колдунья? — спрашивала между тем Джасинта. — Ты взлетела на стену, как птица! А пожар — тоже твоё колдовство?

— Да, немного колдунья, — уклончиво ответила Бранвен. — Только на этом колдовство закончилось, и мы можем полагаться только на себя. Но когда мы доберемся до столицы, нам никто не будет страшен. Я обещаю тебе защиту и покровительство.

— Покровительство колдуньи! Здорово! — восхитилась Джасинта. — Никто еще не убегал из школы! Подожди, мне в башмак попал камешек...

Они остановились за углом дома, Джасинта разулась и тщательно вытряхнула башмак. Все это время Эфриэл ругал ее такими отменными выражениями, что Бранвен оставалось лишь краснеть.

Им повезло, и к воротам они вышли быстро и без приключений. Эфриэл был несказанно доволен — он хорошо запомнил дорогу, и вышел как раз туда, куда планировал. Ворота были открыты, стражники дремали в тенике, и девушки в сопровождении невидимого покровителя вышли из города беспрепятственно.

— Надо отойти от города как можно дальше, — сказал Эфриэл. — если будет погоня — я предупрежу, спрячемся в лесу.

— Ой! — Джасинта схватилась за живот. — Прихватило-то как! Я сейчас... — и она скрылась за ближайшими кустами.

— Девчонка начинает меня раздражать, — потерял терпение Эффриэл. — Бросим ее и пойдем одни?

Бранвен посмотрела так просительно, что он сразу сдался.

— Ладно, ждем. Но попомни мои слова — мы еще с ней наплачемся.

Джасинта управилась быстро, и они направились дальше. Дорога, проходившая через лес, была на удивление хорошо сделана — плоские большие камни лежали вплотную друг к другу, а по краям был выложен бордюр из камней помельче. Одно удовольствие идти по такой дороге, не спотыкаясь и проваливаясь в грязь.

— Какие хорошие мастера в Аллемаде, — сказала Бранвен.

— Это древняя дорога, — сказал Эффриэл. — Теперешние мастера не имеют к ней никакого отношения.

— Ты много знаешь. И про дороги... и как сделать дым без огня. Или это было колдовство сидов?

— Нет, не колдовство, — ответил Эффриэл в своей излюбленной манере. — Это было немного серы из бычьей кормушки, немного древесного угля из кухонной печи и очень много птичьего дерьма, которого ты нагребала собственными ручками.

Джасинта бодро шлепала по древней дороге, наслаждаясь прогулкой, а Бранвен и Эффриэл поотстали, настораживаясь при каждом шорохе. Несколько раз им встречались экипажи и погонщики быков, перегонявшие молодняк, но Эффриэл успевал предупредить, и девушки прятались за деревьями.

Несколько раз они останавливались передохнуть. Джасинта ничуть не устала, но Бранвен опять стерла ногу и уже заметно хромала.

— Зря ты потащила соплечку с собой, — мрачно сказал Эффриэл. — Я мог бы дотащить тебя до столицы в два раза быстрее.

— Как я могла оставить ее? — Бранвен смотрела на девушку, почти девочку, которая отдыхала, привалившись спиной к стволу дерева, и развлекалась тем, что строила из придорожных камней башенки. — Она совсем еще ребенок. Остальных я не могла спасти, но эту — постараюсь. Мои сестры такого же возраста. Они тоже могли бы попасть к Фонсу.

— И ты бы не попала, если бы вела себя разумно. Не успеем до Ла-Коруни засветло, придется заночевать под открытым небом. Вечером городские ворота закроют, и никто нас не впустит, хоть заоремся, что ты — пропавшая герцогиня.

За полдня до Ла-Коруни не добрались. Эффриэлу удалось отыскать какую-то полуразвалившуюся хижину, больше похожую на хлев, но Бранвен была рада и этому. Она еще раз высчитала, когда возвращается лорд Освальд и снова пообещала Джасинте покровительство с завтрашнего дня.

Она едва задремала, когда в хижину ворвался разгневанный Фонс вместе с тремя помощниками.

— А ну, вставай! Разлеглась, как корова! — заорал он, хватая Бранвен за волосы.

Эффриэл помянул пряжки и ляжки, а Джасинта вскочила и поклонилась:

— Хозяин! Почему вы так долго?

— Потому что вы прятки, как зайцы! — Фонс встряхнул Бранвен. — Но от Фонса еще никто не убегал, понятно? А ты, — он обернулся к Джасинте, — поедешь на лошади вместе с Чучо. Напомни, чтобы я заплатил тебе. Сработала ловко, заслуживаешь награды.

— Сработала? — Бранвен уставилась на Джасинту.

Тавропола хихикнула.

— Я всю дорогу оставляла знаки для господина Фонса. У нас давняя договоренность — если кто-то из новеньких сбегает, мы просто следуем за ними и оставляем знаки. Камни на дорогах, как указатели. Я на каждом привале это делала. Я умная, правда, хозяин?

Бранвен горестно покачала головой:

— Я пыталась тебя спасти, а ты предала так легко. Яркое пламя наказывает предателей.

— Ах ты, дрянь! — Фонс замахнулся, но передумал бить, и подтолкнул Бранвен вон из хижины, тропинкой между деревьями, к уже знакомой повозке. — Разорить меня вздумала и еще языком болтаешь? Ну-ну.

— Поосторожней с ней, хозяин, — сказала Джасинта. — Она колдунья. Она перелетела через стену.

— Зато через доски не просочится. Залезай!

Бранвен снова оказалась в тюрьме на колесах, а Эфриэл пролез следом.

— Не говори ничего! — сказала Бранвен со слезами. — Я знаю, я поступила глупо, и сама виновата.

Эфриэл только вздохнул.

Путь до Тавры проделали в гробовом молчанье, а по прибытии в школу, Бранвен очутилась не в комнатухе для учениц, а в клетке с металлическими прутьями. В соседней клетке сидела еще одна несчастная, Бранвен узнала ее по родинке. Фонс назвал ее Люнара.

— Вы двое пытались сбежать, — хозяин школы прохаживался вдоль клеток, пристукивая плетью о голенище сапога, — и за это будете наказаны. Чтобы другим было неповадно.

Больше он ничего объяснять не стал, и ушел, а Джасинта задержалась, подойдя к самой решетке.

— Ты и вправду думала, что я захочу отсюда уйти? — спросила она насмешливо. — Разве не поняла? Мне нравится школа. Я помогла поймать тебя, и хозяин меня заметил. А вас с Люнарой надо заткнуть, чтобы не проболтались.

— Но ведь здесь гибнут люди! — в отчаянье призвала ее Бранвен. — Неужели тебе не страшно, что юные девушки смертельно рискуют?

— Танцы с быками — это игра. Такая же, как сама жизнь, — ответила невозмутимо Джасинта. — Ты ведь не боишься жизни? А она — тот же танец на быках, даже опаснее. Ведь не знаешь, прыгнешь ли на спину быку или на его рога. А на арене все честно. Вот она — спина, вот они — рога.

— По-твоему, всего лишь игра? Нет, это чья-то боль, чьи-то несостоявшиеся мечты и надежды. Многие из этих несчастных хотели выйти замуж, родить детей и жить спокойно и радостно. Танцевать на праздниках, собирать цветы, а не умирать на потеху публике. Сколько их убивает себя, чтобы вырваться из того ужаса, что вы им уготовили?

— Не стоит их жалеть. Слабые всегда умирают. А сильный... он никогда не сдается. Если жизнь подставила тебе спину, то не надо думать, что будет, если вдруг попадешь на рога. Надо просто продолжать танцевать.

— Ты говоришь, как рабыня, — сказала Бранвен с жалостью. — Просто ты никогда не была свободной.

Джасинта впервые взглянула на нее со злобой:

— Не была? А может, это тебе не известно, что такое свобода? Только и слышу от тебя: яркое пламя не прощает!.. яркое пламя наказывает!.. А ты сними шоры и поднимись выше

законов, что установили для нас святоши. Не хочешь попробовать? Тебе может это понравиться.

Она отошла от клетки, а Бранвен в бессилье опустилась на глиняный пол. Эфриэл хмуро наблюдал за ней.

— Только не принимай близко к сердцу болтовню этой соплячки, — сказал он. — Признай, что она провела нас вокруг пальца, а виной всему — твоя непомерная глупость.

— Бедное дитя, — произнесла Бранвен, — в каком же мраке она пребывает...

— Лучше бы тебя беспокоило, что они сделают с тобой.

— Если яркому пламени будет угодно, они ничего мне сделают.

— А если не угодно?

Бранвен встала на колени, чтобы помолиться.

Когда над Таврой сгустились сумерки, за несостоявшимися беглянками пришли.

— Главное, ничего не бойся, — сказал Эфриэл, хотя сам ужасно боялся за леди, опять попавшую в переплет. На сей раз — вовсе нешуточный.

— Я спокойна и не боюсь, — ответила она и улыбнулась ему.

Девушек провели подземным ходом, соединявшим школу и театр, где их уже ждал Фонс с помощниками.

— Кровати готовы? — деловито осведомился Фонс. — Переодевайте их — и вперед. Я уже объявил свадьбу быка и девы.

Помощники сорвали с девушек одежду, невзирая на их протесты и накинули на каждую по небольшому полупрозрачному покрывалу.

— Пора сказать, кто ты, — Эфриэл прислушался к шуму за воротами. — Там пропасть людей, и все, похоже, жаждут кровавых зрелищ. Говори же, говори!

Она промедлила всего лишь мгновение, но этого хватило, чтобы опоздать.

— Чучо! Открывай! — рявкнул Фонс, и ворота распахнулись.

Голос Бранвен потонул в восторженном реве зрителей. Она видела покрасневшиеся лица пейнет, глаза которых сверкали ярче, чем драгоценные камни их гребенок, и благородных гринголо, чьи рты разевались в крике и походили на черные ямы. Девушек потащили к центру арены, а Эфриэл огляделся, продумывая пути отступления. Его не интересовали зрители, сидевшие в ложах, его интересовала высота ограждения, окружавшего арену. Осмотр не обнадежил — по верху стены были набиты металлические шипы, на такие не забросишь нежную леди. Хуже всего, что ни у кого из помощников Фонса не было при себе оружия — ни ножей, ни кинжалов, которые можно было бы украсть и оборонить глупышку Бранвен.

Они вышли на арену через малые ворота, а на той стороне виднелись Большие ворота, в школе тавропол их еще называли Бычьими, оттуда выпускали животных.

На середине стояли два ложа, устланные шелками. Четыре вызолоченных кроватных столбика, изображали обнаженных лукавых дев, а к ним были привязаны замшевые путы. Упирающихся девушек подтащили к кроватям и уложили лицом вниз, привязав к столбикам, и поспешили убраться. Ворота раскрылись для них, а потом закрылись.

— Только не бойся, — повторял Эфриэл, как заклинание. Ему приходилось кричать, потому что зрители ревели, почище диких животных.

— Мне ничуть не страшно, не волнуйся, — говорила Бранвен, бледная, как покойница. — Это же не прыжок с Х-хальконовой кручи.

— Умница, держись. Я тебя развяжу, и постараемся убраться отсюда, — говорил Эфриэл, распутывая мягкие узлы. Замша поддавалась плохо, и он помогал себе зубами.

На соседнем ложе стонала и плакала в голос вторая жертва.

— Только бы они не выпустили диких зверей, — сказала Бранвен, бодрясь. — Я читала о таком в старинных книгах.

— А я такое видел, — сид уже развязал одну ее руку. — Пока не дергайся, чтобы не заметили, что ты освободилась раньше времени.

— Надо помочь и Люнаре, мы не можем оставить ее здесь.

— Ты уже помогла Джасинете, поэтому заткнись и слушай. Сейчас мы очень быстро бежим к Фонсу, и ты очень быстро ему расскажешь, кто ты на самом деле.

Вторая рука, а затем и ноги были свободны, и сид рывком поднял леди, подталкивая к малым воротам. Она попыталась сопротивляться, но он дал ей хорошего пинка для ускорения. Игра в благородство ему надоела.

Зрители разочарованно заголосили, когда одна из дев вдруг освободилась от пут и помчалась прочь от ложа. «Бездельники! Растяпы!! Ловите ее!» — неслись обвинения в адрес незадачливых палачей, посмеявшихся привязать жертву недостаточно крепко.

Добежав до ворот, Бранвен изо всех сил замолотила по ним кулаками:

— Пустите меня! Пустите! — кричала она, но голос тонул среди криков благородных гринголо и пейнет. — Я — герцогиня Аллемада, вы не смеее!..

Раздался грохот, и Бычьи ворота отворились.

— Мои руины! — выругался Эфриэл. — Так вот что они задумали...

Бранвен хотела оглянуться, но он прижал ее голову к своей груди:

— Не смотри, нас он не тронет, если повезет. Бедная девчонка...

Девушка пыталась вырваться, но сид не отпускал ее. Тогда она вцепилась в него зубами, прокусив до крови предплечье.

— Больно же! — Эфриэл всего на секунду ослабил хватку, но для леди этого оказалось достаточным, чтобы освободиться и увидеть, что происходит.

На арену выпустили двухгодовалого быка, он был уже возбужден и поводил носом, чувствуя запах самки, но не видя ее. Вот зверь затрусил к пустому ложу, где осталось оброненное Бранвен покрывало, и принялся жадно его облизывать — оно было пропитано коровьей слизью, которую они выделяют во время течки, а потом двинулся ко второму ложу, где билась на привязи девушка.

— Свадьба быка и девы, — сказал Эфриэл, снова заставляя Бранвен отвернуться. — Вот какими развлечениями балуется местная знать. Неспроста твой муженек любовался на эту картину в своем замке.

— Мы должны ей помочь!

— Встать перед быком, когда он хочет случки? Да ты с ума сошла, девочка.

Но она вырвалась и бросилась обратно, размахивая руками и крича.

— Стой! — Эфриэл догнал ее в три прыжка и потащил к воротам.

— Я не оставляю ее, не оставляю! — вопила Бранвен.

Возня и крики привлекли внимание быка. Эфриэл, следивший за животным, начал отступать, волоча за собой упирающуюся Бранвен. Его уже не заботило, как это выглядело со стороны — речь шла не о сохранении тайны его присутствия, а о спасении жизни.

Бык тем временем перешел в наступление, решив избавиться от того, кто показался ему соперником. Выставив рога, он кинулся на Бранвен и неминуемо настиг бы ее, но в

последний момент Эфриэл успел отбросить девушку. Промажнувшись, бык бросился во вторую атаку. Теперь Бранвен было не до спасения второй девы. Она попыталась убежать, но арена, покрытая песком, была плохим местом для бега. Эфриэл снова оттолкнул девушку. Она покатилась кубарем и затихла, но проверять, что там с ней случилось, было попросту некогда.

Рогатая морда оказалась совсем близко, и Эфриэл схватился за кольцо, продетое в широкие бычьи ноздри, призвав на помощь всю силу, унаследованную и от дражайшего папаши, и от дражайшей мамыши.

Бык проволока его три шага, но потом Эфриэлу удалось пригнуть его голову к земле. Кольцо было единственным, что связывало его с живым существом, несущим смерть. Эфриэл никогда не молился, но тут припомнил все существующие и несуществующие молитвы, умоляя небеса, чтобы рука не соскользнула.

И вдруг все кончилось. Откуда-то появились гвардейцы, вооруженные толстыми палками, и набросились на быка. Несколько гвардейцев окружили Бранвен, двое — отвязали плачущую Люнару и увели их с арены. Зрители роптали, им не по вкусу пришлось прерванное развлечение. Но вот кровати убрали, а на арене появились таврополы-акробатки, и были выпущены новые быки. Зрелище менее волнующее, но не менее интересное почти сразу заставило вельмож позабыть об испорченном номере, и над Таврой снова раздались восторженные вопли, топот и аплодисменты.

Эфриэл потерял Бранвен в толпе, но ему и не надо было ее видеть — заклинание тянуло вперед. Вскоре он оказался рядом с нежной леди, которая уже куталась в чей-то плащ.

— Ты цела? — спросил он, но Бранвен не ответила, глядя куда-то поверх его плеча.

Эфриэл оглянулся, ожидая новой опасности, но за его спиной стоял всего-навсего лорд Освальд. Возле герцога лежал Фонс, еще бившийся в конвульсиях. Лорд наклонился и вытер окровавленный нож об одежду хозяина школы.

— Так вот в чем причина, — сказал сид. — Что ж, в кои-то веки я рад его появлению.

Он устало сел прямо на землю, не обращая внимания на гвардейцев, проходивших сквозь него.

Лорд Освальд приблизился к жене.

— Меньше всего я ожидал встретить здесь вас, — сказал он.

— А я — вас, — ответила Бранвен.

— Разберемся с этим позже. Сколько времени вы провели в этой школе?

— Четыре дня.

— И вас все видели?

— Не скажу за всех, но многие.

— Хорошо, — по лицу лорда Освальда было понятно, что это вовсе не хорошо. — Сейчас вы отправитесь домой, а я разберусь с теми, кто вас видел.

— Не убивайте их! — закричала Бранвен, повиснув на муже. — В чем они виноваты?!

— Они видели ваш позор, и я обязан защитить вашу честь, — сказал лорд Освальд, пытаясь освободиться. — Извольте мне не мешать, леди.

— Тогда убейте всех, кто присутствовал на сегодняшнем представлении!

— В этом нет необходимости, они не разглядели вашего лица. Я сам узнал вас с трудом. А за своих людей я поручусь, — лорд Освальд освободился от цепкой хватки жены и передал ее двум гвардейцам. — Доставьте госпожу герцогиню в мой дом и охраняйте.

— Заклинаю вас, не причиняйте вреда бедным девушкам! — опять закричала Бранвен,

сопротивляясь попытке солдат увести ее.

— Хорошо, — внезапно переменял решение лорд Освальд. — Заприте их, а завтра дайте каждой денег и обяжите молчать о том, свидетелями чему они оказались. Так хорошо, миледи?

— Да, — прошептала Бранвен, мигот теряя воинственный пыл. — Благодарю вас за доброту.

Лорд Освальд поклонился ей.

Дом, в который привели герцогиню, очень напоминал Каса Помо, где хозяйкой была госпожа Радегонда. Тот же балкончик, выходивший в сад, те же розы, доверчиво льнувшие к балюстраде. Служанки принесли горячей воды и ужин и постелили свежие простыни, пахнувшие фиалками.

— Почему грустишь? Ведь все закончилось, — Эфриэл воздал должное еде, поглядывая на Бранвен, которая терла пальцем штукатурку, стоя у окна.

— От этого мне не менее горько.

— Отдохни, завтра тебе все покажется не таким трагичным.

Ночью она снова держала его за руку, но никак не засыпала, только вздыхала тяжело. Под утро она забылась тонким сном, но проспала недолго. Жаркий и сухой воздух Тавры стал вдруг еще жарче, словно перед грозой.

— Что это? — спросила Бранвен, толкая Эфриэла в бок. — Чувствуешь? Пахнет гарью.

— Похоже, где-то пожар, — сказал сид, принимаясь.

Бранвен вскочила с кровати и подбежала к окну. На востоке небеса полыхали красными отблесками, а под ними сияло алое зарево.

— Это школа, — Бранвен вцепилась в подоконник, и Эфриэл подхватил ее под локти — ему показалось, еще немного и девушка упадет. — Лорд Освальд верен своему слову — вот он и избавился от ненужных свидетелей...

— Подожди решать с такой поспешностью. Ты еще ничего не знаешь.

— Знаю, — сказала она с неожиданным спокойствием. — И ты это тоже знаешь. Я была наивна. Поверила ему. А стоило отнестись с подозрением — почему он так легко отказался от убийства.

— Он сделал это, защищая твою честь.

— Нет, не мою честь. Свое самолюбие.

Эфриэл деликатно промолчал.

Лорд Освальд появился рано утром, оповестив жену, что пора возвращаться в столицу. Он не пожелал ехать отдельно и забрался в карету к Бранвен, потребовав, чтобы она рассказала все без утайки — почему оказалась так далеко от дома, одна, да еще в столь бедственном положении. Бранвен поведала о своих заключениях подозрительно спокойно, как будто пересказывала приключения какой-нибудь выдуманной принцессы Зубейды в Великих Пустынях. Зато лорд Освальд темнел лицом и пристукивал кулаком по сиденью.

— Мерзкая змеища! — сказал он про Леоакадию. — Я сдам ее королевскому суду, пусть утопят, как шелудивую суку! А Адончию...

— Нет, милорд! Не трогайте Адончию. Она не виновата.

— Вы очень добры, миледи, — почти прорычал лорд Освальд.

— Чего не скажешь о вас, — ответила Бранвен шепотом, но муж ее не услышал.

В Ла-Корунью въехали тихо и без помпы, даже не открывая ставней кареты, чтобы не быть узнанными. На этом настаивал герцог.

Целый день Бранвен была заперта в спальне, ей только принесли обед и ужин, не отвечая на расспросы, где герцог, и что он делает. Но вечером лорд Освальд осчастливил жену визитом.

— Пришел сказать, чтобы вы ничего не боялись, — сказал он, пройдясь возле столика для рукоделья и погладив корешки книг на полке. Книги были сплошь религиозные трактаты — что еще читать набожной и добродетельной благородной даме?

— Вы избавились от своей эконоессы? — Бранвен при появлении мужа встала, теребя платочек.

— Передал ее королевским следователям, — пояснил лорд Освальд, не пожелав заметить обвинительного тона жены. — И ее саму, и ее сообщников. Больше вам ничего не угрожает. Одна лишь... моя страсть.

Он оказался рядом с Бранвен и обнял ее:

— Само небо хранит вас, моя прекрасная жена. И мне не терпится насладиться вашими объятиями. Ведь теперь вы только моя, и никто вас у меня не отнимет.

— Я выйду, — сказал Эфриэл.

— Нет!

Возглас Бранвен одинаково удивил и человека, и сида.

— Нет, — повторила она. — Этого не будет. Я совершила ошибку, согласившись на брак с вами. И вы совершили ошибку, милорд. Вам не нужна герцогиня.

— Но наследники... — растерянно сказал лорд Освальд.

— У вас уже есть наследник, и другие ни к чему. Я хотела бы уехать завтра же. Если вы пообещаете никогда не устраивать танцев с быками, я пообещаю, что не сообщу о ваших возмутительных играх королю. Мы признаем брак недействительным. Вы ничего не потеряете, а я все равно не смогу стать вашей настоящей женой.

— Но почему?.. — тупо спросил герцог.

— Потому что я никогда не смогу полюбить такого жестокого и развращенного человека, как вы, — четко выговорила Бранвен. — Надеюсь на ваше понимание, милорд.

— Я не ослышался? — лорд Освальд поднес ладонь к уху. — Вы хотите объявить наш брак недействительным? На каких же основаниях?

— Согласно закону, брак должен быть подтвержден плотским союзом мужа и жены сразу же после венчания. В исключительных случаях — в течение месяца после венчания. Прошло полтора месяца, милорд. Поэтому брак считается недействительным, о чем я заявлю.

— Как вы хорошо осведомлены насчет законов...

— Вы знаете, что я права, милорд.

— Получается, все дело только в плотском союзе? — герцог затеребил бородку, искоса поглядывая на жену. — Так мы это без труда исправим.

Бранвен испуганно отступила, когда он двинулся к ней, на ходу расстегнув фибулу на плаще и сбросив его на пол.

— Вы не посмеете, — сказала она дрожащим голосом.

— И кто же меня остановит? — лорд Освальд стащил коту, не утруждая себя развязыванием тесемок, и взялся за поясной ремень.

— Я скорее умру, чем достанусь вам!

— Нет, вы не умрете, — успокоил ее муж. — Я не позволю вам умереть. Теперь я буду охранять вас, как самое драгоценное сокровище.

Он уже загнал ее в угол, а когда Бранвен попыталась спрятаться за балдахин, схватил ее за руку и бросил поперек кровати.

— Не надо сопротивляться и злить меня, дорогая, — он снял сапоги и спустил штаны, оставшись в подштанниках. — Я не причиню вам вреда. Главное, чтобы вы сами не навредили себе.

Эфриэл, наблюдавший эту сцену, наконец-то соизволил спросить:

— Ты и вправду не хочешь с ним спать?

— Нет! Нет! Он мне противен! — Бранвен попыталась лягнуть мужа, но он без труда поймал ее за ногу. — Оставьте меня, просто оставьте! — слезы и хлынули по девичьим щекам, и не оставили мужчин равнодушными.

— Как же я могу оставить жену, когда она плачет? — воскликнул герцог.

Бранвен вскрикнула, когда Эфриэл неторопливо взял скамеечку для ног, примерился и ударил милорда Освальда пониже затылка. Герцог рухнул, как подкошенный, и затих. Эфриэл тоже не удержался на ногах, и тяжело сел возле кровати.

— Что ты наделал! Что ты наделал?! — Бранвен вскочила и бросилась к сиду, перепрыгнув через мужа.

— Не кричи, — попросил Эфриэл, морщась. — Жив твой муженек...

— Главное, что ты жив, — ответила Бранвен с нервным смешком.

— Жив и почти здоров, — проворчал сид, а девушка заметалась по комнате, достав откуда-то полотняную дорожную сумку.

— Что это ты делаешь? — подозрительно спросил Эфриэл, когда Бранвен достала со дна сундука книгу колдовских заклинаний и бережно уложила ее на дно сумки, после чего туда же отправились шкатулка с драгоценностями, корзиночка с флакончиками благовоний, нарисованная от руки карта и куча всяких мелочей, которые кажутся женщинам ужасно важными.

— Мы уходим и немедленно, — объявила Бранвен, когда сумка была набита битком.

— Куда это ты собралась? — спросил Эфриэл, холодея, потому что уже знал ответ.

— В Роренброк, — ответила леди.

— Безумная... — прошептал сид.

— Ты идешь? — она оглянулась от порога. — Впрочем, тут все решаю я.

Она юркнула в темноту коридора, и заклинание властно потянуло Эфриэла следом.

До самых замковых ворот он убеждал ее, что она поступает крайне неразумно, но юная леди только кивала, думая о своем.

— Я тебя не пущу. Это слишком опасно — дорога дальняя, а ты попадаешь в неприятности, едва переступив порог!

— Здесь все решаю я, — повторила она.

«Я подумала и решила», — припомнились Эфриэлу слова из его сна.

— Стой! — он схватил леди, разворачивая к себе лицом. — Ты решила поселить меня в своем мире навсегда?!

Она отвела глаза и тихо сказала:

— Мы все исправим, когда я уйду отсюда.

— Ты никуда не пойдешь, — заявил Эфриэл, чувствуя себя бессильным, как цыпленок. — Хватит походов по лесам и бычьим школам.

— Тогда попробуй меня удержать! — сказала она и с неожиданным проворством бросилась в ворота.

Эфриэл догнал ее, когда она добежала до фонтана на площади и скрылась в портике, где в полдень прятались от жары горожане. Сейчас здесь было пусто, и Бранвен прислонилась к каменной стене, чтобы отдышаться. Сид остановился перед девушкой, поставив ладони на стену с двух сторон от беглянки, чтобы не надумала бежать дальше.

— Тебе надо вернуться.

— Я никогда не вернусь туда, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Мне следовало уйти сразу, как мы спаслись от Леоакации. Но я должна была вернуться за книгой. Оставить ее здесь — значит продлить твоё рабство ещё на многие столетия.

— Ты опять думаешь о других, а не о себе, Бранвен из Роренброка, и опять собираешься совершить глупость.

— Это не глупость, а единственный правильный выход. Я вернусь домой и потребую, чтобы брак признали недействительным. И стану свободной.

— Свободной? Хорошо, — Эфриэл отступил на шаг, окинув девушку взглядом с макушки до пят. — Только потом не пожалей.

Месяц спустя
после исчезновения
герцогини Аллемада из дома мужа

На ужин удалось раздобыть только несколько сухарей и два куриных яйца, но Бранвен была рада и этому — очень уж изголодалась в дороге. Устроившись у яслей, она расстелила на коленях платок и выложила нехитрую снедь, поделив сухари на две равные кучки.

— Садись ужинать, — пригласила она сиду.

Но тот смотрел на нее без восторга.

— Довольна? — спросил он насмешливо.

— Я сделала так, как считала нужным, — тихо сказала Бранвен и протянула ему яйцо.

— Невозможная упрямица, — вздохнул Эфриэл, принимая угощение.

Они быстро расправились со скудным ужином и устроились на ночлег, пока не стемнело. Эфриэл взбил сено и расстелил плащ. Когда Бранвен улеглась, он укрыл ее полой, а сам устроился сзади, обняв девушку со спины для тепла.

— Тебе и вправду не холодно? — спросила Бранвен уже сонным голосом.

— Мне жарко, — ответил сид. — Спи.

Она не ответила, потому что сразу же уснула. Эфриэлу же не спалось.

Как он и предсказывал, их чудесное путешествие не состоялось. В первом же гостинином дворе, кажется, это было в местечке под названием Морелья, у нежной леди украли кошелек с монетами, которые она выручила от продажи части драгоценностей, а оставшиеся драгоценности украли в другой деревне — в Теруэле. Второго воришку он заприметил, но догнать не смог — Бранвен держала его, как на привязи. Так что границу Аллемады они пересекли, обыкновенными нищими. За последнюю шпильку с жемчужиной удалось присоединиться к каравану, шедшему через Трассерские пески в Эстландию, но провиант закончился на середине пути, и Бранвен пришлось подрабатывать, помогая чистить коней и отдраивая до блеска жирные закопченные котелки. Некоторые намекали, что подзаработать она может и другим путем, но всякий раз встречали яростный отпор и клялись потом, что девчонка — колдунья. Она, мол, заставляет вещи летать. Например, деревянный половник...

Эстландия встретила их окончанием зимы, но не окончанием морозов. Сид не стал слушать заверения леди о том, что она заработает деньги на теплую одежду, и украл пару хороших сапог, плед и штаны на меху. Удирать пришлось быстро, к тому же, Эфриэл едва не свихнулся от стенаний Бранвен по поводу того, что яркое пламя наказывает воров. Но теперь отчаянная путешественница была хотя бы одета сообразно времени года.

Ночевали они, где придется — в стоге сена, в хлеву или при церкви, если священник попадался добрый. Эфриэл уже забыл, когда крепко спал — большую часть ночи он караулил, как бы никто не покусился на его бесценное сокровище, которое и в обносках не утратило свежести и прелести. По-крайней мере, в глазах бродяг и вилланов.

После ночевки в очередном хлеву, Эфриэл не выдержал. Бранвен весь день кашляла, и он встревожился не на шутку.

— Хватит, — сказал он, когда они добрались до очередной деревушки. — Иди вон в тот

дом и просись на ночлег. Еще одна такая ночь — и ты сляжешь.

— Но как же я буду проситься, если у нас только два медяка! Чем мы заплатим?

— Ничем. Скажи, что ты великая провидица и предскажешь им судьбу. Это сработает, вот увидишь.

Бранвен посмотрела на него с сомнением, но в указанный дом постучала. Залаляли собаки, и на пороге возникла дородная женщина в полотняной юбке, подвернутой кульком, открывавшей мощные ноги в мужских штанах.

— Чего тебе, нищенка? — рявкнула она. — Убирайся или собак натравлю!

Между ее ног тут же просунулась черная лохматая собачья голова и оскалила зубы.

— Еслипустишь меня переночевать, я предскажу тебе судьбу, добрая женщина, — сказала Бранвен с достоинством. — Я — знаменитая провидица, иду в Тансталлу, хочу предстать перед королем.

— Много вас тут бродит, знаменитых! — но было видно, что женщина заинтересовалась. — Как докажешь, что ты провидица?

— Скажи, пусть положит в шкатулку любой предмет, а ты угадаешь, что там, — сказал Эфриэл.

— Но откуда я узнаю, что она туда положит? — зашептала Бранвен, тараща глаза.

Сид щелкнул ей по лбу:

— Я тебе скажу, маленькая неумная гусыня.

— А-а-а, — Бранвен поняла его замысел и улыбнулась, потирая ладони.

Провидице разрешили зайти и постоять у порога, пока хозяйка дома послала за шкатулкой и секретом. К порогу подтянулись многочисленные домочадцы — и муж, который явно побаивался громогласной жены, и пятеро великовозрастных сыновей, и три девицы, похожие на мамашу, как три боба на четвертый. Сид тут же запустил руку внутрь кособокой коробки, украшенной поддельными кораллами, и объявил:

— Кожанный кисет с табаком.

— Там лежит кожаный мешочек, а в него насыпан табак, — глубокомысленно заявила Бранвен, глядя в потолок.

Домочадцы дружно ахнули, а у хозяйки так разинулся рот, что в него мог бы залететь не только воробей, но и средняя, хорошо упитанная ворона.

— Садись к огню, провидица, — пригласила хозяйка, торопливо постилая на лавку плетеный коврик. Бранвен важно уселась, вытянув усталые ноги к огню. Ей принесли миску с тушеными бобами, и она наелась до отвала, не забыв оставить немного и для Эфриэла. Тепло разливалось по каждой жилке, и после сытного ужина неудержимо клонило в сон, но хозяева хотели предсказаний.

Бранвен ни за что не справилась бы без сиды. Он сказал, чтобы она попросила горсть бобов и гороха, перемешала их и делала вид, что гадает по бобам. Девушке оставалось только повторять за ним «пророчества» и «предсказания» — увеличение налогов, дружную весну, скорую свадьбу (одна из девиц разругалась и убежала счастливая), богатый приплод и прочее, и прочее. Кроме того, она безошибочно угадывала предметы, которые прятали в шкатулку, и ни разу не ошиблась, угадывая, у кого была спрятана медная монетка.

Хозяева остались довольны, а гости — довольны вдвойне.

Постилая постель возле прогоревшего очага, хозяйка спросила:

— Если ты такая умелая, то почему не наколдуешь себе кусок хлеба?

— Скажи: тайные знания чаще приносят неприятности, чем хлеб, — сразу же отозвался

Эфриэл.

Бранвен повторила, и хозяйка понимающе кивнула.

Назавтра началась метель, и Бранвен предложили переждать непогоду. День и вечер прошел так же приятно, как накануне, с той лишь разницей, что в гости к хозяйке Мюлтрют заявила половина деревни. Вилланы несли съестные припасы, а двое даже ссудили по медной денежке, взамен предсказаний.

— Предсказывай вилланам повышение налогов, приплод и свадьбы — и не ошибешься, — разглагольствовал Эфриэл, легко выдавая пророчества. — Благородным девицам нужно врать о любви, как в рыцарских романах, скупердьям — об увеличении состояния, молодым женщинам — о рождении ребенка. Все очень легко, надо только быть немножко сообразительным.

Бранвен не считала вранье такой уж невинной забавой, но благодаря этому у них появилась крыша над головой и провиант в дорогу.

Последней заявила одноглазая старуха, перед которой деревенские услужливо расступились и усадили бабуку на почетное место.

— Кто тут отбирает у меня хлеб? — спросила беззлобно старуха, улыбаясь морщинистым ртом. — Это ты, девушка, показываешь чудеса и выдаешь предсказания? Не слишком ли ты молода, чтобы знать будущее?

— Скажи, что мудрость не зависит от возраста, — подсказал сид.

Старуху ответ позабавил.

— Нечасто старой Гунтеке удастся встретить такое чудо, — сказала она, посмеиваясь. — Я местная травозная, лечу этих людишек уже лет тридцать, если не больше.

— Мне сорок, уважаемая, и когда я родился, ты принимала роды у моей уважаемой матушки, — сказал староста.

— Может и столько, я стара уже, все забываю. Скоро помирать, да я забыла, что есть на свете смерть, — пошутила Гунтека.

— Ну что вы, бабушка, — хозяйка Мюлтрют отрезала половину каравая, завернув его в чистое полотно. — Вы у нас такая одна на сотню лиг вокруг. Кто же будет лечить, если уйдете?

— Не от меня это зависит, не от меня, — старуха забрала хлеб и поманила Бранвен. — Ты устала в пути, девушка. Не стоит обременять Мюлтрют. Пойдем ко мне, я живу одна и буду рада такой молодой соседке. Чем накормить тебя найдется, да и спать будешь не на полу, а на кровати.

Бранвен, испугавшаяся, что станет кому-то в тягость, согласилась переночевать у травознай Гунтеки.

— По мне, так лучше бы ты осталась здесь... — начал Эфриэл, но сразу понял, что понапрасну толчет пестом воздух.

Травозная проводила Бранвен на окраину, к дому, спрятанному за огромным вязом.

— Завтра метель кончится, — говорила старуха, помогая девушке раздеться и стряхнуть снег. — Конечно, дороги замело, но до столицы путь быстро проторят, пойдешь, как по зеркалу. Садись сюда, деточка, — она пододвинула к очагу складной стульчик и застелила его пледом. — Тут тебе будет тепло и уютно.

— Благодарю, бабушка.

— Ты наверняка голодна? Мюлтрет — известная скупердьяка, лишней корки не даст. Я потому тебя и увела. Сейчас будет готова похлебка, она у меня сегодня богатая — с просом и

солониной. А пока согрею сидр, чтобы тебе было повеселее ждать обеда.

Она достала бутыль, оплетенную ремешком, вынула пробку, подняла бутыль над головой и ловко направила струю в кружку, которую держала на уровне пояса. Запахло летом и яблоками, и на душе стало светлее. Напиток зашипел и поднялся пышной белой шапкой, готовясь сбежать.

Бранвен с радостью приняла из рук старухи кружку со сладким пенящимся напитком, куда предварительно была опущена горячая кочерга.

— Вкусно? — ласково спросила Гунтека, ставя рядом с Бранвен столик, на котором дымились миска густой похлебки.

— Очень! — восхитилась Бранвен, допивая последний глоток.

— Могла бы и поделиться, — заметил Эфриэл, которому только и оставалось ждать, когда старуха отвернется, чтобы схватить кусок лепешки.

Бранвен что-то промышчала, подбирая ложкой похлебку. Верно говорят, что голодному и черствый хлеб — сладок. Вот и сейчас благородная графиня Аллемада, которая вкушала без особого восторга нежнейших перепелок и южные фрукты, уплетала просяную похлебку за обе щеки и готова была поклясться, что ничего вкуснее она никогда не ела.

— Матушка, ты мастерица разливать напитки, — похвалила старуху Бранвен. — И благородные дамы не могли бы похвастаться такой сноровкой.

— Я же не всегда жила в этой лачуге, моя красавица, — сказала старуха, доставая гребень и распуская косу Бранвен. — Было время, когда меня звали Гунтекой Белогрудой, и не всякий король мог меня обнять, что уж говорить о князьях. Это сейчас я обмелела, как море в отлив, и пожелтела, как сухой лист. А когда-то была высока, бела и румяна, и носила наряды до самой земли, так что и туфель не было видно. Я смеялась звонко и любила обнимать отважных и сильных, и вкушала только на королевских пирах. Сейчас мужчины стали скупы и болтливы, как столетние старухи, а в мое время все было иначе — влюбленные были щедры и совершали безумные поступки во имя любви... У тебя есть возлюбленный, красавица моя?

— Н-нет, — пролепетала Бранвен, смущенная подобными откровениями. В ее кругу считалось дурным тоном так открывать душу даже перед близкими родственниками.

— Тогда ты зря тратишь время, — хихикнула старуха. — Пока молода, торопись познать страсть молодого и сильного возлюбленного. Иначе будет слишком поздно, и останется только оплакивать загубленную молодость. Взгляни на мои руки, — она сунула Бранвен под нос костлявые конечности, кривые и узловатые, как сучья сухого дерева. — Отвратительное зрелище? А когда-то они умели жарко ласкать героев, и правили четверкой коней, заставляя колесницу проехать по краю обрыва, чтобы два колеса повисали над пропастью. Когда-то я выходила нагая, чтобы пробежать под первым снегом. И мне не было холодно, потому что молодая кровь горячая, она быстро бежит по жилам. А теперь мне зябко и в теплой одежде, как гнилому желудю в морозной земле. Бывало, я пила перебродивший с травами мед, сидя по правую руку от короля, а теперь меня угощают разве что пахтой. Да и кто угощает? Такие же старухи, бородавчатые, согбенные и жалкие.

— Растащило старуху, — грубо сказал Эфриэл. — Не иначе, ты ей безумно понравилась, раз она решила рассказать тебе историю своей жизни.

— Мне очень жаль, матушка, — сказала Бранвен, запинаясь. Ей одинаково неловко было от излишней Гунтеки и от насмешек сида над старухой. Было жалко и стыдно, словно она провинилась перед знахаркой молодостью и красотой. — Ты тоскуешь по прежним

временам и слова твои полны горечи... Но время неумолимо, и одинаково старит всех. Нет такого человека, который избежал бы его силы. Ты можешь утешаться, что жизнь твоя была полна веселья и счастья, пока ты была молода. Многие под старость не могут похвалиться и этим...

— Еще всплакни вместе с ней в обнимку, — подсказал Эфриэл. — Когда уже эта ведьма уберется, чтобы я мог поесть?

— Ты такая добрая и умная, моя красавица, — приговаривала Гунтека, расчесывая Бранвен волосы. Скрюченные пальцы заботливо скользили по пушистым прядям, распутывая и укладывая волосок к волоску. — Сразу понятно, что у тебя доброе сердце. Только мудра ты не по годам. Личико детское, а рассуждаешь, как умудренная годами женщина.

— Ах, матушка, вовсе не детские сказки я слышала в последнее время, — вздохнула Бранвен. — Они-то и прибавили мне горечи и мудрости. Но клянусь ярким пламенем, я бы прекрасно прожила и без историй для взрослых...

Сидр согрел ее озябшее тело, растекся горячей волной до кончиков пальцев. Бранвен благостно откинулась на спинку стула, позволив старухе ухаживать за ней.

Огонь прогорел, и старуха затеплила свечу. По стене заметались причудливые тени — это Гунтека взмахивала гребнем, причесывая Бранвен.

— Ай, красота! Вот так красота! — приговаривала Гунтека, оглаживая Бранвен по затылку и макушке. — И мягкие, и блестят, как шелк! Чудо, а не волосы!

— Уймется она когда-нибудь? — негодовал Эфриэл. — Скажи, что хочешь спать. Пусть убирается, я голоден, как бык, покрывший стадо телушек.

— Ты весьма невежлив, — шепнула Бранвен одними губами. Ею овладела непонятная истома, и даже спорить не хотелось.

— Наклони-ка голову, деточка, — ворковала над ней старая Гунтека. — Вот тут волосы совсем запутались, надо расчесать.

Бранвен послушно наклонила голову, и вдруг плотный кожаный ремень захлестнул ее шею, щелкнул хитрый замочек, и девушка оказалась прикованной к потолочному столбу. Тонкая цепочка звякнула, когда Бранвен попыталась вскочить, но ноги отказались повиноваться, и она чуть не упала. Старуха подхватила ее под мышки и усадила обратно в креслице, хихикая все громче.

— Что происходит? — резко спросил Эфриэл, которому не было видно, что там творит старуха в темноте.

Продолжая хихикать, Гунтека проворно проковыляла к двери.

— Твоему дружку придется поторопиться, красавица, если он захочет тебя спасти.

— Дружку? Не понимаю, о чем ты говоришь, — испугалась Бранвен, безуспешно пытаясь встать.

— Она меня видит, — процедил Эфриэл сквозь зубы. — Что ты наделала, безумная старуха?!

— Конечно, я тебя вижу, и даже знаю, кто ты, — Гунтека смеялась все громче, довольно потирая сухие ладошки. — Недаром у меня только один глаз! Живым глазом я вижу этот мир, а мертвым — тот. У людей короткая память, но я помню многое, очень многое. Ты должен принести мне из садов великих сидов три золотых яблока, дарующих молодость, и тогда я дам противоядие, а без него нежная красавица умрет, едва завтрашнее солнце взойдет на полдень.

— Какие яблоки, ведьма?! — Эфриэл подскочил к креслу, хватая Бранвен за руку и

выслушивая живчик. — Ты разве не знаешь, что все это — сказки! Яблоки в наших садах выкованы из золота! Их невозможно съесть!

— Не заговаривай мне зубы, — отрезала старуха. — Завтра я приду, и яблоки должны вернуть мне молодость. Иначе можешь попрощаться со своей милашкой. А будет жаль, если она умрет раньше времени. Такая, молодая, красивая и добрая. Ай, как жаль! Очень жаль! — причитая на разные лады, знахарка вышла из лачуги.

Снаружи лязгнул замок, и стало тихо. Эфриэл без особой надежды подошел проверить дверь, но она была заперта. Вернувшись к Бранвен, он взял ее на руки и перенес на ветхое ложе, а сам сел рядом, держа ее руку в своих руках.

— Что же теперь будет? — Бранвен заплакала. Слезы текли из глаз по вискам, и Эфриэл осторожно их вытер.

Он не ответил, боясь ложно ее обнадежить. А мыслями лихорадочно искал пути спасения. Удастся ли умолить старуху отдать им противоядие? Кто знает, вдруг сердце старухи тверже камня и не знает жалости. Или лучше попытаться выбраться из лачуги, взвалить Бранвен на плечи и отправиться на поиски лекаря, который сможет помочь? Но где искать лекаря, если в деревне говорили, что на сотни миль вокруг пользуется больных одна Гунтека.

— Это я виновата, — прошептала Бранвен, уже мучаясь дурнотой. — О, если бы я не оказалась такой глупой недотрогой... Ты давно очутился бы дома... А теперь...

Эфриэл мрачно молчал, поглаживая ее влажный лоб.

— Я решила... — она затеребила непослушной рукой застежки пояса. — Тебе надо вернуться домой, пока... пока я еще могу тебя туда вернуть. Страшно подумать, что тебя ожидает, когда я умру.

— Совсем обезумела, — сказал Эфриэл бесцветным голосом.

— Нет-нет, — она положила его ладонь себе на грудь. — Я в здравом уме... я решилась...

— Как ты можешь говорить об этом, когда твоя жизнь висит на волоске? — не выдержал Эфриэл. — Я думаю, как спасти тебя, а ты только и твердишь, что о моем возвращении!

— Меня спасти вряд ли удастся, а ты не должен становиться узником чужого мира...

«Я уже — узник. И похоже, это надолго», — подумал Эфриэл, но вслух сказал:

— Что бы ни случилось, я не покину тебя сейчас. Поэтому прекрати болтать глупости и дай мне подумать.

Она послушно притихла и даже уснула. А может, просто закрыла глаза, сберегая жизненные силы. Эфриэл тер лоб, пытаясь найти выход, но ничего толкового не шло на ум, и это приводило в отчаянье.

После полуночи ей стало хуже. Ее рвало желчью, и черты лица заострились, как у маски. Эфриэл нашел чистую ветошку, намочил и вытер девушке лицо и руки.

— Почему ты такая упрямая, — ругался он. — Почему тебе не жилось с мужем? Зачем я уступил тебе и не приволок обратно в замок, когда ты задумала бежать?

— Я не смогла бы жить с этим развращенным человеком, — сказала Бранвен. — Я бы умерла. Пусть лучше я умру в твоих объятиях...

— Да кто просил тебя умирать?! — вскричал Эфриэл. — Никто еще не умирал от богатой жизни!

Но она покачала головой:

— Все во мне умирало рядом с ним. Лучше пусть погибнет тело, чем душа. И еще... я хочу быть с тобой, прости уж меня за такое желание.

— Со мной? — Эфриэл пристально посмотрел на нее, определяя, не были ли последние слова горячечным бредом. — Ты упрекала в развращенности и меня. Чем я лучше твоего мужа?

— Да, ты доставил мне много неприятных часов, — ответила Бранвен, слабо улыбаясь. — Но ты вел себя, как мальчишка. Ты просто играл, стараясь досадить мне. А этот мужчина... он пронизан распутством до мозга костей, он отравляет все, к чему прикасается. В твоей наготе больше чистоты, чем в его лице. Есть разница между дикарем с благородным сердцем и варваром в кружевных манжетах. Позволь отправить тебя в твой мир. Это меньшее, что я могу для тебя сделать.

— Глупая гусыня! Почему ты всегда думаешь о других, а не о себе?

— Так ведь в мыслях о других и состоит наше счастье. Как же получилось... что ты прожил на земле так много... а понял — так мало? — прошептала она, ласково глядя его по щеке, и вдруг притянула к себе за шею, и зашептала в самое ухо, опалая горячим лихорадочным дыханием: — Я сейчас умру... за мной пришел вестник смерти... он сидит вон там и смотрит на нас...

Эфриэл медленно обернулся, чувствуя, что волосы на голове становятся дыбом.

В складном креслице сидел мужчина средних лет. Седой, белобородый, но с черными, будто намазанными сажей, бровями. Он задумчиво глядел на распростертую перед ним пару, уперев подбородок в кисть правой руки, блестящую металлом.

— Это не вестник смерти, — сказал Эфриэл. — Но его я ожидал увидеть здесь меньше всего. Этой мой отец.

Бранвен осмелилась выглянуть из-за плеча сиду, чтобы посмотреть на еще одного представителя древнего народа. Не считая серебряной руки, он ничем не отличался от обычного человека, разве что был выше большинства мужчин и шире в плечах. Он походил на огромного медведя, или на грозную тучу, которая еще не мечет молнии, а только копит грозную силу.

— По-моему, тебе нужна помощь, сын, — сказал пришлый.

— По-моему, ты мог бы вспомнить обо мне раньше, — дерзко ответил Эфриэл. — Но ты прав, мне нужна помощь, и я не стану изображать гордеца, отказываясь от нее. Мне нужна Айрмед с ее травами, нужно противоядие.

— Вот как, — серебрукий смотрел на Эфриэла очень внимательно. — Я думал, ты ждешь другой помощи. Слишком давно тебя не было в Финнеасе. Не решил ли ты променять отцовский дом на мир смертных? У тебя, вроде бы, уже щетина пробивается?

Эфриэл коснулся подбородка.

— Время в этом мире бежит быстрее, чем в нашем. Будь осторожен, сын. Еще год — и ты вернешься к нам с бородой. Но ты говоришь о противоядии, а я не вижу, чтобы ты страдал от отравления.

— Не я. Речь идет об этой женщине, — Эфриэл перевел взгляд на Бранвен и убрал волосы с ее лица. Она закрыла глаза и тяжело дышала. — Эта женщина пострадала из-за меня.

Он коротко рассказал о том, что произошло, но на короля сидов рассказ не произвел впечатления.

— Ты зря с ней связался, — сказал он. — Все люди смертны, она тоже умрет, рано или

поздно. Хотя ты прав, сейчас ей надо помочь. Если она погибнет, ты так и застрянешь здесь, неприкаянным голым призраком.

Эфриэл наклонил голову, чтобы отец не заметил его гнева. Нуада умел дать понять сыну, что считает его полным недоумком, неспособным ничего решить в своей жизни.

— Как получилось, что ты до сих пор не вернулся? — спросил Нуада и добавил с усмешкой: — Растратил свои таланты? Прежде ты бывал куда как ловок с женщинами.

— Приведи Айрмед, — сказал Эфриэл. — А изощряться в остроумии будешь потом.

— Сначала я хочу поговорить с этой женщиной, — заявил король сидов. — Она в сознании?

Бранвен тут же открыла глаза.

— Я слышу, милорд, — сказала она просто. — Мы не были представлены. О вас мне известно, вы — король Нуада Среброрукий. Мое имя — Бранвен Аллемада, урожденная Роренброк. Но сомневаюсь, что это вам о чем-то говорит. Если вы сможете... а Эфриэл рассказывал, что вы — могущественный... волшебник, — она хотела сказать «колдун», но побоялась обидеть короля, — сделайте так, чтобы он вернулся в ваш мир. Это успокоит мое сердце перед смертью.

— Не говори слишком много, береги силы, — сказал Эфриэл, склоняясь над ней тревожно. — Я не покину тебя, пока не появится Айрмед. Она лучшая целительница во всех трех мирах, она распознает яд и найдет лекарство.

Бранвен благодарно улыбнулась ему, хотя улыбка получилась неуверенной.

Нуада наблюдал за ними, что-то решая про себя.

— Бранвен Аллемада, — сказал он, — я приведу нашу целительницу, и она излечит тебя. Но взамен ты должна пообещать, что когда излечишься — не станешь удерживать моего сына в этом мире. Когда тело твое поправится,пусти князя. И сожги книгу. Если не будет заклинания, то моему сыну не придется носиться туда-сюда между мирами, на потеху смертным женщинам.

— Припомни, благодаря кому я ступил на этот путь, — хмыкнул Эфриэл.

— Дело в том, — продолжал Нуада, — что по нашим законам ущербный правитель не может принести счастья своему народу. И хотя серебряная рука дает мне право оставаться на троне, чтобы не вызывать недовольства я хочу передать власть преемнику. Эфриэл вполне может стать следующим правителем Финнеаса.

— У тебя есть три законных сына, вот их и сажай на трон после себя, — ответил Эфриэл, не дав Бранвен и рта раскрыть. — Хватит пустых разговоров! Веди Айрмед, как обещал!

— Я говорю не с тобой, — осадил его отец. — Что скажешь, Бранвен Аллемада?

— Конечно, милорд, — ответила Бранвен, — я сделаю все, как вы говорите. И не потому, что у меня нет выбора перед смертью. Я собиралась отпустить вашего сына и сжечь книгу, но слишком промедлила, за что и была наказана.

И она даже умудрилась покраснеть, несмотря на то, что до этого лежала бледная, как призрак.

— Она обещала! Скорее же! — взмолился Эфриэл.

Нуада коротко кивнул, по-прежнему не сводя с Бранвен глаз, и она вдруг заговорила:

— Подождите, милорд! У меня тоже есть к вам просьба. Прошу вас, принесите яблоки для бедной Гунтеки. Все это было сделано ради плодов из вашего волшебного сада... Пусть она убедится, что яблоки, возвращающие молодость — всего лишь красивая легенда...

Эфриэл едва сдержался, чтобы не встряхнуть ее, приводя в чувство:

— Что за глупости? После того, как старуха поступила с тобой, хочешь наградить ее золотым яблоком?

— Кто знает, что она сделает от отчаяния, если не получит желаемого? — ответила Бранвен. — На какие еще преступления отважится эта несчастная и кого погубит ради бесплодной мечты? Милорд, принесите яблоки. Вам это ничего не стоит, а ее душа спасется.

Нуада еще раз кивнул, что-то уясняя про себя. Потом встал — и словно его и не было, только брызнули в разные стороны золотистые искр.

Они ждали долго, и Эфриэл нашептывал Бранвен ласковые и ободряющие слова. Когда она впала в беспамятство, он не умолкал, потому что верил, что она слышит его, даже если блуждает душой по нездешним берегам.

— Все будет хорошо, — повторял он. — Вспомни, у нас были времена и пострашнее.

— Все будет хорошо, — произнес вдруг женский голос, и теплая мягкая рука легла на его плечо.

— Айрмед! — Эфриэл нервно рассмеялся. — Ты пришла! Не поверишь, как я счастлие тебя видеть!

— Поверю. А теперь отойди и дай мне посмотреть на эту смертную деву.

В своих снах Бранвен уже подошла к черной реке, чей второй берег был скрыт туманом. Безропотно и покорно она стояла у самой кромки воды, всматриваясь в сумрак. И вот из тумана выплыла лодка, и лодочник в плаще с капюшоном, скрывающим лицо, взмахнул веслом. «Он явился за мной», — подумала Бранвен, и тело от сердца до пяток охватил смертельный холод. Лодка приближалась, и не было слышно ни всплеска, ни шороха, но вдруг чей-то голос позвал девушку по имени, и видение реки и лодочника разорвалось, словно гнилая ткань.

Разлепив веки, Бранвен увидела, что вместо Эфриэла у ее ложа сидит необыкновенной красоты женщина с глазами, сияющими, как февральские звезды, и волосами такими золотистыми, что они светились в полумраке. Она-то и звала ее чарующим голосом, подобным звучанию арфы.

— Кто ты? — спросила Бранвен.

— Травница Айрмед, женщина из сидов, — с улыбкой ответила красавица, пощупала Бранвен лоб и оттянула девушке веки, разглядывая белки глаз.

Потом женщина из сидов приказала Бранвен открыть рот и осмотрела ее язык, а потом и ногти.

— Она хитра, твоя старуха-знахарка, — сказала Айрмед с усмешкой, похожей на усмешку Эфриэла. Только существа, наделенные нечеловеческим умом и огромными знаниями, могут так усмехаться — чуть презрительно и немного отстраненно. — Но я хитрее. Мне надо ненадолго вернуться. Не бойся, все будет хорошо, я знаю, как тебя вылечить, — сказала она Бранвен, погладив ее по голове, поднялась, а ее место немедленно занял Эфриэл.

— Ты слышала? — заговорил он, сжимая холодные руки девушки. — Она знает, как тебя спасти. Ничего не бойся и главное — не спи.

— Это она? — зашептала Бранвен.

— Она — кто?

— Твоя прекрасная возлюбленная, о которой ты мне рассказывал? Которая нежна и добра.

— Айрмед? — Эфриэл даже засмеялся. — Боги! Это — ревность, не иначе!

Бранвен замолчала, прикрыв глаза. Разве она могла признаться, что появление великолепной соперницы разом уничтожило все ее надежды. Как наивна она была, думая, что пережитые опасности сблизили ее с пришельцем из иномирья. Ей казалось, что он относится к ней как-то особенно, спасая всякий раз, когда она по собственной глупости попадала в беду. Но женщина с золотыми волосами одним своим видом дала понять, что надежды быть не может.

Травница-сиды скоро вернулась и в руках у нее был деревянный сундучок с медными уголками. Эфриэл бросился к ней:

— Ты ведь правда знаешь, как ее спасти?

— Конечно, знаю. Сядь рядом и не суетись. Мне нужны пряди ваших волос.

Она достала из ящичка серебряный ножик и срезала по локону с головы Бранвен и Эфриэла. Потом соединила ладони, сжав между ними срезанные волосы, и что-то пошептала. Когда она раскрыла руки, на ладонях ее лежали две серебряные ложечки, длиной в пядь каждая. Ручки ложек были сделаны в виде обнаженных человеческих фигурок — мужской и женской, каждая поднимала руки над головой и держала вогнутый диск-чашечку.

Потом травница насыпала в чашку белого порошка из шелкового мешочка, разбавила водой, размешала и пошептала.

— Возьмите по ложке и отведайте из снадобье из этой чашки, — велела Айрмед, подавая Бранвен ложку с фигуркой женщины, а Эфриэлу — с фигуркой мужчины.

Они послушно зачерпнули по ложке белой каши и проглотили. Бранвен сразу же скрутило в приступе рвоты. Эфриэл схватил мокрое полотенце и принялся вытирать ей лицо. Бранвен отдышалась, и Айрмед продолжала:

— А теперь обменяйтесь ложками.

Когда молодые люди выполнили и это приказание, ложка с фигуркой мужчины, оказавшаяся у Бранвен, осталась светлой, а ложка с фигуркой женщины, которую взял Эфриэл, потемнела. Светлым остался лишь самый краешек чашечки.

— Что это значит? — спросил Эфриэл.

— Яд отравил почти все ее тело, — сказала целительница. — Скорее, зачерпни из тарелки снова и окропи снадобье своей кровью, — она подала Эфриэлу ножик. — Но будь осторожен! Ты уже не так неуязвим, как в Тир-нан-Бео. Не поранься слишком сильно.

Эфриэл ничего не говоря полоснул себя лезвием повыше локтя. Открылась широкая рана и хлынула кровь. Он щедро окропил снадобье в ложке, и вопросительно посмотрел на Айрмед.

— Дай ей съесть.

Сид поднес к губам Бранвен волшебное лекарство и увидел страх в ее глазах.

— Доверься, — сказал он, — Айрмед знает, что делает.

Она приоткрыла губы, и он осторожно вложил ей в рот ложечку, подхватив полотенце, если снова начнется приступ рвоты.

— Теперь остается только ждать, — сказала Айрмед, ободряюще кивая Бранвен.

Вскоре Бранвен задремала. Чтобы не беспокоить ее, сиды отошли в сторону и устроились на камнях возле камина.

— Как странно, что ты прикипел к ней. Она наивна до глупости, — сказала Айрмед.

Эфриэл поморщился, сравнение ему не понравилось.

— Я бы назвал это святой простотой, — сдержанно сказал он.

— Святая простота?! — Айрмед рассмеялась. — С каких это пор ты уверовал в святость? Неужели жизнь среди людей может так изменить? Похоже, тебе здесь просто понравилось, поэтому и назад не торопишься.

— С чего ты решила? — ответил Эфриэл. — Я живу тут, как девственник на пустынном острове. Только и мечтаю, что вернусь домой и оприходую всех красоток в Финнеасе.

— Так ты стосковался не по семье, а по любви? Бедненький...

— Пять месяцев воздержания, — криво усмехнулся Эфриэл. — Можешь поверить, что я способен на такое?

— Это легко исправить, — Айрмед распустила вязки на рубашке и оголила высокую белую грудь. — Мы же с тобой друзья, должны помогать друг другу.

— Прикройся, — Эфриэл машинально отвернулся.

— С каких это пор ты стал стыдливым? — травница натянула на плечи рубашку и с утроенным любопытством посмотрела на спящую Бранвен. — Неужели, это ее заслуга? Ох уж эти смертные девы! Их чары опаснее, чем заклинания!

— Не смейся, — буркнул Эфриэл. — Мне вовсе не до шуток. Она, эта девушка — она другая, понимаешь? Она не похожа на нас, она не похожа на своих. Она добрая. Она верит людям даже после того, как столько раз была обманута, предана, унижена. И всегда думает о других, а не о себе. И еще она улыбается. Понимаешь ли ты, что это значит? Она прыгнула с обрыва, едва не погибнув, и тут же улыбнулась мне. Она делала вид, что ей совсем не страшно, когда ее чуть не изнасиловал бык на потеху публике. И даже теперь, чувствуя смерть, она улыбалась и утверждала, что хочет умереть в моих объятиях и желала только одного — чтобы я вернулся в Тир-нан-Бео. Такая слабая — и такая сильная. И с ней тепло. Тепло вот здесь, — он постучал кулаком себе по груди, слева. — С остальными тепло в другом месте, а с этой... Сначала рядом с ней я умирал от страсти, а теперь чувствую, что умираю от нежности. И это такая сладкая смерть. Если этой девушки не станет, я буду тосковать вечно.

Айрмед слушала его откровения с грустной, понимающей улыбкой.

— А я и не смеюсь над тобой, глупый малыш, — сказала она, когда Эфриэл замолчал. — Да, малыш! Не забывай, что я старше тебя лет на семьсот, если не больше. Древние говорили, что мужчина помнит только трех женщин — первую, последнюю и единственную. Не знаю, кто был твоей первой женщиной, не знаю, кто будет последней. Но вот эта... Кажется, она как раз твоя единственная. Смотри, единственных дважды не встречают.

Бранвен проснулась, и Эфриэл тут же подбежал к ней, и склонился, всматриваясь в лицо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, волнуясь.

— Лучше, — с удивлением ответила она.

— Посмотри на ложку, — сказала Айрмед.

— Она посветлела! — воскликнул Эфриэл, поднося ложку к пламени костра.

Фигурка женщины и вправду посветлела больше, чем наполовину, и чернота продолжала уменьшаться на глазах. Вскоре темной остались лишь голени, потом пятки, а потом и вся ложка засияла чистым серебряным светом.

— Хвала богам! — объявила Айрмед и присвистнула тихонько, складывая в сундучок ложки, чашки и остатки снадобья.

Тут же появился Нуада и склонил седую голову к плечу, разглядывая спасенную

— Надо перенести их отсюда, — сказала травница. — Старуха может устроить еще что-нибудь, у нее сильные яды и много злобы, как я погляжу.

— Так и сделаем, — Нуада прикоснулся к ошейнику, удерживающему Бранвен, замочек щелкнул и открылся.

Эфриэл немедленно поднял девушку на руки, а Айрмед помогла завернуть ее в плед. Еще одно касание — и замок с двери свалился, жалко звякнув. Эфриэл пинком распахнул дверь, и в лицо им ударил ветер пополам с колючим снегом. Нуада ткнул пальцем в сторону елей, и ветер утих, а деревья гостеприимно приподняли лапы, словно пропуская путешественников в чащу. Сиды долго шли по снегу, и их глубокие следы сразу же затягивало снегом. Наконец Айрмед остановилась, указав на тихую лощину, где можно было укрыться. За несколько минут был разведен костер, который горел без дров, а под елью, на куче слежавшейся хвои, устроена постель для Бранвен.

— Теперь условие выполнено. Девушка здорова и в безопасности, — молвила Айрмед. — Не забудь же о своем обещании, Бранвен из Роренброка.

— Ни за что не забуду! — сказала Бранвен, чувствуя, как смертельный холод отпускает ее. — Я выполню обещание, чего бы мне это ни стоило. Но скажи, оставили ли бедной Гунтеке золотые яблоки?

— Ты чудом осталась жива, и первым делом вспомнила об этой отвратительной старухе! — заворчал Эфриэл.

Бранвен взяла его за руку, призывая не сердиться.

— Пусть они не вернут ей молодость, но скрасят старость, — сказала она мягко. — Кто знает, может, эти яблоки спасут еще чью-нибудь жизнь. Получив желаемое, она не станет губить людей, заставляя их отправиться в ваш волшебный край.

— Яблоки попадут к старухе, добрая дева. Вижу, теперь вы поладите и без нас. Тогда мы исчезаем.

Золотые искры брызнули в разные стороны, и на том месте, где только что стояла женщина с золотыми волосами и седовласый мужчина остался нетронутый снег.

Эфриэл несколько секунд смотрел на сполохи, осветившие лесную опушку, а потом перевел взгляд на лежащую девушку.

— Эй! Почему плачешь? — спросил он с непривычной нежностью. — Все позади. Теперь тебе ничего не угрожает.

— Я не успела поблагодарить их, — сказала Бранвен.

А где-то за дубравой, к маленькой лачуге подошла, ковыляя, сморщенная седая женщина. Обнаружив, что дверь клетки распахнута и птички улетели, она вскрикнула от досады и злобы, вбежала в хижину, увидела на столе три заветных яблока и вскрикнула уже от радости. Мелкими шажками, потирая сухонькие ладошки, она приблизилась к столу, на котором лежало ее заветное сокровище, взяла в руку один из плодов, замерла — и вдруг заплакала, уронив яблоко из волшебной страны на пол. Старуха плакала, закрывая лицо руками, и что-то бормотала сквозь слезы, словно просила у кого-то невидимого прощения.

Они не рискнули оставаться в опасной близости от дома травознаи. Бранвен была еще слишком слаба, чтобы идти, и Эфриэл взвалил ее на закорки, а мешок с пожитками повесил на шею. Скупое зимнее солнышко пригревало путешественников, и с каждой лигой Бранвен чувствовала себя все лучше и лучше. Она болтала без конца, вольготно расположившись на спине у сиды, обхватив его руками и прижавшись щекой к щеке. Задавала вопросы — и сама

же на них отвечала, смеялась над собственными шутками или обращала внимание Эфриэла на дивные пейзажи.

На первом же привале, когда Эфриэл развел костер, Бранвен вытащила из сумки заветную книгу и вооружилась ножом.

— Подумай еще раз, — посоветовал Эфриэл. — В этой книге — огромная сила. Вы, люди, собирали эти знания по крупицам в течение столетий.

— Я обещала твоему отцу сжечь книгу, и я это сделаю.

— Упрямица, — вздохнул Эфриэл.

— Что такое колдовство? — рассуждала Бранвен, кромсая книгу на кусочки и бросая их в огонь. — Колдовство — это покорность чужой воле. Если я решила стать свободной, то почему должна отказаться в этом другим? Ты тоже получишь свободу — и это уже награда для меня.

Попадая в огонь, клочки книги начинали шипеть и извиваться, как живые. Бранвен не могла видеть своим простым, человеческим зрением, но Эфриэл заметил, как вокруг них начинают кружиться тени с уродливыми и изменчивыми личинами. На всякий случай, он придвинулся ближе к Бранвен. Она посмотрела на него и вдруг прижалась к нему, припав всем телом. И тени тут же отшатнулись и удрали в чащу, кувыркаясь и хлопая крыльями. Эфриэл даже услышал, как они злобно подвывали.

— Эй, малышка! — не утерпел и спросил он. — Ты разве нашла мощи святой Голейдухи?

— Нет, они остались на Хальконовой круче, — Бранвен с сожалением вздохнула. — Жаль, мне подарила их матушка Инегунда из монастыря святой Виды. Драгоценный подарок, которого я не сберегла.

— Неужели ты думаешь, что дело в мощах? — раздался голос над их головами.

Среброрукий Нуада стоял над ними и смотрел, прищурившись, в пламя, где догорали останки колдовской книги.

— Ты зачастил появляться без приглашения, — не удержался от колкости Эфриэл.

Бранвен незаметно ткнула его локтем под ребра.

— Пришел напомнить, что теперь смертной деве осталось только отправить тебя домой.

— Да, конечно, — залепетала Бранвен, — я как раз...

— Я не оставлю ее, пока она не доберется до родового замка.

— Здесь уже недалеко, я дойду и сама...

— Вернись, когда она будет в замке, — повторил Эфриэл.

— Это довольно долго, — Нуада подергал себя за бороду. — Что ж, если таков твой выбор — желаю вам поменьше приключений на пути.

— Не легче ли перебросить нас сразу на западное побережье?

— Это против правил.

— Сам-то ты постоянно шастаешь туда-сюда, — дерзко заметил Эфриэл.

Бранвен показалось, что Нуада с трудом удержался от смеха.

— Будь по-твоему, непочтительный сын, — сказал король сидов.

Эфриэл уже много раз испытывал подобное, а для Бранвен все было впервые. Ей показалось, что сердце сжалось до размеров горошины, а на голову надели металлический тесный обруч, но уже в следующее мгновение железная хватка отпустила ее, а прямо перед ней, за излучиной знакомой реки, появились башни Роренброка.

Первой, кого Бранвен увидела во дворе замка, была Тигриша. Бранвен хотела позвать сестру, но от радости дыхание пресеклось. Тигриша шла задумавшись и держала в руках пустую корзину. Заметив краем глаза фигуру в лохмотьях, она поморщилась и нелюбезно сказала:

— Мы сегодня не подаем, иди с миром.

— Тигриша... — Бранвен застыдилась собственного убогого вида. — Ты не узнаешь меня?

Сестра остановилась, глаза ее изумленно расширились, но она не стала ничего спрашивать, а схватила Бранвен за руку и быстро-быстро повлекла за собой в замок. Они прошмыгнули мимо кухни, поднялись к жилым комнатам и юркнули в комнату Тигриши.

Только тут, заперев изнутри дверь, Тигриша позволила себе обнять Бранвен и облобызать ее чумазое лицо.

— Хорошо, что ты не попала на глаза маме! Немедленно умойся и переоденься, а потом я скажу ей, что ты вернулась. Что произошло? Почему ты в таком виде, и где твой муж?

Вопросы посыпались, но Бранвен не спешила отвечать, наслаждаясь встречей, покоем и тем чувством, которое испытываешь, возвращаясь домой и убеждаясь, что здесь ничего не изменилось.

В комнате Тигриши, как и прежде, царил разгром — книги валялись вперемешку с чулками и нижним бельем, стол был захламлен скомканными листами папируса, пергаментными свитками и перьями, заточенными до самого опахала, постель не прибрана и на ней валялись три платья из числа отвергнутых при утренней примерке.

Умывшись, одевшись, как подобает благородной девице, съев два ломтя свежего хлеба и выпив кружку молока, за которыми услужливо сбегала на кухню сестра, Бранвен рассказала о том, что ей пришлось пережить за последние месяцы, опустив наиболее ужасные и постыдные моменты. Тигриша слушала ее, ахала, причитала и раздражалась проклятиями, а Эфриэл пристроился в кресле у окна, пережидая, пока сестры наговорятся. От нечего делать, он водил огрызком пера по пергаменту, валявшемуся на столе.

— Теперь ты расскажи. Как мама и Киарана? Как Найси? Уна и Делма? Как толстушка Мод? — начала расспросы Бранвен. — Когда я уезжала, Делма мечтала о свадьбе с сэром Вулфриком. Сбылись ли ее мечты?

— Дома ничего не изменилось. Матушка как обычно хандрит и важничает, бранит Киарану и балует Найси. Ты не поверишь, — Тигриша прыснула в кулак, — но сэр Вулфрик женился на Уне, а Делма осталась с носом. И это после того, как она всем растрезвонила, сколь многозначительно он смотрел на нее.

— Бедняжка, — посочувствовала Бранвен. — Ей сейчас нелегко.

— О да, — согласилась сестра. — Нрав у нее стал совсем змеиный — шипит на всех, только не жалит. Уна уже на сносях, а у Мод весной свадьба. Жених не особенно хорош собой, но богатый. Мод он нравится, она сама говорила.

— Я рада за нее. Она заслуживает хорошей судьбы. А что Айфа? Прислала ли она письмо для меня?

Бранвен сразу заметила, что Тигриша замерла, явно обдумывая ответ.

— Что-то случилось? Что с Айфой?

— Пока мы ничего не знаем, — ответила она, пряча глаза.

— Как это? Почему не знаете?!

И Бранвен услышала невероятную историю — замок мужа Айфы подвергся нападению и был разрушен. Погибло много людей, погиб и сам лорд, а его жену не нашли. Завалы замка разобраны не до конца, может статься, ее тело еще будет обнаружено.

Бранвен бессильно опустилась на кровать, сминая платья Тигриши.

— Не могу поверить, — промолвила она потрясенно. — Какое нападение? В центре Эстландии? Разве у нас объявлена с кем-то война?

— Там было не простое нападение, — сказала Тигриша. — Говорят, всему виной черное колдовство. Расследование засекречено, сам король занят этим. Матушка сильно сдала, а теперь еще ты огорчишь ее разводом.

— Не верю, что Айфа могла бы вот так погибнуть, — покачала головой Бранвен. — Надо надеяться, Тигриша. Наша Айфа — она как камешек, ее не расколешь и не разотрешь в пыль. Уверена, она спаслась и надо только подождать.

— Будем надеяться, во имя яркого пламени, — согласилась Тигриша.

Она подошла к столу, рассеянно передвинула листы, и вдруг покраснела, как рак, сминая один из них.

— Что там? — спросила Бранвен.

— Ничего, — ответила Тигриша.

— Она уничтожила мой самый лучший рисунок, — пожаловался Эфриэл. — Вы, девицы, ничего не понимаете в искусстве.

Встреча с леди Роренброк была отложена до вечера. В комнату к Тигрише несколько раз забегала Киарана — целовала вернувшуюся старшую сестру и плакала, узнав о несчастьях выпавши ей. Перед вечерней трапезой близняшки долго и осторожно готовили леди Дерборгиль к встрече с любимой дочерью. Когда Бранвен появилась пред материнские очи, леди Дерборгиль плакала не таясь.

— Иди, я обниму тебя покрепче, моя милая, — раскрыла она объятия, и Бранвен бросилась к матери, уткнувшись лицом в складки ее платья. — А теперь расскажи все по порядку. Тигриша трещит, как сорока, а Киарана, наоборот, бубнит, как отец Фурса на утренней службе. Ничего не понятно.

Она удалила близняшек, и Бранвен смогла излить душу, ничего не скрывая. Или почти ничего.

Свой рассказ она закончила просьбой подать королю прошение о признании брака недействительным.

— Ты хочешь этого? — мать гладила Бранвен по голове. — Герцог — кузен короля, не думаю, что Его Величество будет в восторге.

— Я уже все решила, мама.

— С другой стороны, — начала рассуждать леди Дерборгиль, — наш род не менее древний и славный, чем Аллемада. Стерпеть такое оскорбление? Нет, это невозможно. Да и он кузен Адельгерду всего лишь по материнской линии. Подумаешь, герцог! Наши предки тоже носили корону. Мы ничуть не хуже этих южных выскочек. Завтра я прикажу подготовить прошение и отправлю его в столицу.

— Благодарю, что вы все понимаете, — Бранвен поцеловала матери руку.

— Ах, если бы я еще знала, что с Айфой, — пожаловалась леди Дерборгиль. — Моим дочерям не везет в этот год. Надо пожертвовать храму воска и золота. Да, завтра же отправлю воск и золото.

После ванны и ужина Бранвен выпроводила служанок и привычно загасила свечи, кроме одной. Как будто она и не уезжала никуда из родного замка. Эфриэл следил за ней взглядом, но Бранвен делала вид, что не замечает его внимания.

Наконец, свечи были потушены, угли в камине давно прогорели, и бродить по комнате уже не было причин.

Бранвен села на постель и перебросила косу на грудь, заплетая и расплетая пряди.

— Я готова, — сказала она еле слышно.

— Ты хорошо подумала?

— Я же обещала.

— Мне плевать на твои обещания! — сказал он сквозь зубы. — Хочу вот о чем спросить. Мы с тобой столько пережили, и теперь ты так легко меня отпустишь?

— Я должна, — ответила Бранвен тихо.

— А я и забыл, что «должна» — любимое слово Бранвен из Роренброка, — криво усмехнулся Эфриэл.

В комнате повисло тягостное молчание. Эфриэл стоял у окна, Бранвен сидела на постели, и впервые за последнее время между ними разверзлась пропасть еще глубже, чем омуты под Хальконовой кручей, и еще шире, чем арена в Тавре.

— Почему ты медлишь? Мне казалось, ты только и мечтаешь, что вернуться в свой мир.

— А ты считаешь, что знаешь мои мечты? — спросил сид неожиданно зло.

Бранвен вскинула на него глаза, не понимая причины злости.

— Я хоть что-то для тебя значу? — спросил. Теперь в его голосе не было злобы, а одна только горечь. Он старался выглядеть невозмутимым, но отчаянно боялся того, что мог услышать сейчас от маленькой леди.

— К чему такие расспросы? Разве они что-то изменят?

— Разве нет?

— А что они могут изменить? — Бранвен вскочила, пылая праведным гневом. — Ты хочешь, чтобы я обняла твои колени и плакала, признаваясь в любви? Не выйдет! Для тебя, наверное, впервой, когда смертная дева не потеряла голову от очарования сида? Тебе мало того, что я согласилась на грех, обязанная позаботиться о тебе. Ты хочешь, чтобы этот грех был совершен во имя тебя. Хочешь растревожить мое сердце, а потом вернуться в свой мир и смеяться, вспоминая имя той, что имела глупость полюбить звезду небесную. Это гордыня, Эфриэл ап Нуада! Это обыкновенная гордыня!

Эфриэл скользнул к ней от окна, как тень. Теперь они стояли лицом к лицу, и Бранвен воинственно выпятила подбородок, показывая, что уступать не собирается.

— Если это и в самом деле так, как ты говоришь, я не могу принять твою жертву, — сказал Эфриэл. — Придется мне остаться в твоём мире навсегда. Как забавно — звезда небесная упала на землю и сгорела дотла.

— Почему это ты не можешь принять?.. — пробормотала Бранвен, разом теряя смелость. Она потупилась и затеребила конец косы, пальцы ее дрожали.

— Разве я могу взять женщину, если противен ей?

— Ты не противен... — ответила Бранвен еле слышно. Она уже сто раз пожалела об

опрометчивых словах. — Не противен, совсем наоборот...

Они надолго замолчали, а потом Эфриэл заговорил:

— Помнишь, на Хальконовой круче, когда мы чудом спаслись, ты сказала, что не надо стесняться благодарности. Теперь настала моя очередь сказать: не надо стесняться любви. Поистине, я так часто произносил это слово, что порядком затаскал его за несколько сотен лет. Но с тобой снова чувствую вкус новизны, когда говорю про любовь. Не может ли случиться так, что ты скрываешь больше, чем я надеюсь?

— Твои речи слишком мудрены для обыкновенной смертной, — Бранвен говорила тихо, и Эфриэлу пришлось наклониться к самым ее устам, чтобы расслышать. — Не мог бы ты сказать проще?

— Не могла бы ты сказать, что полюбила меня?

— Но и ты не сказал мне этого.

Эфриэл взял ее за подбородок, заставляя поднять голову, но Бранвен зажмурилась, боясь, что сдастся, едва их взгляды встретятся.

— В этом я виноват перед тобой, — признал сид.

— Раньше ты не скупился на красивое вранье, а теперь я не слышу и этого, — сказала Бранвен с обидой.

— Иногда мужчине труднее говорить о своих чувствах, чем женщине.

— Разве такое бывает? — Бранвен открыла глаза и смотрела вопросительно.

Эфриэл почертил пальцем контур ее бровей, щек и губ. Когда он коснулся нежного девичьего рта, губы Бранвен затрепетали, словно она хотела что-то сказать, но не решалась.

— Такое бывает, Бранвен из Роренброка. Мужчина зачастую молчит, когда чувства его истинны.

— Ты говоришь это искренне, или обманываешь меня?

— На сей раз искренне. Но не знаю, согласишься ли ты.

— И я не знаю...

— Конечно, тебе трудно поверить. Я и сам бы не поверил. Но вот оно, случилось. Я жил в свое удовольствие, ел, пил, охотился на оленей и женщин, и вдруг... задумался, что закат красив, и что розы пахнут так дивно, когда ты рядом со мной. Наверное, я полюбил тебя с первого взгляда, но противился этой любви, потому что она странная, почти невозможная. Но она такая прекрасная, Бранвен. И она прекрасная только благодаря тебе. Вот я и признался. Что скажешь ты?

Девушка несколько раз вздохнула, расплела и заплела конец косы и прижала ладони ко лбу.

— Все это слишком сложно для меня. Разум говорит, чтобы я не поддавалась твоим чарам, а сердце требует иного.

— Серьезные соперники, — признал Эфриэл. — И кого же ты слушаешь?

— Разве женщины слушают разум, когда говорит сердце. Пусть так. Я тоже признаюсь, что полюбила тебя. Говорят, любовь — она как свет, в мешок не спрячешь. Вот и я пыталась спрятать, но тщетно. Теперь ты доволен? Когда я думаю о тебе, когда вижу тебя — у меня дрожит душа, но не от страха, а от нежности. Хотела бы я, чтобы и ты испытывал то же самое.

— Увы, мне никогда не испытать ничего подобного, — ответил Эфриэл, увлекая ее в сторону кровати. Девушка подчинилась, двигаясь, как во сне. — У сидов нет души. И мне никогда не почувствовать того, что чувствуешь ты.

— Что же любовь для тебя? — Бранвен позволила уложить себя на постель, и плечи ее утонули в подушках.

— Когда я думаю о тебе, — повторил Эфриэл ее слова, — то чувствую любовь ближе собственной кожи, словно она въелась в мое существо. Я боролся с ней, но проиграл. Потому что бороться с настоящей любовью — все равно, что бороться с собственной тенью.

— Ах, как мне узнать, не ложь ли это?

— Только поверить, по-другому не получится.

Девственницы Эфриэлу попадались гораздо реже, чем можно было представить. А смертные девственницы — ни разу. Обычно его вызывали женщины. Женщины смелые, развратные и тоскующие. С ними все происходило иначе. А эта была нежная, как лебяжий пух, и чистая, как первый снег. И так получилось, что именно ему предстояло оставить первый след и на этом прекрасном теле, и на прекрасной душе. Почти юношеское волнение охватило его, и сердце застучало быстро, как у юнца перед встречей с его первой женщиной. Словно вернулась давно позабытая весна, хотя за окном снег бил в ставни.

— Немного боюсь, — призналась ему Бранвен.

— И это говорит та, которая бесстрашно прыгнула с Хальконовой кручи? — шепнул Эфриэл. — Не беспокойся, я умею вести себя с маленькими пугливыми девственницами, и не причиню тебе боли.

Он долго целовал ее, пока она не перестала дрожать, и не обняла его сама.

— С первого раза тебе может не понравится, — нашептывал он, — но ты не бойся. Во второй раз это будет лучше, а в третий — еще лучше.

— Понимаю, ты мне тоже не понравился с первого раза...

— Верно, моя маленькая возлюбленная, — подтвердил сид, осторожно распуская вязки на ее рубашке. — С настоящими чувствами всегда так — прежде, чем осознать их истинность, придется истоптать три пары железных сапог, сточить о камни три железных посоха и изгрызть три железных карава. Мы с тобой столько пережили, что это связало нас крепче, чем три железные веревки.

Она закрыла ему рот ладонью:

— Просто молчи. В наших краях есть пословица: много слов — мало верности. Не хочу ничего слышать.

Эфриэл поцеловал ее в ладонь и спросил:

— А если я скажу, что полюбил тебя, ты тоже не захочешь этого слышать?

— Захочу, — признала она, — но не поверю.

— Какая у меня недоверчивая возлюбленная...

Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что впервые женщина попросила его заткнуться и не рассыпать в постели словесным горохом. Но он тут же застыдился подобных низменных мыслей. Рядом с Бранвен хотелось думать только о высоком — и неизвестно, было ли это заслугой маленькой леди с ее моральными принципами, либо очередным колдовством, которое она легкомысленно затеяла.

Эфриэл и правда разволновался, умирая от желания наконец-то взять ее и от чувства ответственности, которое сам на себя возложил. Ответственность за женщину! Расскажи он что-нибудь подобное год назад в Финнеасе, посмеялся бы первый. Но сейчас все было не так, как год назад. И не так, как сто лет назад, и даже не тысячу. Он и правда разволновался

настолько, что не сразу смог попасть в нее, тычась бессмысленно, как слепой котенок. Но Бранвен раскрылась перед ним доверчиво и с готовностью, сердцем угадав, что без ее помощи ему не обойтись. И едва это произошло, он понял, что умер и возродился заново. Возродился для новой жизни и для вот этой женщины, что лежала под ним.

Она была восхитительно узкая, и горячая, и бархатистая. Эфриэл держался на локтях, чтобы не давить на нее всем телом. Бранвен закрыла лицо ладонью и постанывала, и он понимал, что стонет она не от наслаждения. Надо было прерваться, дать ей передышку, успокоить ласками и словами, но он чувствовал, что не в силах этого сделать.

— Потерпи... чуть-чуть... — еле выдохнул он, прижимаясь к ней все сильнее и сильнее.

Он хотел говорить еще, но не смог. Успел только выскочить из нее в самый последний момент, после чего упал ничком, ощущая блаженную опустошенность.

— Я немного отдохну, — прошептал он, — прости, что получилось не так, как ты хотела... В следующий раз я все сделаю, как надо, обещаю... Но как я счастлив сейчас, моя маленькая Бранвен... Скажи, что не сердишься на меня?

Она молчала, только легко гладила его по голове. Эфриэл приподнялся, чтобы посмотреть, не слишком ли она обижена за то, что он испортил ее первую ночь.

В то же мгновение знакомая сила сдавила сердце и мозг. Невозможно, но условия заклания оказались выполнены, и его уносило обратно, в Тир-нан-Бео. Как такое могло случиться? Ведь Бранвен не испытала удовольствия, в этом он мог поклясться! Чувствуя, что сейчас покинет мир смертных, Эфриэл, вцепился Бранвен в плечи, стараясь удержаться возле нее, вопреки силе заклинания.

— Позови меня снова! — торопливо произнес он. — Слышишь? Сразу же позови! У тебя под подушкой...

Сполох золотистых искр заставил Бранвен зажмуриться, а когда она открыла глаза, Эфриэла уже не было.

Вот и все, с надоедливym сидом покончено. Больше он не станет задирать ее язвительными шутками, не станет капризничать, требуя мяса и развлечений, не будет больше обидных прозвищ и неловких ситуаций. Да что скрывать? Больше не будет длинных партий в шатрандж, поцелуев, и сердечного трепета, и... Ничего больше не будет. Бранвен свернулась клубочком и заплакала.

Проснулась она с головной болью, ощущая непривычную пустоту. Никто не стаскивал с нее одеяло и не храпел на лавке для рукоделий. Бранвен встала, прошлась по спальне, выглянула в окно и переложила с места на место свитки на столе. Не этого ли она хотела с самого начала? Конечно же, этого. Отправить сида домой было решением правильным и разумным. К тому же, она обещала.

Бранвен выглянула в окно. Только начало светать, даже слуги на кухне еще не пробудились и не топили печи. Ночью выпал снег, и утро было призрачно-белым. Эта белизна не доживет и до полудня — пригреет солнце, снег растет и превратится в грязь. Но это значит, что весна близко.

Через двор кто-то бежал, воровато оглядываясь и кутаясь в плащ. Бранвен насторожилась и прижалась лицом к решетке, хотя холодный ветер поддувал нещадно. Фигура в плаще снова оглянулась, и под капюшоном Бранвен заметила Тигришу. Куда это понесло ее сестру чуть свет? В руках у Тигриши была корзина, прикрытая салфеткой. Еще интереснее! Уж не подкармливает ли она каких-нибудь бродяг? Но Тигриша пошла не к

воротам, а к Северной башне.

Бранвен схватила свой плащ и поспешила за сестрой. Северная башня таит много неприятных сюрпризов. Вдруг и Тигриша стала жертвой какого-нибудь древнего заклинания.

Цепочка следов на снегу была хорошо видна, и Бранвен, пробежав по ним до угла, затаилась и осторожно выглянула. Двери в Северную башню были заколочены, об этом позаботилась Матильда, но Тигриша не пыталась зайти внутрь. Она трижды хлопнула в ладоши, и вдруг наверху, на втором этаже, открылось окно, и оттуда упала веревка. Тигриша привязала к ручке корзины веревку, подергала за нее, и корзина медленно поплыла наверх. В Северной башне кто-то прятался.

Убедившись, что этот кто-то получил корзину, Тигриша поплотнее запахнулась в плащ и пошла обратно. Она смотрела под ноги и поэтому заметила Бранвен только тогда, когда столкнулась с ней за углом. Она испуганно вскрикнула, а Бранвен схватила ее за плечи:

— Что ты здесь делаешь в такой час?

— Гуляю, — сразу же ответила Тигриша.

— А что за корзинку ты отправила в Северную башню? Кто там прячется? Вот скажу матушке...

— Тише! — сестра прижала палец к губам. — Об этом никто не должен знать! Даже матушка...

— Кто там прячется? — настаивала Бранвен. — Говори немедленно!

— Там... там Айфа, — прошептала Тигриша.

— Айфа?! Ты же говорила, она пропала!

— Она появилась месяц назад, и с тех пор прячется. Я ношу ей еду. Я правда-правда не знаю, что с ней произошло, Бранвен! Она попросила помочь — и разве я могла ей отказать?

— Пойдем в мою комнату, поговорим там, — Бранвен взяла сестру под локоть, и Тигриша покорилась.

В спальне Бранвен раздула угли и подкинула несколько самшитовых веточек в жаровню. Было холодно, и сестры забрались в постель, укрывшись вдвоем одним одеялом.

— Итак, вся Эстландия ищет Айфу, а она прячется в Роренброке?

Тигриша шепотом рассказала, что Айфа появилась еще более замученная и оборванная, чем Бранвен, к тому же, она была ранена, но строго-настрого запретила приводить лекаря.

— Теперь ей уже лучше, — заверила Тигриша. — Я приносила травы, какие она говорила. Наверное, Айфа сама вылечилась.

— Я уважаю твою сестринскую верность, — строго сказала Бранвен, — но ты поступила неразумно. Айфа ранена, быть может — больна, а ты оставила ее в Северной башне, в холоде и одну. Как вы туда проникли? Ведь двери заколочены!

— Там стена рухнула, — объяснила Тигриша застенчиво, — через дыру и пролезли. Прошу, не говори матушке, Айфа сказала, что это очень важно — чтобы никто не узнал о ней. Она боится, по-моему, — последние слова Тигриша произнесла шепотом, прижавшись губами к уху Бранвен, хотя подслушать их никто не мог.

Она оперлась ладонью о подушку, и что-то зашелестело под ее рукой.

— Ты читаешь в постели? — Тигриша с удивлением извлекла кусок пергамента, на котором было начертано несколько строк бисерным почерком. — *Glaoch air affectionately air...* На каком это языке?

— Отдай! — завопила Бранвен, мигот потеряв самообладание, и вырвала пергамент у

сестры. — Тебе нельзя этого читать! Это... это...

— Что ты так разволновалась, — Тигриша пожала плечами, — я ничего и не читаю. Ты, главное, не говори маме про Айфу.

— Пока не скажу, — процедила Бранвен сквозь зубы. Она прижимала пергамент к груди, и он жег ей и ладони, и сердце. — Но с вашей стороны было бесчеловечно скрыть от матери, что ее дочь жива.

— Мы потом как-нибудь скажем, — беспечно отозвалась Тигриша. — Тогда я пойду? А то проснется Киарана и устроит мне допрос еще почище тебя!

Едва только шаги сестры затихли в коридоре, Бранвен подбежала к столу, зажгла свечу и поднесла ее к записке, чтобы разглядеть получше. Так и есть. Вот они — заветные пять строк, благодаря которым можно вернуть Эфриэла. Вернуть... Разве не об этом он просил ее перед тем, как исчез? Он сказал: под подушкой. И под подушкой оказалось призывающее заклинание.

Растаявший воск капнул на палец, и Бранвен вскрикнула.

— Что за глупости я думаю! — сказала она, поставила свечу и бросила пергамент на стол, не зная, как поступить — то ли уничтожить его сразу, то ли прочитать заклинание.

Она приводила тысячи доводов, почему не должна поддаваться искушению, взывала к чувству долга и после мучительных сомнений упрятала заклинание в самый нижний ящик комода, туда, где раньше лежала колдовская книга.

Три дня она ходила, как в тумане, никого не видя и не слыша. И даже новости об Айфе не занимали ее. Леди Роренброк запретила близняшкам и сыну беспокоить Бранвен, и сама всплакнула над разбитой жизнью дочери.

— Он ей так нравился, этот мерзкий лорд Освальд, — поверяла графиня компаньонкам. — Как он мог поступить с моей девочкой подобным образом? Просто разбил ей сердце!

А дочь вовсе не горевала над своей жизнью. Каждый вечер был для нее испытанием на стойкость.

— Пусть будет недоволен, пусть скажет, что я его не так поняла... — бормотала она, блуждая по спальне. — Но зачем он оставил мне заклинание? И просил вызвать...

В один из поздних вечеров, она в очередной раз достала из ящика кусочек пергамента, держа его кончиками пальцев, словно боясь обжечься. Она так часто смотрела на эти строки за последние дни, что выучила их наизусть.

— Пусть он будет недоволен, но зато полюбит меня еще раз, — сказала она в пустоту комнаты. — Да, еще раз!

Бранвен повторила заклинание и замерла, прислушиваясь. Над Роренброком на лигу вокруг повисла привычная предночная тишина. Бранвен отсчитывала биения своего сердца: один...два...три...четыре...

Он появился из темноты и сразу поцеловал, крепко обняв. Бранвен почти задохнулась в его объятиях.

— Почему так долго? — вопрошал он, покрывая короткими поцелуями ее лицо. — Ты не заглядывала под подушку? Или решила потерзать меня? Распалить еще больше? У тебя это отлично получилось!

— Ты не сердись, что я снова призвала тебя? — спросила Бранвен, теряя голову от его напора, и от непритворной страсти, которой он пылал.

— Сержусь за то, что проторчал там слишком долго! Сколько дней у тебя пошло? Три?

Четыре? Неделя?

— Пять, — призналась она.

— Ты — маленькая, жестокосердная гусыня, — ласково бранил ее Эфриэл. — Я тебе это еще припомню. Но подожди...

Бранвен потянулась к нему с поцелуем, и когда он остановил ее, недоуменно захлопала ресницами.

— Сначала ответь мне. Как вышло, что я оказался в Тир-нан-Бео? Ты ведь не испытала удовольствия. Я знаю, я это чувствовал.

— Испытала... — Бранвен покраснела и смутилась до слез.

— Но это неправда.

Едва увидев ее и обняв, Эфриэл уже готов был к любовным подвигам. Он повел себя с этой прекрасной женщиной, как последняя скотина, думая в такой важный для нее момент лишь о себе. Теперь он горел желанием вернуть ей сторицей все, что получил от их первой ночи. Но несмотря на возбуждение, все же решил выяснить мучивший его вопрос.

— Ответь мне правдиво, — потребовал он, усаживаясь в кресло и привлекая Бранвен к себе на колени. — Не хочу лжи между нами. Тебе не было хорошо. Тебе просто не могло быть хорошо. Девственницы не испытывают удовольствия после первого раза.

— Такой старый и такой глупый, — ответила Бранвен, прижимаясь к нему, и понимая, что это и есть настоящее счастье. — Что значит телесное удовольствие по сравнению с удовольствием, когда хорошо тому, кого любишь?

Эфриэл с минуту осмысливал ее слова.

— Ты была счастлива, потому что осчастливила меня? — спросил он, наконец.

— Да! Сто раз «да»! Тысячу раз «да!» — воскликнула Бранвен, позабыв, что обитатели Рорebroка могут ее услышать. — Я была счастлива тогда, я счастлива и теперь! И я не хочу разлучаться с тобой. Надеюсь, и ты не хочешь, раз оставил мне заклинание. Когда ты умудрился его написать?

— Когда ты болтала с сестрой, — Эфриэл усмехнулся совсем, как прежде — весело и с наглeй. — Но задери меня заяц, если я думал, что ты избавишься от меня так быстро. Готов похлопать себя по спине за сообразительность. Сейчас мы с тобой отправимся в постель, Бранвен Роренброк, и если ты не призовешь меня на следующую ночь, я превращусь в настоящего призрака и буду мучить тебя до конца времен.

Она вызвала его на следующую ночь, и на следующую, и на следующую за той. В алькове он был горяч и ненасытен, и порой Бранвен молила о передышке, сманивая сиду игрой в шатрандж или вкусной едой. Он уступал неохотно, но никогда не противился ее желаниям.

В одну из ночных встреч Бранвен показала Эфриэлу маленькую книжку, сшитую из нескольких листов пергамента, ставшего от времени хрупким.

— Посмотри что я нашла в библиотеке. Это записи Этне Роренброк, она собирала древние народные сказания. Совсем древние, которые были сложены еще до прихода вестфальдов. Это повесть об Аэде Одинокe, его брата забрала в свою страну девушка из волшебного края золотых яблок. Здесь говорится, что она прекрасно играла на арфе и была очень красива. Это про твою соотечественницу, верно? Я вдруг подумала... если ты захочешь, чтобы я ушла за тобой... в Тир-нан-Бео, я готова. Просто скажи, как туда попасть, и я пойду.

Эфриэл гладил ее по пушистым волосам и молчал. Встревоженная его молчанием,

Бранвен осторожно высвободилась из-под его руки:

— Или ты не хочешь?..

— Я задумался, прости. Путешествовал мыслями в прошлое. Когда-то одна из женщин сидов и вправду привела в Тир-нан-Бео человека. Он не стал счастливым. Он тосковал по людям и солнцу, и ему все время было холодно. Он просился обратно, мечтал взглянуть на мир людей хотя бы еще раз. Но мы не хотели отпускать его. Он прожил у нас слишком долго, а время течет в нашем краю не так, как здесь. Едва коснувшись земли, он превратился бы в дряхлого старика. Так потом и случилось. Не хочу для тебя такой судьбы.

— С тобой я смогла б жить хоть в мире без солнца, хоть в подземелье, — пылко заверила его Бранвен.

— Ты просто не знаешь, о чем говоришь, — Эфриэл поцеловал ее в лоб. — Поверь, вечность тоже может быть утомительна.

— Миледи! Миледи! — слышалось за дверью, и осторожный стук заставил Бранвен пробудиться.

Она недовольно поморщилась, вырванная из блаженной темноты сна. Рядом спал Эфриэл, его рука покоилась на ее бедре. Бранвен осторожно высвободилась, чтобы не потревожить возлюбленного.

Накинув халат, она открыла двери. В коридоре стояла молоденькая горничная леди Роренброк. Девушка пыталась держаться чинно, но это ей плохо удавалось, было видно, что новости, которые она принесла, не дают ей стоять спокойно.

— Что случилось, Эстелла? — спросила Бранвен. — Матушка зовет?

— Да, миледи! Одевайтесь поскорее! Приехал ваш муж, леди Дерборгиль приказала спуститься.

Сон сняло, как рукой, и Бранвен с беспокойством взглянула на центральную часть замка, которая была видна из ее окна. Вот так новость! Освальд появился в Роренброк! У него еще хватило наглости приехать сюда!

Вошли горничные, чтобы помочь госпоже привести себя в порядок. Одна из девушек подошла, чтобы убрать постель, но Бранвен запретила.

— Не время сейчас заниматься постелью, — сказала она строго, и служанка послушно отошла от кровати. — Подайте мне синее платье и причешите.

— Синее платье слишком скромное, миледи, — возразила ей старшая горничная. — Давайте, оденем вас в голубое, с золотом?

— Мы что — принимаем короля? — насмешливо ответила Бранвен. — Синее. И причешите меня, как причесывали раньше, не надевайте генин.

Служанки переглянулись.

— Миледи желает быть причесанной, как девушка? — не веря собственным ушам, спросила старшая.

— Желает.

Когда она вошла в зал, лицо матери выразило недовольство — зачем, скажите на милость, замужней женщине рядиться в девочку? Но она тут же приняла обычный вид благодушной вежливости. У окна стоял лорд Освальд — бледный и похудевший, как после болезни. Он шагнул навстречу Бранвен, и глаза его засияли.

— Миледи! — сказал он хрипло. — Вы заставили меня поволноваться. Я думал, что потерял вас навсегда.

— Я оставлю вас, — промолвила леди Дерборгиль. — Мне надо проверить, как идут дела на кухне...

Она многозначительно посмотрела на Бранвен и выплыла из зала. Бранвен была уверена, что матушка не дошла до кухни, а остановилась по ту сторону дверей, желая услышать, о чем пойдет разговор.

Лорд Освальд хотел поцеловать Бранвен руку, но она ее отдернула.

— Вы зря приехали, милорд.

— Не зря, если увидел вас. Вы все еще злитесь на меня, моя голубка? Уверяю...

— Я пришла сюда не для того, чтобы выслушивать ваши уверения, — голос Бранвен был

холоден, и ей самой это было удивительно. Раньше она и помыслить не могла, чтобы разговаривать с женщиной, тем более — с мужем, в таком тоне. — Я уже направила прошение королю, чтобы наш брак признали недействительным. Не хочу быть связанной с вами.

— Мне это известно, — лорд Освальд затеребил бородку. — Но я был уверен, что здесь сыграли свою роль обида и последствия... э-э... приключений, которые вы пережили.

— Пережила по вашей вине! — отрезала Бранвен. — Не пытайтесь обвинить во всем меня. С меня хватит вашей дивной страны и ваших варварских обычаев. Вы услышали мое решение, убедились, что я действую согласно разуму, а не обидам — и извольте удалиться.

— Но может быть...

— Нет. Уходите.

— Так вот каково ваше истинное лицо? — сказал лорд Освальд. — Я думал, что беру в жены голубку, а оказалось, что пригрел змею.

— Вы вольны думать обо мне, что угодно. Я не желаю больше видеть вас, и хочу забыть все, что связано с Аллемадой, как дурной сон.

— Я не отпущу вас так просто.

— Ах, я и забыла, что король — ваш родственник. Но и король не заставит меня изменить решение.

— Это мы посмотрим.

— Не смозольте глаза, милорд.

Лорд Освальд удалился, хлопнув дверью, а в зал немедленно вошли леди Дерборгиль и... Эфриэл.

— Ты разговаривала с ним крайне неразумно, — сказала леди Дерборгиль, обмахиваясь платочком.

— Мама, неужели вы подслушивали? — упрекнула ее Бранвен, но смотрела на sida.

— Не обвиняй мать, — сказал он. — Мы подслушивали на пару, если быть точным.

— Что значит — подслушивала? — леди Дерборгиль возмущено вскинула брови. — Я должна знать, что происходит с моей дочерью или нет? И все же я считаю, ты очень неразумно повела себя...

— Мама!

— Ах, молодежь сейчас так безрассудна и не думает о будущем, — продолжала возмущаться графиня. — Понадеемся, что твое решение не повлияет на судьбу Тигриши и Киараны.

— Причем здесь они?

— Как — причем? — леди Дерборгиль даже всплеснула руками от изумления. — Бранвен, ты будто явилась из мира фей! Младших сестер берут по старшим. А у нас все не слава яркому пламени! Сначала Айфа... — она всхлипнула, поднеся платочек к уголку глаза, — а потом еще твой развод. Не волнуйся, дорогая девочка, конечно же, я буду отстаивать твои интересы даже перед королем, но это слишком, это слишком... Мне надо принять лавровых капель, немедленно, — и графиня отправилась в свою комнату, а за ней засеменяли служанки и дамы, наперебой утешавшие вдовствующую герцогиню.

Оставшись наедине с Эфриэлом, Бранвен оробела сильнее, чем перед недовольством матери.

— Опять будешь ругать, что я поступила глупо? — спросила она, прижимаясь к нему.

— Ты поступила неразумно, — признал сид, — но упрекать тебя не могу. Хотя

признаю, что и это — неразумно.

— Неразумно, что ты связался со смертной женщиной?

— Да, непростительная слабость с моей стороны.

— И ты недоволен этим? — она затаилась в его объятиях.

— Не скажу, что меня это радует. Но мог ли я поступить по-другому?

В этот же вечер в комнате Бранвен появилась груда пыльных свитков, которые она принялась внимательно изучать при свете свечи.

— Ты ищешь какие-то древние заклинания? — пошутил Эфриэл, когда Бранвен вызвала его.

— Нет, это законы о браке и семье, — пояснила Бранвен, откладывая очередной свиток. — Хочу быть во всеоружии, если лорд Освальд осмелится отказать в разводе.

— Думаю, он будет очень упорен в битве за тебя, — сказал Эфриэл, обнимая ее. — Не представляю, на какие бы безумства я решился, если бы тебя потерял.

Лорд Освальд и в самом деле проявил упорство. Не прошло и трех дней, как прибыл гонец с известием, что сам король Адельгерд едет в Роренброк с выездным судом. Леди Дерборгиль подняла на ноги всех слуг в замке и пригласила полсотни помощниц из ближайших деревень, заплатив серебром. Такого переполоха не видели даже перед свадьбой Бранвен — тридцать человек натирали, начищали и мыли замок, выметая зимнюю паутину из углов и полируя медные шишечки перил до блеска. Еще тридцать человек было занято на кухне, в коптильне и пекарне, готовя провизию для короля и его свиты. Среди всего этого носилась леди Дерборгиль в огромном белом чепце и в фартуке с оборками. Она отдавала приказы, ругала за нерадивость и ужасно переживала — сможет ли Роренброк достойно принять короля.

Близнецы Тигриша и Киарана загоняли горничных, подбирая наряды к королевскому приезду, и только в спальне Бранвен не было нетерпеливой суеты.

— Я пойду на суд, если ты не возражаешь, — сказал Эфриэл, когда Бранвен рассказала ему новость.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты выслушивал все, что станут там говорить...

— А мне бы хотелось, — заявил он. — Ты что же, считаешь, я должен остаться в стороне, когда Гусак Великолепный попытается забрать тебя?

— Но чем ты сможешь помочь? — Бранвен позабавила его пылкость. — Опять ударишь его лавкой?

Эфриэл подхватил ее на руки, отправляясь в постель.

— Не знаю, что смогу, — сказал он. — Но тебя одну я не оставлю.

Была бы ее воля, Бранвен отправила бы сида домой, пережидать, пока Его Величество с Его Сиятельством не покинут Роренброк. Но Эфриэл разгадал ее хитрость, и приложил все усилия, чтоб не улететь в Тир-нан-Бео. Под утро Бранвен была совершенно измучена и одинаково страдала от неутоленной страсти и досады, что тонко продуманный план не состоялся.

Эфриэл чувствовал себя гораздо лучше, и готовясь предстать перед королевским выездным судом, даже пригладил кудри, остановившись на пару секунд у зеркала.

Бранвен не вышла встречать короля, и сидела в спальне, пока Тигриша не пришла за ней — передать королевское повеление явиться в большой зал, где находились уже графиня Роренброк и король со свитой и священнослужителями.

— Ну, последнее испытание, моя храбрая гусочка, — подбодрил ее Эффриэл.

— Обними меня покрепче, — попросила Бранвен и сама бросилась ему на шею. — Даже если король откажет мне в прощении, я не вернусь к лорду Освальду. Лучше монастырь или... или смерть.

— Не надо о грустном, — Эффриэл поцеловал ее, и рука об руку они направились на королевский суд.

Бранвен предстала перед Его Величеством Адельгердом и вельможами, держась очень прямо, словно не ее собрались судить все эти важные господа, а она сама явилась вынести им приговор. Эффриэл присел на скамеечку для ног, стоявшую возле кресла леди Дерборгиль. Скамеечка была отставлена за ненужностью, потому что графине приходилось вставать всякий раз, когда она говорила перед королем. Впрочем, все остальные, кроме епископа, тоже должны были вставать, говоря при Его Величестве, а Бранвен в силу ее статуса ответчицы, и вовсе не разрешалось садиться.

Король помнился ей красивым мужчиной с каштановыми волосами и бородкой, с румяным лицом и молодым задором в глазах, но сейчас перед ней сидел угрюмый человек, изможденный и худой, щеки которого ввалились, а виски посеребрила седина. Желтоватый цвет кожи указывал на застарелую болезнь, а когда король заговорил, стало видно, что у него отвратительные коричневые зубы.

— Бранвен Аллемада, — сказал Адельгерд, — вы вызваны на королевский суд по жалобе вашего мужа. Вести следствие будут благородные господа... — он назвал поименно девятерых лордов в черных костюмах и черных маленьких шапочках, опущенных серым мехом белки.

Следователи взирали на Бранвен без малейшего сочувствия и даже с презрением. Кроме следователей в суде присутствовали четыре монахини из монастыря святой Куннеры, епископ и четыре священника из числа богословов и толкователей закона.

После прочтения прошения о разводе была оглашена жалоба герцога Аллемада, а потом король предоставил слово графине Роренброк. Та долго и витиевато рассказывала о «некоторых разногласиях» между супругами, обвиняла герцога Освальда в пренебрежении женой и почти причитала, обращаясь к Его Величеству с просьбами о справедливом суде.

— Брак не был заключен согласно закону, — сказала она, заканчивая речь. — Моя дочь настаивает на признании брака недействительным и требует вернуть ее приданое.

Ничего подобного Бранвен не требовала, но вопрос возвращения приданого казался графине чуть ли не самым важным.

Адельгерд перевел взгляд на родственника, и лорд Освальд смешался.

— Признаю, — сказал он, — что действовал не по закону. Но это было для блага моей жены. Когда же мы прибыли в Аллемаду, она отказала мне в близости. Я не мог применить силу к собственной жене, поэтому и консумации не было.

— Вы, милорд, пренебрегали моей дочерью больше месяца, предпочитая развлекаться с горничной, а потом обиделись на ее отказ? Моя дочь — королевских кровей, никому не позволено обращаться с ней, как с вилланкой!

— Я не уменьшаю своей вины, уважаемая графиня, — ответил лорд Освальд. — Прошу леди Бранвен простить меня, принять виру, размер которой пусть определит король с вашего согласия, и обещаю, что буду чтить свою супругу и только ее до самой смерти.

— Красиво погибает, — признал Эффриэл, с любопытством наблюдавший за человеческим судом.

— Все ясно, — провозгласил король Адельгерд, которому хотелось поскорее закончить с семейными неприятностями кузена, — разногласия между супругами должны быть разрешены ими самими, согласно пятому пункту раздела о браке, семье и детях. Лорд Освальд выплатит семье невесты виру в двести золотых в качестве возмещения ущерба за нанесенное оскорбление, а дальше пусть супруги помирятся и предпримут все усилия, чтобы их брак увенчался благодатью яркого пламени...

— Нет, — сказала вдруг Бранвен, и голос ее отчетливо прозвучал под сводами зала. — Я не принимаю этого решения.

— Подумай, — тихо сказала леди Дерборгиль, — он признал вину, согласился заплатить и чтить тебя, как единственную супругу.

— Вы считаете, что сумма штрафа мала? — по-своему понял отказ Бранвен король. — Назовите сумму. Герцог уплатит все без споров.

Леди Дерборгиль взглядом подбодрила Бранвен, весьма довольная тем, как ее дочь смогла поставить себя на суде.

— Проси тысячу, — шепнула она.

— Ну же! — поторопил Адельгерд.

— Мне не нужен штраф, — отчетливо произнесла Бранвен. — Я настаиваю на расторжении брака.

Леди Дерборгиль ахнула, прикрывшись платочком, а лицо лорда Освальда перекошилось.

Король затеребил бороду, раздумывая.

— Вы так обижены на моего кузена? — спросил он. — Но мы не можем признать брак недействительным, поскольку герцог утверждает, что и ваша вина была в том, что бы до сих пор не стали настоящими супругами. А чтобы требовать развода у вас нет оснований. Лорд Освальд публично признал вину, принес покаяние и согласился возместить ущерб, никаких преступлений против вас не совершал. Лучше бы вам примириться, милая девушка. Герцог — ваш муж и господин перед ярким пламенем. Вы не можете просто так выйти из-под его руки.

Бранвен покраснела, побледнела, а потом вскинула голову:

— У меня есть все основания требовать развода, — сказала она. — В пункте тридцатом говорится, что брак должен быть немедленно расторгнут в случае измены...

Эфриэл вскочил так стремительно, что перевернул лавку. Судейское собрание, воззрившееся на перевернувшийся без посторонних усилий предмет, не заметило, как леди Бранвен поморщилась и сжала губы, словно от боли.

— Замолчи сейчас же! — сказал Эфриэл, схватив Бранвен за плечо. — Что ты еще выдумала? Не навреди себе!

Он заметил, как дрогнуло ее лицо, понял, что схватил слишком сильно и нехотя разжал пальцы.

— Брак должен быть расторгнут, если имела место измена...

— Замолчи! — Эфриэл не выдержал и зажал ей рот ладонью.

Но Бранвен отвела его руку, и он подчинился.

— ...если имела место измена жены. Я изменила лорду Освальду, поэтому настаиваю на расторжении брака.

— Бранвен! — взвизгнула леди Дерборгиль. — Это ложь!

— Это правда, — сказала Бранвен тихо, но твердо.

— Занесите ответ в протокол, — велел король. — Лорд Кюневард, начните допрос.

Лорд Кюневард встал, поклонившись королю, а потом обратился к Бранвен:

— Леди, ваше заявление чудовищно. Отдаете ли вы отчет, что если ваша измена подтвердится, вы будете наказаны?

— Да.

— У вас есть любовник?

— Да.

— Его имя?

— Я не могу назвать его имени.

— Ваша измена имела место в Алдлемаде?

— Нет.

— Где же?

— Здесь, в Роренброке.

Лорд Кюневард пошептался со следователями и спросил:

— Вы вступили в любовную связь до того, как стали женой милорда Освальда?

— Нет, это произошло после. После того, как я вернулась домой.

Леди Дерборгиль воскликнула:

— Ваше Королевское Величество! Это неправда! Могу поклясться, что моя дочь не могла завести... любовную связь в нашем замке! Она жила уединенно, и ни один мужчина не посещал ее. Она обижена и оговаривает себя.

Старшая из монахинь встала с поклоном:

— Для этого мы и пришли сюда. Позвольте нам осмотреть девушку, и все станет ясно.

Король позволил, и монахини увели Бранвен. Осмотр занял совсем немного времени, и вскоре женщины вернулись. Монахини были строги и чопорны, а щеки Бранвен так и полыхали румянцем.

— Она не девственна, — объявила старшая монахиня.

Леди Дерборгиль сделала вид, что упала в обморок, ее подхватили служанки и принялись обмахивать платочками, брызгать в лицо розовой водой и растирать ладони. Следователи возмущено возроптали, а лорда Освальда перекосило от досады — знай он, что его добродетельная жена уже вовсе не добродетельная, настаивал бы с самого начала, что консумация имела место. Впрочем, не все было потеряно.

— Я хочу изменить показания, — сказал он быстро. — Все, сказанное прежде, было ложью. На самом деле, мы с женой заключили брак по закону, и наша первая ночь имела место здесь, в Роренброке. Признаю, что я обидел супругу, когда завел любовницу, но готов был принести извинения, и когда она потребовала развода, побоялся уличать ее во лжи. Теперь же, когда святые монахини установили истину, я снова заявляю права на леди Бранвен.

Леди Дерборгиль тут же пришла в себя и посмотрела на ненавистного зятя почти с признательностью. Зато Бранвен воскликнула, не помня себя от гнева:

— Это неправда! Вы никогда не прикасались ко мне, лорд Освальд Аллемада!

— Если вам угодно так говорить, я умолкаю, — лорд Освальд с сожалением развел руками. — Милорды! Меня можно упрекнуть лишь в том, что я потакал всем безрассудным желаниям жены. Если угодно, накажите меня за это.

— Вы лжете! Беззастенчиво лжете! — закричала Бранвен, хотя мать пыталась ее успокоить.

Королю начал надоедать бессмысленный спектакль. Он с трудом сдержался, когда монахини объявили свой вердикт, оценил рыцарский поступок родственника, который попытался скрыть грех беспутной жены, но протесты Бранвен заставили его желчь закипеть.

— Милорд Освальд! Сядьте и не усугубляйте вины, продолжая лгать в угоду вашей жене! — прогремел он, стукнув ладонью по ручке кресла. — Миледи Дерборгиль, отойдите от дочери, я сам ее допрошу!

Та нехотя отступила, оставив упрямую дочь один на один с венценосным правителем.

— Вы настаиваете, что ваш муж не имеет никакого отношения к тому, что вы уже не девушка? — резко спросил король, буравя взглядом тонкую фигурку в белом.

— Да, — Бранвен говорила твердо, и смело смотрела на Адельгерда. — Я настаиваю.

— И изменить показания вас ничто не заставит?

— Нет.

— Очень хорошо, все предельно точно и ясно, — король подозвал к себе лорда Кюневарда, забрал у него свиток со сводом законов, и, заглянув в него, пробежал глазами перечень пунктов, отыскивая нужный. Перечитав и удостоверившись, что память не подвела, Адельгерд вернул свиток лорду. — В пункте сто двадцатом, — объявил он, — сказано, что если ответчик настаивает на своих показаниях, применяется ордалия железом. Бранвен из Роренброка, готовы ли вы доказать правоту своих слов путем поднятия железа?

Леди Дерборгиль схватила Бранвен за руки, умоляя не совершать ошибки, но Бранвен покачала головой и заявила так, что слышали все:

— Тому, кто говорит правду, незачем бояться. Яркое пламя видит чистоту моих помыслов и окажется милосердным ко мне.

— Да будет так! — король Адельгерд хлопнул в ладоши. — Приготовьте железо и заприте ответчицу, через час мы заменим королевский суд божественным.

— Дайте хотя бы день на подготовку, Ваше Величество! — возопила леди Дерборгиль.

Король ответил ей тяжелым взглядом.

— Час! — провозгласил он. — Если небеса и вправду на ее стороне, достало бы и минуты!

— Это опасно, очень опасно, — твердил Эфриэл, хмурый, как осенняя туча.

Они с Бранвен были заперты в каменном мешке под лестницей, куда обычно бросали ведра, тряпки и метлы. Вернее, была заперта только Бранвен, но никто не мог помешать Эфриэлу проникнуть к возлюбленной. Бранвен удобно устроилась на куче тряпья и ничуть не казалась испуганной. Зато сид извелся и не мог усидеть на месте.

— Ты уверена в том, что хочешь сдаться? — он склонился над возлюбленной, вглядываясь в ее лицо с жадностью. Неужели ее вера настолько непогрешима, что она не боится поднять раскаленное железо, чтобы избавиться от немилого мужа?

Бранвен погладила его по щеке и кивнула так безмятежно, словно он спрашивал, пойдет ли она сегодня утром собирать примулы.

— Ты совсем ничего не боишься?

— Чего же мне бояться? — спросила она удивленно. — Я говорю правду, и яркое пламя это знает. Разве оно может наказать меня?

Сид пробурчал что-то, потирая ладони.

— Не беспокойся, — заверила его Бранвен, — я верю всем сердцем, а вера творит чудеса.

— Неужто? — не удержался от сарказма Эфриэл.

— Разве с нами не произошло сто чудес? Разве ты не видишь в этом небесной милости?

— Не вижу, — буркнул сид.

— Все будет хорошо, — она прижалась к нему, и хотя он не мог видеть ее лица, чувствовал, что она улыбается. — Зато после этого лорд Освальд никогда не сможет предъявить на меня права. И я буду всецело с тобой... если ты захочешь.

Час миновал, и за ответчицей пришли. Когда загрели засовы, Бранвен пылко поцеловала Эфриэла, а он даже не успел ей ответить.

— Леди Бранвен из Роренброка, вы готовы к божественному суду?

— Готова, — ответила она просто, и в сопровождении гвардейцев вернулась в зал, где уже стояла жаровня, полная алых углей.

На углях лежал железный прут, раскаленный докрасна. Концы его отсвечивали желтым и белым, и казались прозрачными.

— Ты еще можешь остановиться, — сказал Эфриэл, но Бранвен покачала головой и приблизилась к жаровне.

Священник прочитал короткую благословляющую молитву, и дал ответчице приложиться к книге святых откровений. Бранвен набожно осенила себя знаком яркого пламени и улыбнулась слугам, которых ради такого события тоже впустили в зал суда, потому как божественная ордалия должна проводиться открыто, чтобы каждый, независимо от происхождения и положения, мог присутствовать и своими глазами видеть наказание грешника или милость к праведнику. Тильда плакала, утирая распухшее лицо передником, и молоденькие горничные испуганно пищали, глаза то на короля, то на бесстрашную леди, которая по доброй воле решила сунуть руку в пламя. Рядом с леди Дерборгиль стояли Тигриша и Киарана, поддерживая мать под локти. Лицо Киараны было бледным и печальным, а Тигриша, наоборот, раздурманилась и смотрела на сестру сияющими глазами.

— Пусть свершится небесная воля, — сказал священник, объявляя начало ордалии.

Бранвен показала присутствующим чистую ладонь, чтобы все убедились, что здесь нет колдовства или хитрых снадобий, и готова была взяться за железо, но Эфриэл удержал ее в последний момент.

— Подожди, — он схватил раскаленный прут и велел, стиснув зубы: — Возьми меня поверх руки.

Бранвен приоткрыла рот, готовая возразить, но Эфриэл повторил:

— Не спорь. Возьми. Это меньшее, что я могу сделать для тебя.

Словно во сне она положила ладонь поверх его руки, ощущая жар, исходящий от углей и раскаленного металла, а сид медленно поднял прут.

Несколько долгих минут, пока священник читал молитву три раза, они стояли плечом к плечу, и взгляд Бранвен, обращенный на сида, говорил больше слов. А Эфриэл подумал, что обожженная рука за такие прекрасные глаза — это совсем не дорого. Можно было бы стерпеть муки и пострашнее.

По истечении отведенного времени сид бросил прут на пол. Прут покатился к креслу короля, и тот непроизвольно подтянул ноги.

Бранвен подняла руку над головой, показывая ладонь, на которой не было ни одного ожога, и собравшиеся дружно ахнули, осеняя себя знаками яркого пламени. Матильда упала на колени и начала читать благодарственную молитву, а леди Дерборгиль снова упала в обморок, создав суматоху вокруг себя.

После того, как четыре священника самым внимательным образом осмотрели руку ответчицы, сам епископ приказал Бранвен подойти, и долго разглядывал ее ладонь с нетронутой розовой кожей.

Король не участвовал в осмотре — божественным судом занимается епископ, но лицо у правителя Эстландии совсем перекосило, а лорд Освальд с трудом скрывал ярость.

— Леди сказала правду, — объявил епископ. — Прискорбно, что такая вера запятнана грехом, но яркое пламя показало свою волю. Отныне герцог Аллемада не имеет прав на эту женщину. Она возвращается под руку своей матери, графини Роренброк. Так как имело место измена жены, приданное остается у мужа.

Оскорбленный лорд Освальд выскочил из зала первым, не дожидаясь разрешения короля. Адельгерд тоже не стал задерживаться, не пожелав даже отобедать. А следовательно не отказались от трапезы, и объели вдовствующую графиню с превеликим удовольствием.

Бранвен не появилась на трапезе, и не пожелала обниматься со счастливой Тильдой или говорить с Тигришей, которую так и распирало от восторга. Она удалилась в свою комнату и заперлась изнутри. Иногда из-за двери доносилось приглушенное бормотание. Подслушавшие это слуги благоговейно переглядывались — несомненно, леди Бранвен молилась. И весть о чуде, совершенном одной из барышень Роренброк поползла по округе, обрастая домыслами, фантазиями и откровенным враньем.

Ничего этого Бранвен не знала, и знать не хотела. Первым делом она осмотрела израненную руку сида. Ожоги выглядели ужасно, и Бранвен всплакнула от жалости, хотя сам Эфриэл уверял, что ему ничуть не больно.

Совершив вылазку, Бранвен удалось раздобыть нужные мази и корпию, не привлекая внимания родных и слуг. Она так бережно накладывала повязку и с таким благоговением завязывала бинты, словно священнодействовала у алтаря в главном соборе.

— Никогда не забуду того, что ты для меня сделал, — сказала она, осыпая сиды ласками и поцелуями. — Я проклята, наверное, раз полюбила существо из другого мира, но разве возможно тебя не полюбить?

— Эй, полегче, полегче, — Эфриэл усадил ее к себе на колени и принялся поглаживать по спине здоровой рукой, — кто там пенял мне: много слов — мало верности? И знаешь что, Бранвен? После того, как я сейчас исчезну, призови меня сразу же. Сразу же, хорошо? Мне не по себе, что ты остаешься одна. К тому же, ты такая миленькая... после этого. Да и вообще, просто хочу быть рядом с тобой.

Поглаживания перерастали во все более откровенные ласки, и через некоторое время Бранвен осталась одна на смятой постели. Когда сладкая нега отпустила тело, Бранвен встала и подошла к зеркалу, приводя в порядок платье и прическу. Эфриэл просил вызвать его сразу же, но именно сейчас она не стала выполнять просьбу. Предстоял разговор с разгневанной матерью, и Бранвен не хотела, чтобы сид был свидетелем этого.

Когда все приезжие убрались из Роренброка, Бранвен подкараулила госпожу графиню возле ее комнаты. Леди Дерборгиль прошла мимо дочери, поджав губы.

— Мама, простите меня, — покаянно сказала Бранвен, — я рассчитываю на ваше понимание...

— На хорошую порку — вот на что ты можешь рассчитывать, неблагодарная! — прошипела леди Дерборгиль, награждая любимую дочь пощечиной.

Глядя вслед удаляющейся матери, Бранвен держалась за щеку.

— Матушка, зачем вы так... за правду? — сказала она со слезами в голосе.

Леди Дерборгиль круто обернулась:

— Если грешишь — то греши тайно, сохраняя лицо добродетели.

— Но ведь это — лицемерие. Разве вы учили меня этому?

— Это не лицемерие, это — благоразумие. А я еще защищала тебя! Выставила себя полной идиоткой перед королем. Я думала, моя дочь невинна, как голубка, и вдруг такое!.. — графиня посмотрела на Бранвен с ненавистью. — Я добра и не стану тебя выгонять, но больше ты мне не дочь, хоть и носишь фамилию Роренброк.

Леди Дерборгиль осталась верна себе. Отныне Бранвен запретили выходить к общей трапезе и отобрали всех служанок. Только Матильда по-прежнему будила свою взрослую девочку утром, справлялась о ее здоровье, носила лакомые кусочки из кухни и заплетала косы на ночь. Тигрише, Киаране и Найси было строжайше запрещено общаться с опозоренной сестрой, и даже встречая Бранвен в коридоре, близняшки низко опускали головы и пробегали мимо.

Случись такое год назад, Бранвен пришла бы в отчаянье, потому что человек не может быть один, а когда он становится изгоем в семье — это тяжело вдвойне. Но она была не одна. У нее была ночная тайна, ночной гость, князь из иномирья. С наступлением темноты она читала заветное заклинание, и он приходил — горящий нетерпением, красивый, с отблеском неземного света на челе. Его не могли сдержать ни стены, ни двери, ни высота, ни глубина. И с ним Бранвен позабыла обо всем и обо всех, ибо все кроме него стало неважным.

Проснувшись на рассвете, Эфриэл привычно потянулся, чтобы обнять Бранвен, но рука его ощутила пустоту.

— Бранвен? — позвал он, позевывая.

Его любимая сидела за столиком для рукоделия и что-то плела.

— Проснулся? — спросила она ласково. — Как твоя рука?

— Пока на месте. Папаша долго хохотал, когда меня увидел. Сказал, что было бы смешно, появившись в Финнеасе двое одноруких.

Эфриэл смотрел на смертную женщину, и неудержимо расплывался в улыбке. Именно так он и хотел бы всегда просыпаться — чтобы сразу видеть ее. Отбросив одеяло, сид подошел к Бранвен и обнял со спины, заглядывая через плечо.

— Почему ты поднялась в такую рань? Что это? — он засмеялся. — Новое колдовство?

— В наших краях, — серьезно сказала Бранвен, продолжая плести тонкую косичку из собственных обрезанных прядей, — есть такой обычай — женщина дарит возлюбленному косичку из своих волос, чтобы крепче привязать его.

Она доплела пряди до конца, обернула ими шею Эфриэла почти под горло и связала кончики суровой ниткой.

— Я набрасываю это ярмо на тебя, мой бык. Как бы мне хотелось, чтобы ты не сбросил его вовеки, — сказала Бранвен медленно и торжественно.

Эфриэл понял, что она повторяет какой-то старинный заговор и улыбнулся — настолько это показалось ему трогательным.

— Вот, теперь ты крепко ко мне привязан, — сказала Бранвен шутливо, но глаза смотрели настороженно и пытливо.

— Глупышка, — Эфриэл взял ее лицо в ладони. — Хочешь проверить, нет ли у меня женщины в моем мире?

Бранвен покраснела быстро и жарко, и это лучше всех слов сказало об ее истинных намерениях.

— Нет никого, только ты. Клянусь всем, что свято для меня.

Она улыбнулась, но взгляд ничуть не потеплел. «Что же для тебя может быть свято?» — читалась в ее глазах.

— Женщинам нужны слова, — сказал сид, целуя ее. — Но чем больше я говорю, тем больше ты сомневаешься.

— О, я такая глупая, — вздохнула она. — Но что же будет с нами? С тобой и со мной? Мы разделены даже не расстоянием, а волей небес...

— Что будет? — переспросил Эфриэл. — Не знаю, моя маленькая возлюбленная. Знаю только, что не надо думать об этом, пока мы вместе. Помнишь, как говорила девчонка из школы тавропол? Если жизнь, как тот бык, подставила спину, не надо думать, что будет, если вдруг попадешь на рога. Надо просто продолжать танцевать. Задумаемся о печальном, когда печаль найдет нас.

Здесь заканчивается первая повесть о Бранвен из Роренброка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net